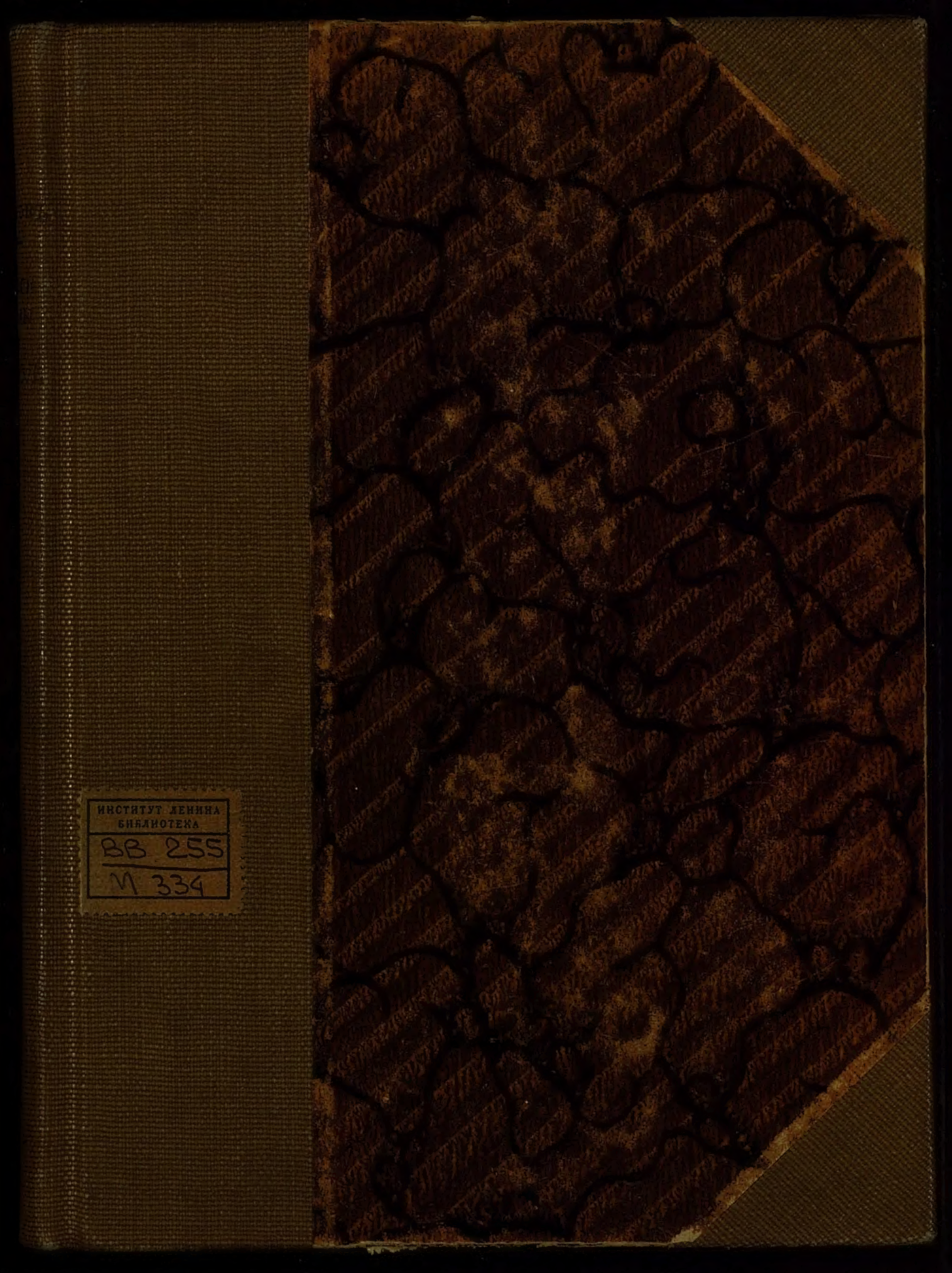
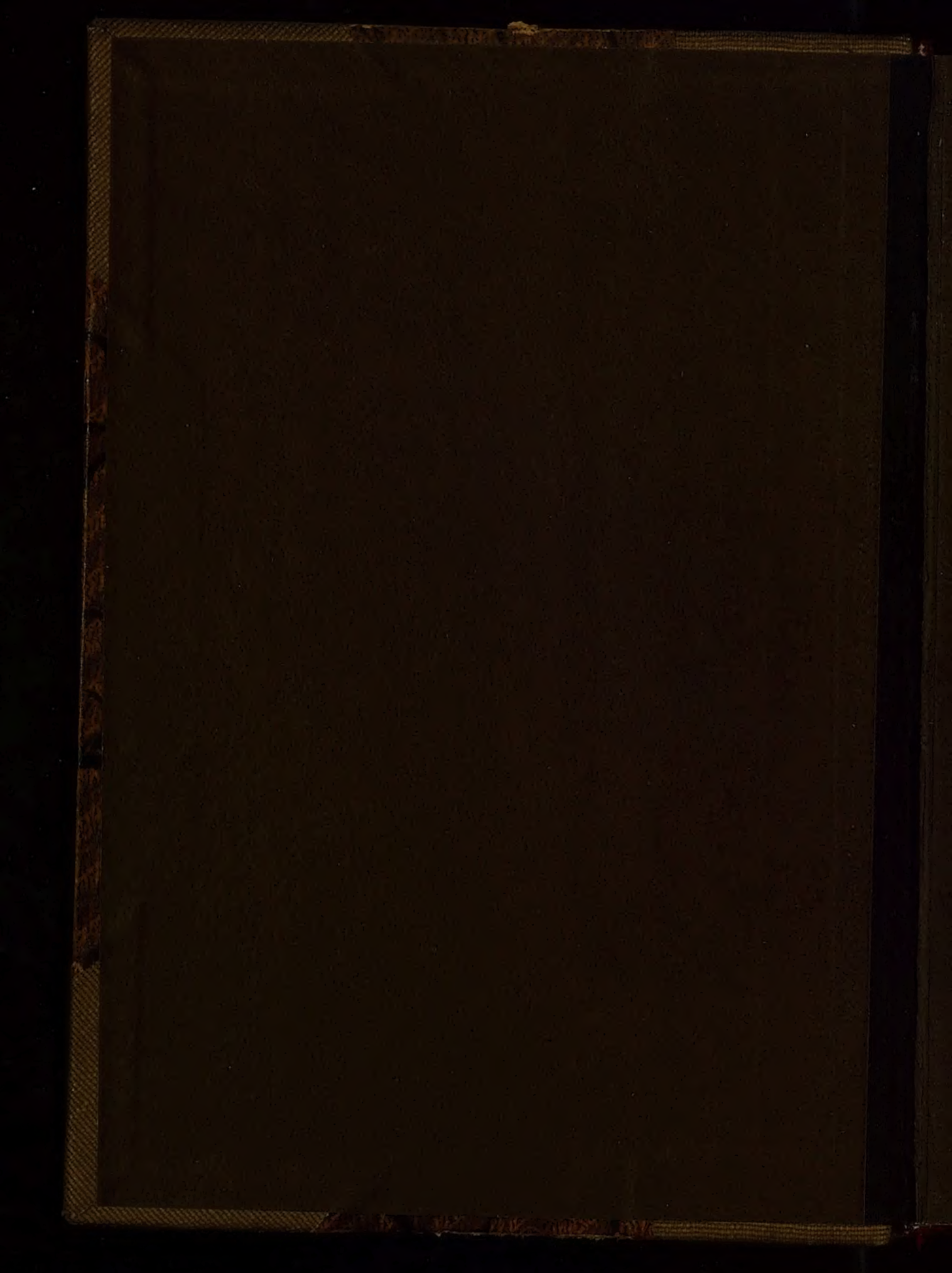
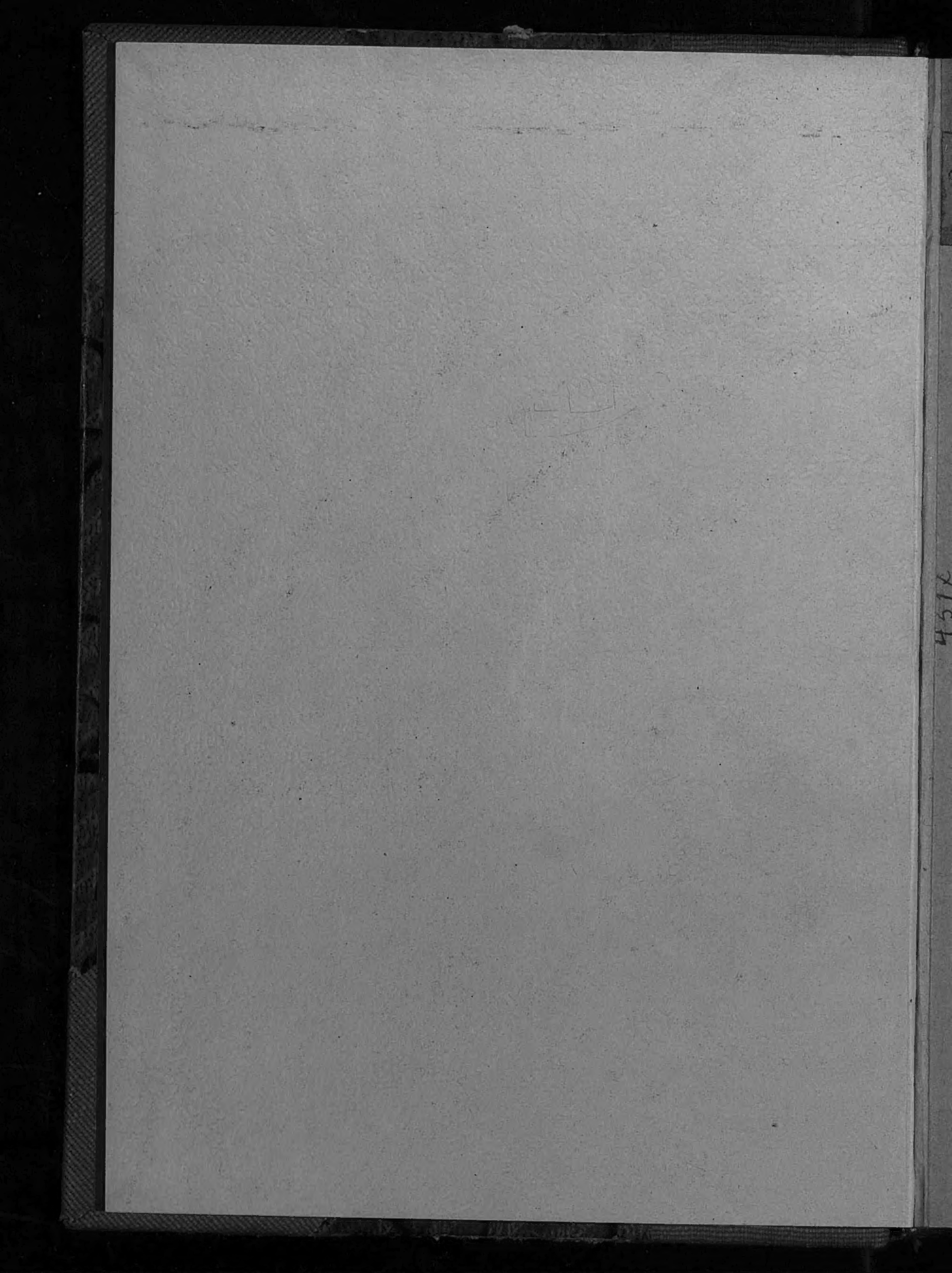

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ 255
М 334

ПЕТРЪ МАСЛОВЪ

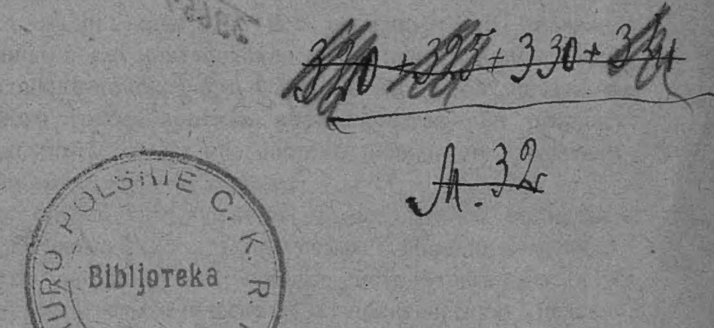
ИТОГИ ВОЙНЫ и РЕВОЛЮЦІИ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ"

ПЕТРЪ МАСЛОВЪ

ИТОГИ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦІИ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

Типографія Т-ва „Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ"
Моховая, у Троицкихъ воротъ, д. кн. Гагарина.

1918 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Три года войны и восемь мѣсяцевъ революціи, пока, закончились диктатурой солдатчины.

Что дальше будетъ,—трудно предсказать. Но теперь является потребность подвести нѣкоторые итоги тому, что произошло, и сдѣлать надлежащіе выводы.

И война и революція представляютъ собою процессы, къ анализу которыхъ приходилось подходить въ различные моменты, на различной стадіи ихъ развитія.

Съ самаго начала войны мнѣ какъ экономисту пришлось, исходя изъ того научнаго опыта, который у меня имѣется, подойти къ ея оцѣнкѣ и анализу.

Первое письмо въ редакцію „Р. В.“ вызвано было пораженческими прокламаціями, которыя появились въ началѣ войны. Такъ какъ изъ среды соціалъ-демократовъ тогда въ легальной печати не раздалось ни одного голоса противъ пораженчества, я и рѣшился выступить съ письмомъ объ опасностяхъ военнаго пораженія Россіи для ея экономическаго будущаго.

Такъ въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ выпущенной въ началѣ войны брошюры „Экономическія причины войны“, пришлось анализировать всѣ событія связанныя съ войной, исходя изъ мысли о необходимости отстоять экономическую и политическую независимость Россіи.

Читатель увидитъ, что въ вопросахъ экономическихъ, составляющихъ вторую часть этой книги, при царскомъ режимѣ, когда къ власти были ближе имущіе классы, мнѣ приходилось указывать, что ихъ политическіе интересы заслоняютъ собою интересы экономическаго развитія страны, и быть къ нимъ въ рѣзкой оппозиціи. Во время революціи, когда у власти оказалась демократія, мнѣ съ

такой же рѣзкостью пришлось указывать, что временные интересы отдѣльныхъ группъ демократіи также заслоняли собою интересы развитія производительныхъ силъ страны. Читатель можетъ не соглашаться съ тѣми выводами, къ которымъ я приходилъ, но онъ не можетъ меня упрекнуть въ томъ, что, прилагая свой научный анализъ къ явленіямъ дѣйствительности, я подлаживался къ господамъ положенія. Мнѣ кажется, что тотъ хозяйственный и политическій кризисъ, къ которому пришла страна, показываетъ, что я былъ правъ, что слишкомъ мало было такихъ силъ,—какъ среди имущихъ классовъ, такъ и среди демократіи,—которыя ставя интересы цѣлаго, интересы всего государства выше интересовъ отдѣльныхъ группъ населенія, могли бы вывести страну изъ того тупика, въ который она попала.

Теперь, когда намъ грозитъ экономическое, а можетъ быть и политическое рабство, когда грозитъ полное крушеніе промышленности, когда грозятъ бѣдствія рабочему классу, пора оглянуться назадъ, оцѣнить настоящее и трезво посмотрѣть на будущее. Странѣ предстоитъ еще много испытаній и, можетъ быть, правильная оцѣнка прошлаго, правильно подведенные итоги дадутъ возможность избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ въ будущемъ.

1-е декабря 1917 года

Авторъ

Часть I-ая

ПРИЧИНЫ И ЦѢЛИ ВОЙНЫ

Война и торговые договоры

(Письмо въ ред. „Русск. Вѣдом.“)

По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я, какъ членъ Вольнаго Экономическаго общества, не могъ участвовать въ преніяхъ по вопросу о покрытіи военныхъ издержекъ путемъ новыхъ налоговъ.

При сложившихся обстоятельствахъ не можетъ быть выработано организованнаго мнѣнія среди того общественнаго теченія, къ которому я себя имѣю честь причислять, и нижеизложенное я излагаю какъ свое личное мнѣніе, которое впрочемъ раздѣляется многими.

Нападеніе Германіи является не только угрозой для демократіи Франціи и Бельгіи, не только опасностью политической диктатуры въ Европѣ прусскаго юнкерства. Опасность гораздо больше: передъ Европой впервые стоитъ угроза опредѣленія въ ней торговыхъ договорныхъ отношеній силою меча. До сихъ поръ путемъ установленія „европейскаго равновѣсія“ даже маленькія страны въ Европѣ гарантировались отъ такого насильничества, а европейскій капиталъ волей-неволей долженъ былъ ограничиваться притѣсненіемъ азіатскихъ государствъ. Теперь впервые Европѣ грозитъ отъ передовой капиталистической страны,—въ случаѣ ея побѣды—опасность навязанныхъ торговыхъ отношеній, т.-е. превращенія въ колонію.

Ибо при побѣдѣ Германіи въ Европѣ ей не можетъ противостоять никакая сила,—съ союзникомъ—Австріей она можетъ не считаться. Напротивъ при ея пораженіи передовая капиталистическая страна, Англія, не грозитъ такимъ насиліемъ не только потому, что она придерживается свободы торговли, но главнымъ образомъ потому, что въ Европѣ она не можетъ опереться на военную силу противъ своихъ союзниковъ. Между тѣмъ указанная опасность особенно грозитъ экономически отсталой Россіи, такъ какъ можетъ разорить

земледѣльческое населеніе и уничтожить цѣлый рядъ отраслей обрабатывающей промышленности.

Получается небывалое въ современной Россіи положеніе; всѣ классы русскаго общества глубоко заинтересованы въ отраженіи нападенія арміи Вильгельма II; рабочій классъ такъ же заинтересованъ въ существованіи въ Россіи обрабатывающей промышленности, какъ и предприниматели. Крестьяне не меньше заинтересованы въ развитіи земледѣлія: убійство промышленности и земледѣлія въ Ирландіи, сдѣланное когда-то Англіей,— перспектива, страшная для всѣхъ классовъ общества. Если Франціи и Бельгіи грозитъ политическое угнетеніе, то Россіи грозитъ еще болѣе страшное экономическое угнетеніе.

Таково положеніе дѣла.

Бѣднѣйшіе классы городского и сельскаго населенія принимаютъ участіе въ этой борьбѣ тѣмъ, что они имѣютъ,—своими силами, своей кровью; естественно съ ихъ стороны ожиданіе, что матеріальная тяжесть войны падетъ не на ихъ плечи, а на крупный капиталъ. При обсужденіи въ Вольн. Эконом. об-вѣ вопроса о томъ, откуда взять на войну деньги, мнѣ кажется, недостаточно считались съ психологіей демократіи, которая имѣетъ рѣшающее значеніе въ войнѣ: какая была бы или будетъ психологія народныхъ массъ, принимающихъ участіе въ войнѣ, если бы онѣ почувствовали, что матеріальная тяжесть падаетъ на наиболѣе слабыя плечи? Считая, что въ данный моментъ на первомъ мѣстѣ стоитъ задача,— во что бы то ни стало,— отпора Германіи, я думаю, что эта задача легко осуществится, если матеріальная тяжесть войны падетъ исключительно на плечи имущихъ, такъ какъ нужно считаться не только съ платежеспособностью широкихъ народныхъ массъ, но и съ ихъ психологіей.

Я считаю также большой ошибкой то, что не обсуждался не менѣе важный вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ наиболѣе цѣлесообразно могутъ расходоваться получаемыя путемъ налоговъ деньги.

П. Масловъ

10 сентября 1914 г.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ МІРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Экономическое развитіе Германіи и Россіи

I

Небывалая міровая катастрофа, вызванная Германіей и Австріей, не имѣетъ историческаго оправданія. Но она имѣетъ историческое объясненіе.

И въ нѣмецкой и въ русской печати преобладаетъ склонность разсматривать эту войну, какъ войну „расовую", какъ борьбу германизма съ славянствомъ, при чемъ та и другая сторона выдвигаетъ защиту расы какъ основную задачу, поставленную войной.

Но уже національный составъ Австрійской имперіи, начавшей войну, показываетъ, что причины войны скрываются не въ національной борьбѣ. Нѣмцы въ Австро-Венгріи составляютъ, сравнительно, небольшой процентъ общаго количества населенія. Австрія стремилась къ дальнѣйшему завоеванію славянскихъ земель, слѣдовательно, и къ дальнѣйшему ослабленію въ ней германскаго элемента, т.-е. ослабленію роли какъ разъ германской расы въ Австро-Венгріи.

Основными причинами войны были причины экономическія, стремленіе австрійскаго и германскаго капиталовъ къ расширенію эксплуатаціи сосѣднихъ земель. Эти сосѣднія земли — славянскія, и естественно, что только благодаря этому экономическая борьба приняла рамки и формы борьбы національной. Но если бы балканскія страны и западная часть Россіи были населены не славянами, а другими народностями,—дѣло существенно не измѣнилось бы.

Стремленіе къ эксплуатаціи сосѣднихъ, экономически болѣе отсталыхъ странъ не составляетъ особенности какой-либо расы и не исчезаетъ, не измѣняется отъ состава народностей ихъ населяющихъ: капиталъ такъ же охотно эксплуатируетъ иноплеменниковъ, какъ и соплеменниковъ.

Слѣдовательно, для историческаго объясненія войны нужно выяснить причины, почему агрессивная роль принадлежитъ Германіи и Австріи, почему романскія страны—Франція и Бельгія такъ же, какъ и славянскія—Россія и Сербія должны были защищаться, почему Англія, по своему расовому составу болѣе близкая къ Германіи должна была выступить противъ нея?

Для этого нужно исходить не изъ того, что говорятъ, напримѣръ, англійскіе политики, или публицисты воюющихъ странъ, а изъ реальныхъ интересовъ этихъ странъ, или анализа путей ихъ развитія, толкающихъ ту или другую страну на опредѣленные шаги.,

Только такой анализъ можетъ дать правильное представленіе не только о причинахъ войны, но и о значеніи ея для воюющихъ странъ,

Если въ Германіи и Австріи склонны разсматривать эту войну. какъ борьбу противъ низшей культуры, противъ менѣе культурныхъ расъ, то это является лишь идеологическимъ костюмомъ, въ который облекаются матеріальные интересы, интересы наживы. Такъ дѣлаютъ всѣ европейцы при насильственной эксплуатаціи экономически отсталыхъ странъ за предѣлами Европы.

Теперь борьба за экономическое преобладаніе за насильственную эксплуатацію сосѣднихъ болѣе отсталыхъ странъ перенесена въ Европу и приняла характеръ общеевропейской и даже міровой войны.

Указывая на экономическія условія, какъ главнѣйшую причину происходящей въ настоящее время кровавой борьбы, мы вовсе не отрицаемъ значенія другихъ факторовъ, вліяющихъ на ея возникновеніе, развитіе и предстоящіе результаты. Но, выяснивши основныя причины войны, можно легче оріентироваться и въ другихъ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ нею: въ національномъ вопросѣ, въ вопросахъ иностранной политики и т. д. Поэтому попытаемся прежде всего выяснить экономическія причины происходящей міровой трагедіи, причины ея возникновенія и найти ея историческое объясненіе.

II

Политическое и экономическое развитіе Пруссіи въ первой половинѣ XIX вѣка, казалось, должно было повести къ дальнѣйшему

мирному развитію ея экономическаго и политическаго значенія въ центральной Европѣ.

Рядомъ съ Австріей, насильственно связывавшей различныя народности въ одну имперію, подъ гегемоніей Пруссіи развивается германскій таможенный союзъ,— первая попытка экономическаго свободнаго объединенія Германіи. Въ 1828 году съ Пруссіей вступаетъ въ союзъ Гессенъ, въ 1834 году—Баварія, Вюртембергъ и др. и къ 1860 году образуется таможенный союзъ всѣхъ нѣмецкихъ земель за исключеніемъ Австріи съ Лихтенштейномъ, съ которыми заключенъ торговый договоръ, обоихъ Мекленбурговъ, Голштиніи, Лимбурга и трехъ ганзейскихъ городовъ. Къ 1858 году сумма валового таможеннаго дохода союза достигала 33 милл. рейхсталеровъ, а обороты всей торговли въ 1855 году почти 800 милл. талеровъ.

Казалось, Германскій союзъ и въ томъ числѣ Пруссія отказался навсегда отъ агрессивной внѣшней политики. Германскій сеймъ даже продалъ суда того флота, который началъ строиться германскимъ національнымъ собраніемъ 1848—9 гг.

Сухопутныя военныя силы союза, составлявшія одинъ процентъ населенія, которое имѣли государства еще въ 1815 году, казалось, не росли. Мелкія государства даже были впослѣдствіи освобождены отъ поставки кавалеріи.

Но тѣмъ энергичнѣе увеличивала свои военныя силы Пруссія: въ концѣ 50-хъ годовъ дѣйствительный составъ войска прусскаго королевства заключалъ въ себѣ 270 тысячъ солдатъ, а Австріи только 250 тысячъ.

Такимъ образомъ Прусское военное государство воспользовалось развитіемъ товарныхъ отношеній въ предѣлахъ Германіи для усиленія своего могущества, а въ ближайшемъ будущемъ для борьбы съ Австріей за гегемонію въ Германіи.

Благодаря этому прусское королевство, имѣя всего въ 1858 году 17.740 тысячъ жителей, въ 60-хъ годахъ завоевало военную диктатуру въ Германіи и, вскорѣ, уже опираясь на всѣ ея объединенныя силы, обрушилось на Францію и разбило ее.

Объединенная Германія, зародившись въ качествѣ таможеннаго союза, сдѣлалась, благодаря господству прусскаго юнкерства, могущественнымъ военнымъ государствомъ подъ гегемоніей Пруссіи. Экономическія силы, развившіяся въ объединенной Германіи, были использованы съ необычайнымъ успѣхомъ для укрѣпленія военныхъ силъ и для завоеваній.

Революція 1848 года расчистила почву для объединительныхъ стремленій нѣмцевъ и для капиталистическаго развитія Германіи, но не устранила основаній для развитія милитаризма и завоевательныхъ стремленій. Попытки либеральныхъ націоналистовъ объединить Германію на основѣ національнаго союза съ демократической конституціей не привели ни къ чему. На сторонѣ прусскаго короля была сила. Германія была спаяна не соглашеніемъ народовъ отдѣльныхъ государствъ Германіи, а „кровью и желѣзомъ". „Не рѣчами и постановленіями большинства рѣшаются великіе вопросы времени, но желѣзомъ и кровью", сказалъ Бисмаркъ 30 сентября 1862 года палатѣ депутатовъ и сталъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, не считаясь съ либеральнымъ общественнымъ мнѣніемъ среднихъ слоевъ Германіи.

Успѣхъ его политики обезпечилъ ему, въ концѣ-концовъ, и успѣхъ среди нѣмецкой буржуазіи. Ея обогащеніе благодаря быстрому экономическому развитію примирило ее съ желѣзнымъ кулакомъ Бисмарка и прусскій юнкеръ впослѣдствіи сдѣлался національнымъ героемъ.

Уже само по себѣ объединеніе Германіи, уничтоживши 67 таможенныхъ заставъ между отдѣльными германскими частями, послужило сильнѣйшимъ толчкомъ для ея экономическаго развитія. Экономическій подъемъ начинается еще до столкновенія съ Австріей и потомъ съ Франціей. Изъ страны съ преобладающимъ земледѣльческимъ населеніемъ и съ кустарными промыслами въ промышленности Германія все болѣе и болѣе дѣлается промышленной страной.

Цѣны на сельскохозяйственные продукты повышаются. „Духъ предпринимательства и интересъ къ спекуляціямъ уже не ограничиваются, какъ это было въ началѣ вѣка, небольшою частью общества. Они захватываютъ глубокіе слои націи и окончательно завладѣваютъ дѣловымъ міромъ. Современная капиталистическая Германія возникаетъ въ теченіе двадцати лѣтъ отдѣляющихъ кризисъ 1848—49 годовъ отъ франко-прусской войны" (А. Лихтенберже. Современная Германія).

Какъ и въ другихъ капиталистическихъ странахъ въ началѣ развитія капитализма главная масса капитала сначала направляется въ область обмѣна и транспорта товаровъ. Въ періодъ 1851—1870 годовъ, вложенный въ различныя предпріятія капиталъ, распредѣлялся такимъ образомъ, что изъ 2.250 милл. марокъ акціонерныхъ предпріятій только 275 милл. марокъ или 12% было затрачено на горно-

заводское дѣло. Остальныя суммы затрачивались въ банки, желѣзныя дороги и страховыя общества [1]).

Десятимилліардная контрибуція, полученная Германіей съ Франціи послѣ франко-прусской войны, послужила сильнѣйшимъ толчкомъ не только для развитія товарообмѣна въ Германіи, но и для развитія крупнаго производства.

Четыре года, слѣдовавшіе за войной, характеризуются необыкновенной спекуляціонной горячкой, вызванной огромнымъ приливомъ капиталовъ. Между тѣмъ какъ за періодъ съ 1851 по 1870 годъ, т.-е. за двадцать лѣтъ было основано акціонерныхъ предпріятій всего съ капиталомъ въ 2.250 милл. марокъ, за четыре года съ 1871 по 1874 годъ появились новыя акціонерныя предпріятія съ капиталомъ въ 3.306 милл. марокъ. При этомъ гораздо большій процентъ капитала уже затрачивался въ производство. Хотя вслѣдъ за этой учредительной горячкой разразился кризисъ, тѣмъ не менѣе промышленность Германіи стала необыкновенно быстро развиваться. Въ восьмидесятыхъ годахъ горнозаводское дѣло поглощаетъ уже ровно одну треть общей суммы акціонернаго капитала, а въ девяностыхъ годахъ капиталъ захватываетъ другія отрасли промышленности, въ которыхъ до этого царило ремесло.

Какъ извѣстно, горное дѣло является не только основой развитія всѣхъ другихъ отраслей промышленности, доставляя для нихъ средства производства,—уголь и металлы, но и для вооруженія. Производство горнозаводской и металлургической промышленности Германіи къ 1900 году достигло колоссальной суммы на 4 милліарда марокъ въ годъ.

Такимъ образомъ расцвѣтъ промышленности, обязанный въ значительной мѣрѣ военному грабежу Франціи, давалъ опору для дальнѣйшаго укрѣпленія военнаго могущества, поскольку оно могло опираться на металлургическую промышленность Предприниматели, занятые металлургическимъ производствомъ и, въ частности, производствомъ оружія, какъ пресловутый Круппъ, обладаютъ не только огромными матеріальными средствами, но и дѣлаются вліятельной политической силой, побуждающей къ форсированію вооруженій и содѣйствующей агрессивной внѣшней политикѣ.

---

[1]) Въ своей книгѣ „Теорія развитія народнаго хозяйства" я старался показать, что первоначальное обращеніе капитала на орудія и средства обмѣна является общимъ закономъ капиталистическаго развитія каждой страны.

Главные продукты горнозаводской промышленности—каменный уголь и желѣзо. Добыча этихъ продуктовъ въ воюющихъ въ настоящее время странахъ развивалась такимъ образомъ.

Каменнаго угля (въ тысячахъ метрическихъ тоннъ):

Годы	Германія	Россія	Франція	Бельгія	Англія
1887	76.233	4.534	21.288	18.379	164.721
1897	120.475	11.203	30.797	21.492	205.374
1906	193.538	21.302	34.196	23.570	255.097
			Чугуна		
1887	4 024	612	1.568	756	7.681
1897	6.881	1.880	2.484	1.035	8.938
1906	12.293	2.612	3.314	1.376	10,312

Мы видимъ, что за послѣднія десятилѣтія какъ въ добываніи каменнаго угля, такъ и въ производствѣ чугуна Германія обгоняетъ всѣ европейскія страны. Абсолютный ростъ добыванія угля и производства чугуна превышаетъ ростъ англійскаго производства. Только за одно десятилѣтіе 1897—1907 года добываніе угля и чугуна увеличилось на большую сумму, чѣмъ общая сумма производства Россіи и Франціи. —

Точно такъ же въ другихъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности Германіи происходитъ колоссальный ростъ производства, и только въ сельскомъ хозяйствѣ количество занятыхъ въ немъ рабочихъ сокращается абсолютно и относительно.

Кромѣ горнозаводской промышленности, гдѣ количество рабочихъ съ 1882 по 1907 годъ увеличилось на 1,6 милл. человѣкъ или на 121%, наибольшій ростъ производства отмѣчается въ слѣдующихъ отрасляхъ промышленности: въ обработкѣ металловъ, гдѣ количество рабочихъ съ 1882 по 1907 годъ увеличилось на 1,485 милл. человѣкъ или на 110%, въ машиностроеніи, гдѣ количество рабочихъ увеличилось на 1,44 милл. человѣкъ и въ строительныхъ промыслахъ съ увеличеніемъ на 2 милл. человѣкъ рабочихъ.

Быстрое развитіе промышленности приводитъ къ относительному сокращенію земледѣльческаго населенія, которое уходитъ въ промышленность. Между тѣмъ спросъ на продукты земледѣлія со стороны промышленнаго населенія увеличивается, цѣны на сельскохозяйственные продукты растутъ, увеличивается ихъ ввозъ. Значеніе сельскаго хозяйства въ общей экономикѣ страны падаетъ, но гер-

манскіе помѣщики-аграріи продолжали играть въ политической жизни страны первенствующую роль. Въ зависимости отъ этого, какъ увидимъ далѣе, измѣняется таможенная политика Германіи, начинается борьба промышленниковъ съ аграріями.

Сокращеніе земледѣльческаго населенія и земледѣльческихъ рабочихъ привело къ увеличивающейся съ каждымъ годомъ эксплуатаціи иностранныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ, изъ русской и австрійской Польши. Въ послѣдніе годы число приходящихъ изъ Австріи и въ особенности изъ западной Россіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ считается уже сотнями тысячъ. Рабочіе, приходящіе изъ русской Польши, не пользуясь никакой защитой, играли въ Германіи такую же роль, какую играютъ цвѣтнокожіе рабочіе въ европейскихъ колоніяхъ и какую играли ирландцы въ Англіи.

Повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ Германіи благодаря таможеннымъ пошлинамъ повысило земельную ренту землевладѣльцевъ и дало имъ возможность вести очень интенсивное хозяйство, повысить урожайность земли до очень высокаго уровня.

Такимъ образомъ даже въ сельскомъ хозяйствѣ, несмотря на сокращеніе занятыхъ въ немъ германскихъ рабочихъ рукъ, добываніе продуктовъ за послѣднія двадцать лѣтъ очень быстро увеличилось. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія.

Сборъ хлѣбовъ въ Германіи былъ:

	Въ 1891 году	Въ 1910 году
Пшеница	142.359 тыс. пуд.	235.585 тыс. пуд.
Рожь	291.751 „ „	641.171 „ „
Овесъ	322.040 „ „	481.900 „ „

Ростъ производства въ Германіи вызывалъ интенсивное развитіе и внутренней и внѣшней торговли. Наибольшая доля вывоза изъ Германіи падаетъ на Англію. Въ 1913 году изъ Германіи было вывезено товаровъ въ Великобританію на 1.438 милл. марокъ, въ Россію—на 880 милл. мар., во Францію—на 790 милл. марокъ, въ Бельгію—на 551 милл. мар., въ Индію—на 150 милл. мар. и въ Японію—на 122 милл. марокъ, а всего въ воюющія съ Германіей страны вывозъ изъ нея превышалъ $4{,}_3$ милліарда марокъ.

Ввозъ товаровъ изъ этихъ странъ въ Германію превышалъ вывозъ.

Изъ Россіи ввозилось на 1.424 милл., изъ Великобританіи—на 876 милл., изъ Франціи—на 584 милл., изъ Индіи—на 541 милл.,

изъ Бельгіи—на 344 милл., и т. д., а всего ввозъ въ Германію изъ воюющихъ теперь странъ превышалъ 4,771 милліардовъ марокъ.

Воюющія теперь между собой страны были экономически тѣсно связаны другъ съ другомъ. Но характеръ этой связи между ними былъ различнымъ.

Изъ Россіи Германія ввозила, главнымъ образомъ, сырые продукты, точно такъ же, какъ и изъ-за океанскихъ странъ и колоній. Вывозила же больше издѣлій и полуобработанныхъ матеріаловъ своей фабрично-заводской промышленности.

Такъ, въ 1912 году по русско-прусской границѣ въ Россію ввезено издѣлій больше, чѣмъ вывезено на 196.742 тыс. руб. и полуобработанныхъ матеріаловъ на 62.368 тыс. руб.

Развитіе торговли во всѣхъ частяхъ свѣта вызвало въ Германіи быстрый ростъ торговаго флота, который въ особенности увеличился въ текущемъ столѣтіи. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія роста торговаго флота главнѣйшихъ странъ.

Торговый флотъ достигалъ размѣровъ:

въ Германіи	въ 1901	году	1.941.645	тоннъ
	„ 1911	„	3.153.724	„
въ Россіи	„ 1901	„	633.821	„
	„ 1913	„	756.601	„
Великобрит.	„ 1901	„	9.280.164	„
	„ 1912	„	11.878.807	„
Франціи	„ 1900	„	1.037.726	„
	„ 1911	„	1.462.639	„

Развитіе торговаго флота въ Германіи происходитъ быстрѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, и Германія дѣлается наиболѣе сильнымъ конкурентомъ Великобританіи.

Такимъ образомъ пользуясь Россіей, какъ рынкомъ для продуктовъ обрабатывающей промышленности, получая изъ нея сырье и дешевыхъ рабочихъ, и стремясь въ нее какъ въ колонію, Германія встрѣчается съ Англіей на почвѣ развитія своей міровой торговли, и дѣлается серьезнымъ конкурентомъ на океанахъ.

Это положеніе Германіи приводитъ ее къ столкновенію съ Россіей на почвѣ торговыхъ договоровъ и борьбы за проливы, а съ Англіей за міровую торговлю.

Благодаря болѣе раннему развитію англійской міровой торговли всѣ лучшіе порты, угольныя станціи и проч. на океанахъ находи-

лись въ рукахъ англичанъ. Всѣ земли внѣ европейской территоріи, которыя могли быть захвачены, уже были подѣлены между европейскими странами.

Чтобы расширить свои колоніальныя владѣнія сообразно росту своей торговли, чтобы укрѣпить свою міровую торговлю на океанахъ германскимъ имперіалистамъ приходилось разсчитывать только на захватъ новыхъ владѣній уже отъ другихъ капиталистическихъ странъ и вести по отношенію къ нимъ агрессивную политику. А для этого было необходимо обладать большей военной силой, чѣмъ всякое другое государство. Ростъ вооруженной силы Германіи былъ неизбѣжнымъ результатомъ стремленія расширить свою торговлю на счетъ другихъ капиталистическихъ государствъ. Но, въ свою очередь, увеличеніе вооруженныхъ силъ Германіи неизбѣжно вызывало ростъ вооруженія другихъ государствъ и, въ особенности Франціи, которой больше всего угрожала вооруженная Германія.

III

Экономическое развитіе другихъ европейскихъ государствъ происходило не съ такой интенсивностью, какъ развитіе Германіи.

Россія позднѣе другихъ европейскихъ странъ выступила на путь капиталистическаго развитія и, какъ увидимъ, въ значительной степени обязана этимъ развитіемъ иностранному капиталу.

Отмѣна крѣпостного права, необходимая для промышленнаго развитія страны, въ Россіи произошла тогда, когда другія европейскія страны стояли уже высоко по пути этого развитія.

Какъ и въ другихъ странахъ въ Россіи первоначально крупный капиталъ направился въ орудія и средства обмѣна, т.-е. въ желѣзнодорожныя сооруженія, на пароходство и въ банки.

Изъ общей суммы основного капитала въ 1.115.6 милл. рублей, затраченныхъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ съ 1861 по 1873 годъ, было поглощено:

Желѣзными дорогами 698,5 милл. руб. или 62,6%.

Банками или кредитными учрежденіями 226,9 милл. рублей или 20%.

Пароходными обществами 7,3 милл. руб. или 0,6%.

Между тѣмъ какъ на горнозаводскія предпріятія было затрачено только 24,3 милл. руб. или 2,2%, а на прочія промышленныя предпріятія 104,6 милл. рублей или 10%.

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что въ періодъ до 70-хъ годовъ XIX столѣтія въ Россіи преобладалъ капиталъ, затраченный въ обмѣнъ въ желѣзнодорожныя предпріятія, банки, пароходныя и страховыя общества. Только въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія промышленный капиталъ и, въ частности, горнозаводское дѣло начинаетъ развиваться и поглощать колоссальные капиталы. Въ началѣ текущаго столѣтія въ горнозаводскую промышленность уже затрачивается болѣе одной трети всего основного акціонернаго капитала—39,4%, т.-е. относительно болѣе, чѣмъ въ Германіи 80-хъ годовъ.

Естественныя условія для промышленнаго развитія въ Россіи гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Обладая колоссальными естественными богатствами, Россія, кромѣ того, обладаетъ огромнымъ (потенціальнымъ) внутреннимъ рынкомъ, какого не имѣется въ другихъ странахъ: она занимаетъ $^2/_3$ площади Европы съ населеніемъ, превышающимъ $^1/_3$ часть населенія всей Европы. Но вслѣдствіе своей экономической отсталости, вслѣдствіе непроизводительной затраты національнаго дохода и вытекающей изъ этого низкой производительности труда, процессъ накопленія капитала въ Россіи и развитіе производства въ ней идетъ недостаточно быстро. Ростъ городского населенія незначителенъ сравнительно съ общимъ ростомъ населенія и экономически ослабѣвшіе крестьяне не находятъ достаточно мѣста въ обрабатывающей промышленности. Въ 1885 году городское населеніе составляло 12,2% всего населенія Европейской Россіи, а въ 1906 году—12,3%,—увеличеніе крайне ничтожно.

Тѣмъ не менѣе благодаря накопленію капитала внутри страны, а также благодаря приливу иностраннаго капитала, развивается сѣть желѣзныхъ дорогъ и промышленность.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія иностранный капиталъ притекалъ въ Россію, главнымъ образомъ, путемъ государственныхъ займовъ и получалъ, такимъ образомъ, въ значительной своей части непроизводительное потребленіе. Производство отъ этихъ займовъ развивалось лишь постольку, поскольку оно было необходимо для военныхъ надобностей и поскольку займы употреблялись на строительство желѣзныхъ дорогъ.

Притокъ капиталовъ въ значительной степени опредѣляется международными политическими отношеніями. Съ начала столѣтія до 70-хъ годовъ главнымъ заимодавцемъ Россіи была Англія. Но столкновенія съ Англіей на Ближнемъ Востокѣ побудили англичанъ

перепродать русскія бумаги французамъ, которые изъ-за страха передъ новымъ разгромомъ со стороны Германіи старались тѣснѣе связать себя съ Россіей.

Германскіе капиталы стали проникать въ Россію въ видѣ государственныхъ займовъ въ половинѣ XIX столѣтія, но Бисмаркъ въ концѣ 80-хъ годовъ изгналъ русскіе займы изъ германскихъ банковъ и русскія цѣнности были скуплены французами. Только во время русско-японской войны, которая поощрялась Германіей, въ ней былъ реализованъ государственный заемъ.

Кромѣ государственныхъ займовъ, которые въ извѣстной своей долѣ реализовались и въ русской промышленности путемъ казенныхъ заказовъ, иностранные капиталы реализовались въ облигаціяхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ городскихъ займахъ, въ акціяхъ и облигаціяхъ частныхъ предпріятій и банковъ и, наконецъ, въ промышленныхъ и торговыхъ операціяхъ отдѣльныхъ иностранныхъ предпринимателей.

По подсчетамъ „Торгово-промышленной Газеты“ гарантированныя облигаціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ размѣщены на иностранныхъ биржахъ на слѣдующія суммы:

На Берлинской	на	598,87	милл.	руб.
„ Парижской	„	375	„	„
„ Лондонской	„	99,91	„	„
„ Брюссельской	„	73,75	„	„

Городскіе займы также реализуются, главнымъ образомъ, за границей, при чемъ только въ теченіе пятилѣтія съ 1908 по 1912 годъ за границей было занято городами (больше въ Германіи) на сумму около 300 милл. рублей.

Облигацій находящихся въ Россіи промышленныхъ предпріятій на заграничныхъ биржахъ котируется немного, но все-таки болѣе, чѣмъ на 200 милл. руб.

Колоссальныя суммы иностранныхъ капиталовъ, особенно съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія затрачивались въ банки и промышленныя предпріятія. Расцвѣтомъ горнозаводской промышленности, производствомъ газа, электричества, устройствомъ трамваевъ русская промышленность обязана, главнымъ образомъ, иностраннымъ капиталамъ, которые получали очень высокую прибыль, благодаря покровительственной таможенной политикѣ и низкой заработной платѣ.

Сумма акцій русскихъ промышленныхъ предпріятій, котирующихся на заграничныхъ биржахъ, превышаетъ $1^1/_2$ милліарда рублей, при чемъ главныя суммы падаютъ на парижскую и берлинскую биржи.

Такимъ образомъ капиталистическое развитіе Россіи тѣсно связано съ приливомъ капиталовъ изъ-за границы. Россія является не только огромнымъ рынкомъ для европейскихъ фабрикатовъ, но и для иностранныхъ капиталовъ.

IV

Въ связи съ развитіемъ въ Россіи товарообмѣна быстро увеличивается вывозъ за границу и ввозъ изъ-за границы товаровъ. Благодаря промышленной отсталости Россіи изъ нея вывозятся продукты земледѣлія и необработанное сырье, а ввозятся, главнымъ образомъ, фабрикаты и полуфабрикаты. Размѣры внѣшней торговли Россіи опредѣляются слѣдующими цифрами:

Вывозъ

	Въ 1902—6 гг.	1907—11 гг.	1912 г.
Въ Германію .	142,2 милл. р.	367,6 милл. р.	453,8 милл. р
„ Великобрит.	222,3 „ „	278,1 „ „	327 „ „
„ Голландію .	107,7 „ „	156,4 „ „	154 „ „
„ Францію . .	66,8 „ „	82,3 „ „	98,2 „ „

Привозъ

Изъ Германіи .	243,5 милл. р.	397,3 милл. р.	532 милл. р.
„ Великобрит.	103,5 „ „	134,4 „ „	142,4 „ „
„ Соед. Шт. .	50,8 „ „	73,9 „ „	87,4 „ „
„ Франціи . .	27,2 „ „	46,6 „ „	56,3 „ „

Наибольшій товарообмѣнъ существуетъ между Германіей и Россіей. При этомъ съ каждымъ пятилѣтіемъ доля германскаго ввоза и вывоза изъ Россіи увеличивается и абсолютно и относительно. Привозъ товаровъ изъ Германіи съ 36,2% общей цѣнности привоза увеличился въ 1912 году до 45,4%, т.-е. охватываетъ почти половину цѣнности всѣхъ ввозимыхъ въ Россію товаровъ. При этомъ ввезено фабрично-заводскихъ издѣлій больше чѣмъ вывезено на 196.742 тыс. руб. и полуобработанныхъ матеріаловъ больше на

62.368 тыс. руб. Слѣдовательно, Россія является колоссальнѣйшимъ рынкомъ для германскихъ фабрикатовъ. Вывозъ изъ Россіи въ Германію также растетъ, составляя въ 1902—6 годахъ 24%, а въ 1912 году 29,9% общей суммы вывоза.

Торговля Россіи съ Франціей и Англіей имѣетъ второстепенное значеніе.

Такимъ образомъ, поскольку говорятъ и пишутъ о необходимости пріобрѣтенія для промышленности растущей Германіи рынковъ, то эта „необходимость" крайне относительна.

Россія является огромнымъ рынкомъ для германской фабричной промышленности, при томъ, рынкомъ изъ года въ годъ увеличивающимся. Но германскимъ товарамъ приходится конкурировать съ товарами другихъ странъ; нѣтъ монопольной торговли, которая устраняла бы конкуренцію и давала сверхприбыль. Это было бы возможно только путемъ насильственно навязаннаго торговаго договора.

Ввозъ англійскихъ, французскихъ и бельгійскихъ капиталовъ въ Россію и организація ими внутри страны промышленныхъ предпріятій грозили для Германіи сокращеніемъ русскаго рынка.

На этой почвѣ сталкиваются интересы различныхъ капиталистическихъ группъ различныхъ странъ, интересы непосредственно вліяющіе на международную политику.

Торговый договоръ съ Германіей, заключенный во время русско-японской войны, былъ оченъ выгоденъ для германскихъ аграріевъ и не выгоденъ для земледѣльческаго хозяйства Россіи. Можно было ожидать, что предстоящій торговый договоръ будетъ для Германіи уже менѣе выгоднымъ. Слѣдовательно, съ этой стороны передъ Германіей были непріятныя перспективы, побуждавшія такъ или иначе бороться за расширеніе внѣшняго рынка.

Кромѣ того, благодаря отчасти приливу иностраннаго, отчасти и германскаго капитала въ Россію въ ней быстро развивается промышленность. Это развитіе неизбѣжно угрожаетъ сокращеніемъ русскаго рынка для германскихъ фабрикантовъ, если „своевременно" не будутъ приняты мѣры ослабить или остановить экономическое развитіе новаго конкурента.

V

Интересы различныхъ капиталистическихъ группъ, имѣющихъ дѣло съ Россіей, какъ денежнымъ и товарнымъ рынкомъ, не только не одинаковы, а даже противоположны.

Денежный капиталъ, ссужающій Россію деньгами, вовсе не заинтересованъ въ ея экономической и политической отсталости. Ему нужна обезпеченная оплата процентовъ и экономическое развитіе страны только выгодно, такъ какъ обезпечиваетъ эту оплату. Напротивъ, иностранные промышленники, ввозящіе въ страну товары, вовсе не заинтересованы въ ея экономическомъ развитіи, въ развитіи въ ней обрабатывающей промышленности. Напротивъ, экономическая и политическая отсталость Россіи является однимъ изъ условій экономическаго преобладанія страны, вывозящей продукты фабричнаго производства.

Благодаря близкому географическому сосѣдству съ Россіей и отчасти благодаря политикѣ Бисмарка и его преемниковъ, выбросившихъ съ берлинской биржи русскіе государственные займы, Германія гораздо больше, чѣмъ Франція, Бельгія и даже Англія была связана съ ней торговыми сношеніями, чѣмъ затратами капиталовъ внутри Россіи, т.-е. Россія гораздо больше была для Германіи колоніей для ввоза въ нее фабричныхъ товаровъ и вывоза сырья, чѣмъ для вывоза изъ Германіи капиталовъ.

Этимъ въ значительной степени опредѣлялись и международныя отношенія среди перечисленныхъ странъ. Колоссальный ростъ капитала и производительныхъ силъ Германіи требовалъ или отлива капиталовъ, или сбыта товаровъ.

Ростъ производства требовалъ, главнымъ образомъ, сбыта товаровъ. На этой почвѣ развивается агрессивная внѣшняя политика и назрѣвало столкновеніе съ сосѣдними странами, а впослѣдствіи и съ Англіей. Развитіе капитализма опережаетъ ростъ элементовъ, враждебныхъ развитію связаннаго съ нимъ милитаризма и агрессивной политики и, при такихъ условіяхъ, приводитъ къ вооруженнымъ конфликтамъ.

* *
*

Внѣшняя политика Россіи опредѣлилась интересами такого же характера, какъ и въ другихъ странахъ, въ Англіи, Франціи, Италіи и т. д.

Несмотря на то, что, казалось бы, Россія представляетъ колоссальный внутренній рынокъ для возникающей капиталистической промышленности, отдѣльныя группы капиталистовъ стремились и стремятся захватить и внѣшніе рынки. Такъ какъ русскимъ предпринимателямъ конкурировать съ иностранными предпринимателями трудно,

то постоянно являлись тенденціи къ захвату внѣшнихъ рынковъ, главнымъ образомъ, въ Азіи.

Русско-японская война нѣсколько ослабила эти стремленія, такъ же, какъ и агрессивныя стремленія на Ближній Востокъ, поддерживавшіяся романтиками панславистскаго имперіализма.

Но на Ближнемъ Востокѣ назрѣвалъ другой конфликтъ, вызванный указанными выше стремленіями германскаго и австрійскаго капитализма.

Промышленное развитіе Юга Россіи и особенно развитіе оттуда экспорта хлѣба требовало свободныхъ для торговли проливовъ. Эта свобода въ извѣстной степени обезпечивалась слабой Турціей и могла исчезнуть съ укрѣпленіемъ на проливахъ какого-нибудь сильнаго государства. Стремленіе германскаго имперіализма на востокъ угрожало не только балканскимъ странамъ, но и свободнымъ проливамъ. Тѣ опасенія, которыя раньше до 1904 года вызывались политикой Россіи на Ближнемъ Востокѣ теперь, въ послѣдніе годы, стали вызывать Австрія и Германія.

Это особенность всей современной капиталистической эпохи: въ каждый данный моментъ болѣе сильное въ военномъ отношеніи государство грозитъ независимости болѣе слабыхъ. Но, какъ только болѣе слабое дѣлается болѣе сильнымъ, оно становится, въ свою очередь, угрозой другимъ. Въ послѣдніе годы такой угрозой для сосѣднихъ странъ являлась Германія.

VI

Экономическое развитіе другихъ воюющихъ европейскихъ странъ, Франціи, Бельгіи и Сербіи съ Черногоріей не имѣло значенія первопричины, вызвавшей міровую войну.

Первымъ зачинщикомъ войны была Австро-Венгрія; но ея иниціатива отчасти была вызвана Германіей. Австро-Венгрія являлась лишь передовымъ аванпостомъ германскаго капитализма. Тѣмъ не менѣе и австрійскій промышленный капиталъ былъ заинтересованъ въ завоевательныхъ планахъ Австро-Венгріи. Это нетрудно увидѣть изъ анализа экономическаго положенія Австріи передъ войной.

Восточную часть Австро-Венгріи представляетъ собой земледѣльческую страну, которая является довольно обширнымъ рынкомъ для обрабатывающей промышленности западной ея части и Германіи.

Общій размѣръ австрійской внѣшней торговли сравнительно съ

другими европейскими капиталистическими странами незначителенъ, особенно, если принять во вниманіе численность населенія Австро-Венгріи и размѣры ея территоріи. Общая сумма ввоза въ Австро-Венгрію въ 1912 году достигала суммы 1.453 милл. руб., а вывоза—1.109 милл. руб.

Меньшіе размѣры внѣшней торговли Австро-Венгріи сравнительно съ другими капиталистическими странами Западной Европы объясняются не только экономической отсталостью Австро-Венгріи, но и тѣмъ, что для западной, болѣе промышленной части имперіи ея восточная часть является рынкомъ, куда сбываются промышленныя издѣлія, и обратно, западная часть является рынкомъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ восточной части. Поэтому изъ Австро-Венгріи въ цѣломъ вывозятся избытки и продуктовъ сельскаго хозяйства и предметовъ обрабатывающей промышленности. Преобладаетъ, во всякомъ случаѣ, вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства, а не обрабатывающей промышленности. Стремясь найти рынки на востокѣ Европы, Австро-Венгрія, вмѣстѣ съ тѣмъ, сама является рынкомъ для передовыхъ капиталистическихъ странъ, главнымъ образомъ для Германіи.

Вывозъ въ Германію составлялъ почти половину общаго вывоза Австро-Венгріи (изъ 1.002 милл. руб.—412 милл. въ 1911 г.), а ввозъ изъ Германіи—505 милл. рублей—изъ 1.330 милліоновъ общаго ввоза Австро-Венгріи.

Другія страны Европы въ торговлѣ съ Австро-Венгріей играли, каждая въ отдѣльности, незначительную роль. Въ западныя государства Австро-Венгрія вывозила продукты сельскаго хозяйства своей восточной части, а на востокъ, на Балканы продукты индустріи западной части имперіи.

Для промышленной части Австро-Венгріи большое значеніе въ качествѣ внѣшняго рынка имѣли балканскія государства: Турція, Румынія, Сербія и Греція. Въ 1911 году было вывезено изъ Австріи на сумму:

въ Турцію	на	50	милл.	руб.
„ Румынію	„	49	„	„
„ Сербію	„	15	„	„
„ Грецію	„	6	„	„

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что стремленіе Австро-Венгріи на Востокъ вызывалось не только напоромъ германскаго промышлен-

наго капитала, забрасывавшаго Австро-Венгрію продуктами фабричнаго производства, но и интересами австрійскаго капитала, въ свою очередь, сбывавшаго свои издѣлія на Балканы.

Но для отсталаго австрійскаго капитализма не легко было конкурировать на Балканахъ съ другими странами, пока балканскія государства оставались политически независимыми. Политическая гегемонія на Балканахъ, овладѣніе портами на Эгейскомъ и Адріатическомъ моряхъ, изоляція балканскихъ государствъ отъ торговли по Средиземному морю съ другими странами являлись единственной гарантіей монопольной торговли Австріи въ балканскихъ государствахъ. Во всякомъ случаѣ воевать съ Россіей для Австро-Венгріи не имѣло смысла, такъ какъ Россія была главнымъ рынкомъ для Германіи, а не для Австро-Венгріи: объ экономическомъ подчиненіи Россіи могли мечтать германскіе, а не австрійскіе промышленники.

Сдѣланный нами очеркъ экономическаго положенія воюющихъ странъ центральной и восточной Европы показываетъ, что рядомъ съ наиболѣе развитой въ промышленномъ отношеніи Германіей и идущей въ слѣдъ за ней Австро-Венгріей лежатъ экономически болѣе отсталыя страны, которыя представляли огромный рынокъ для эксплуатаціи промышленнымъ капиталомъ болѣе развитыхъ нѣмецкихъ странъ.

До настоящаго времени торговыя отношенія Германіи и Австро-Венгріи, съ одной стороны, балканскихъ странъ и Россіи—съ другой, регулировались договорными отношеніями между торгующими странами. Объявленіе войны Австро-Венгріей Сербіи и Германіей Россіи показываетъ, что эти договорныя отношенія не удовлетворяли ни Австро-Венгрію, ни Германію, что этимъ странамъ нужно было прибѣгнуть къ оружію, чтобы усилить эксплуатацію тѣхъ странъ, съ которыми была затѣяна война, что нужно было превратить ихъ или въ свои колоніи, или измѣнить торговые договоры такимъ образомъ, чтобы политически независимыя страны превратить фактически въ колоніи Австріи и Германіи. Только постановка такихъ задачъ могла оправдать передъ господствующими классами Германіи и Австро-Венгріи нападеніе ихъ на Сербію и Россію. Чтобы оцѣнить значеніе такого рода агрессивной политики для земледѣльческихъ и промышленныхъ круговъ нужно бросить бѣглый взглядъ на таможенную политику воюющихъ странъ, въ которой наиболѣе ярко отражаются интересы господствующихъ въ каждой странѣ классовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Таможенная политика

I

Развитіе торговыхъ отношеній между отдѣльными странами по мѣрѣ роста капиталистическаго производства неизбѣжно повело къ увеличенію значенія торговыхъ договоровъ между ними. Этими договорами регулировались не только взаимныя торговыя отношенія, но главнымъ образомъ, условія производства внутри каждой страны.

Такъ какъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ имѣли политическій вѣсъ и экономическое могущество отдѣльныя группы капиталистовъ или землевладѣльцевъ, то торговые договоры диктовались не столько интересами массы населенія, или потребителей, сколько интересами этихъ наиболѣе сильныхъ группъ. Часто интересы всей страны приносились въ жертву интересамъ отдѣльныхъ группъ предпринимателей, несмотря на протесты другихъ заинтересованныхъ слоевъ населенія.

При такомъ общемъ положеніи таможенной политики капиталистическихъ странъ тотъ или другой ея характеръ имѣлъ огромное значеніе для всего экономическаго развитія страны, для большинства ея населенія. Напримѣръ, покровительственная таможенная политика Германіи по отношенію къ сельскому хозяйству, обогащая группу землевладѣльцевъ и удорожая предметы непосредственнаго потребленія народныхъ массъ, была чрезвычайно невыгодна для этихъ массъ. Точно такъ же въ Россіи запретительныя (по существу) пошлины на многія иностранныя издѣлія и полупродукты не только удорожали предметы потребленія народныхъ масссъ, но часто мѣшали дальнѣйшему усовершенствованію покровительствуемыхъ отраслей промыш-

ленности. Во многихъ покровительствуемыхъ отрасляхъ промышленности Россіи иностранный капиталъ получалъ огромныя прибыли насчетъ русскаго потребителя и, благодаря этому, въ усиленномъ размѣрѣ вывозился за границу, т.-е. покровительство „отечественной“ промышленности приводило къ усиленной эксплуатаціи потребителя иностраннымъ капиталомъ.

Наиболѣе развитыя торговыя отношенія существовали между Россіей и Германіей.

Эти торговыя отношенія опредѣлялись, какъ степенью развитія промышленности въ обѣихъ странахъ, такъ и соотношеніемъ въ нихъ общественныхъ силъ.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Германіи преобладали принципы свободной торговли, потому что въ странѣ обрабатывающая промышленность была слабо развита, преобладало земледѣліе, продукты котораго вывозились, а политическая сила страны находилась въ рукахъ землевладѣльцевъ. Послѣдніе естественно стремились къ облегченію вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ и къ удешевленію продуктовъ обрабатывающей промышленности.

Главнымъ потребителемъ земледѣльческихъ продуктовъ Германіи была Англія.

Только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ привозъ продуктовъ земледѣлія уравновѣшивается ввозомъ. Промышленность настолько развивается, городское населеніе такъ увеличивается, что къ семидесятымъ годамъ ввозъ продуктовъ сельскаго хозяйства начинаетъ превышать вывозъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ среди аграріевъ Пруссіи все больше и больше появляется сторонниковъ покровительственной таможенной политики съ цѣлью устраненія на внутреннемъ рынкѣ иностранной конкуренціи и повышенія хлѣбныхъ цѣнъ.

Предприниматели въ обрабатывающей промышленности также были сторонниками таможеннаго покровительства индустріи, такъ какъ стремились къ устраненію конкуренціи болѣе развитой въ промышленномъ отношеніи Англіи. Обычно сталкивающіеся между собою въ вопросахъ таможенной политики аграріи и промышленники объединились въ требованіяхъ установленія покровительственной политики.

Въ результатѣ этого протекціонистскаго движенія былъ въ 1879 г. изданъ таможенный покровительственнный тарифъ, установившій пошлины какъ на продукты земледѣлія, такъ и на предметы обрабатывающей промышленности.

Этимъ тарифомъ отчасти въ фискальныхъ интересахъ, но, главнымъ образомъ, въ интересахъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ были введены пошлины на хлѣбъ, керосинъ, дерево, желѣзо, повышены пошлины на мясо, кофе, вино, табакъ, матеріи и д. т.

Въ 1885 году пошлины на зерновой хлѣбъ, установленныя въ 1879 году въ размѣрахъ 1 марки на 6 пудовъ, были утроены, а въ 1887 г. снова повышены на $^{3}/_{5}$.

Такимъ образомъ таможенная политика Германіи сначала стремилась защищать интересы и аграріевъ и промышленниковъ. Но дальнѣйшее промышленное развитіе страны и усиленіе ввоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ, при политическомъ господствѣ аграріевъ заставило германское правительство руководствоваться исключительно интересами землевладѣльцевъ и желѣзныхъ бароновъ.

Опубликованный осенью 1901 года „бюловскій" или „ростовщическій" тарифъ ведетъ къ дальнѣйшему повышенію тарифа на жизненные продукты, ввозимые въ Германію.

По вычисленію Зингера новый „ростовщическій" тарифъ былъ такъ выгоденъ аграріямъ, что 152 землевладѣльца отъ повышенія пошлинъ получали прибавку къ своему доходу на 7 милліоновъ марокъ за счетъ германскихъ потребителей.

Протесты городского населенія ни къ чему не повели и дальнѣйшая таможенная политика германскаго правительства продолжала руководствоваться исключительно интересами землевладѣнія.

Но безграничнымъ аппетитамъ германскихъ аграріевъ противостояли не только интересы городскихъ классовъ населенія Германіи, но и интересы различныхъ общественныхъ группъ въ другихъ, торгующихъ съ Германіей государствахъ. На ряду съ повышеніемъ германскихъ таможенныхъ пошлинъ другія европейскія страны также стали прибѣгать къ высокому таможенному тарифу.

Таможенная война, начавшаяся сначала между Германіей и Австріей, побудила Германію къ заключенію торговыхъ договоровъ сначала съ Австро-Венгріей въ 1891 году, а потомъ съ Италіей, Швейцаріей, Бельгіей и другими государствами. Эти договоры, заключенные съ 1 февраля 1892 года, примѣняли пониженныя таможенныя ставки между договаривающимся странами противъ болѣе высокаго общаго тарифа, примѣнявшагося къ другимъ недоговаривающимся странамъ.

II

Въ таможенной политикѣ Россіи въ теченіе XIX столѣтія проявлялись двѣ тенденціи: интересы фиска и защита интересовъ промышленниковъ.

До 50-хъ годовъ въ Россіи былъ настолько высокій тарифъ, что торговыя отношенія съ европейскими странами почти не развивались. Для многихъ товаровъ былъ установленъ запретительный тарифъ. Послѣ Крымской войны пошлины были понижены, и иностранная торговля начинаетъ быстро развиваться. Тарифъ 1868 года еще болѣе понизилъ пошлины; но это облегченіе товарообмѣна съ Европой продолжалось недолго. Съ 1877 г. происходитъ систематическое повышеніе таможенныхъ пошлинъ, которое продолжалось до настоящаго времени.

Повышеніе таможенныхъ пошлинъ съ 1877 года началось съ того, что пошлины стали взыскиваться золотомъ. При низкомъ курсѣ бумажнаго рубля въ то время это повело къ общему повышенію пошлинъ на 40 — 50%. Съ 1879 года была установлена пошлина на хлопокъ-сырецъ, съ 1880 года установлена пошлина на чугунъ и желѣзо, привозившіеся раньше безпошлинно для машиностроительныхъ заводовъ и т. д. и т. д. Это повышеніе пошлинъ преслѣдовало не только цѣли покровительства русскимъ предпринимателямъ, но и фискальныя цѣли. Торговый балансъ до 77 года сводился къ превышенію ввоза надъ вывозомъ. Съ 1877 года, по мѣрѣ повышенія таможенныхъ пошлинъ, вывозъ все болѣе и болѣе превышаетъ ввозъ. Обороты внѣшней торговли Россіи представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Вывозъ	Привозъ въ тыс. рублей	Вывозъ больше (+) или меньше (—) на:
1875 г.	381.952	531.056	—149.104
1876 „	400.700	477.582	— 76.882
1885 „	537.906	435.388	+102.518
1886 „	484.106	426.511	+ 57.595
1890 „	692.240	406.650	+285.510

При этомъ таможенный доходъ къ 1890 году возросъ до суммы 126.461 тыс. рублей золотомъ.

Въ 1891 году былъ выработанъ и изданъ новый общій таможенный тарифъ, который на значительную часть товаровъ повысилъ ставки противъ тарифа 1868 года въ нѣсколько разъ. Напримѣръ, пошлины на чугунъ съ 5 коп. съ пуда по тарифу 1868 года были повышены до 45—52 коп., на рельсы—съ 20 коп. до 90 коп., на машины съ 30 коп. до 2 р. 50 коп. съ пуда и т. д., и т. д.

Между тѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ также развивается протекціонизмъ, при чемъ таможенному обложенію подвергаются и продукты сельскаго хозяйства. Это взаимное стѣсненіе торговли привело въ началѣ девяностыхъ годовъ къ стремленію заключать торговыя соглашенія между отдѣльными государствами на почвѣ взаимныхъ уступокъ въ таможенномъ тарифѣ.

Такого рода соглашенія установились между Германіей, Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей.

Такъ какъ соглашенія между Россіей и Германіей не существовало, то сельскохозяйственные продукты, вывозимые изъ Россіи, облагались болѣе высокой пошлиной, чѣмъ продукты, ввозимые въ Германію изъ другихъ европейскихъ странъ. Въ виду нежеланія Россіи и Германіи сдѣлать взаимныя уступки во второй половинѣ 1893 года между ними началась „таможенная война", выразившаяся во взаимныхъ репрессіяхъ по отношенію къ ввозимымъ товарамъ изъ другой страны. Торговля обѣихъ странъ за короткій періодъ времени сильно пострадала отъ сокращенія вывоза изъ одной страны въ другую. Таможенная война была очень выгодна германскимъ аграріямъ, но въ еще большей мѣрѣ убыточна нѣмецкимъ промышленникамъ. Поэтому оба государства поспѣшили заключить въ 1894 году торговый договоръ.

Основы соглашенія заключались въ томъ, что та и другая страна взаимно допускали льготный таможенный тарифъ, т.-е. съ нѣкоторыми скидками противъ общаго тарифа.

Вслѣдъ за германскимъ договоромъ состоялись соглашенія Россіи съ другими европейскими странами: Румыніей, Болгаріей, Австро-Венгріей и проч.

Товарообмѣнъ между Россіей и Германіей, сократившійся въ годы „таможенной войны" 1892—1894 годовъ, послѣ заключенія договора продолжаетъ развиваться.

Вывозъ изъ Россіи въ Германію съ 147.886 т. руб. повысился къ 1903 году до 233.090 т. руб., а ввозъ изъ Германіи въ Россію повысился съ 101.184 тыс. руб. до 241.897 тыс. руб.

Между тѣмъ въ Германіи подъ давленіемъ аграріевъ, а въ Россіи подъ давленіемъ предпринимателей, занятыхъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, обнаруживается стремленіе къ дальнѣйшему повышенію таможенныхъ пошлинъ.

Новый торговый договоръ на 10 лѣтъ, вступившій въ силу въ іюнѣ 1906 года, былъ заключенъ во время русско-японской войны и привелъ къ повышенію таможенныхъ ставокъ на продукты, вывозимые изъ Россіи.

Несмотря на повышеніе таможенныхъ пошлинъ на русское сырье, товарообмѣнъ между Германіей и Россіей въ слѣдующіе годы продолжалъ возрастать, при чемъ главными товарами, вывозившимися изъ Россіи, продолжали оставаться продукты сельскаго хозяйства, а предметами ввоза — продукты фабричнаго производства Германіи. Нѣкоторыя издѣлія, ввозимыя изъ Германіи, составляли и составляютъ болѣе половины и даже болѣе 90% всѣхъ издѣлій этого рода, ввозимыхъ изъ другихъ странъ.

Приближеніе момента заключенія новаго торговаго договора, вслѣдствіе истеченія срока, и опасенія менѣе выгоднаго для германскихъ аграріевъ договора служитъ однимъ изъ скрытыхъ основаній воинственности нѣмецкихъ и особенно прусскихъ аграріевъ, сыгравшихъ первую роль въ возникновеніи происходящей въ настоящее время войны, ибо усиленіе въ Германіи въ послѣдніе годы значенія городского промышленнаго населенія являлось сильнымъ препятствіемъ къ таможенной войнѣ, которая возникла бы при отсутствіи уступчивости съ той и другой стороны. Сохранить за собой русскій рынокъ дла обрабатывающей промышленности, оставивши высокія таможенныя ставки на хлѣбъ, т.-е. удовлетворить аппетиты и аграріевъ и промышленниковъ, возможно только въ случаѣ побѣды вооруженной силой въ „превентивной“ войнѣ. Только побѣда надъ Россіей устранила бы внутреннюю борьбу между промышленниками и аграріями, въ которой побѣда едва ли оказалась бы на сторонѣ аграріевъ. Если бы не было происходящей теперь войны, то или аграріи (что всего вѣроятнѣе) или промышленники потерпѣли бы огромный ущербъ.

Это хорошо сознавали и аграріи и промышленники.

Уже въ іюнѣ 1909 года, когда въ Берлинѣ состоялся шеститысячный митингъ протеста промышленниковъ и торговцевъ противъ экономической политики германскаго правительства, создался „Hansabund“ для борьбы съ этой политикой.

Повышеніе таможенныхъ пошлинъ со стороны Россіи на промышленныя издѣлія въ отвѣтъ на повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ со стороны Германіи отражалось непосредственно на промышленности и торговлѣ Германіи. Увеличивать свой вывозъ германскіе промышленники, организованные въ синдикаты, могли только вывозными преміями за счетъ германскихъ потребителей. Борьба между аграріями и промышленниками, существовавшая въ послѣдніе годы, должна была усилиться. Единственнымъ выходомъ изъ нея, который могъ объединить и промышленниковъ и аграріевъ, который, такимъ образомъ, превращался въ „національную" задачу, это—вынудить Россію на уступки, подчинить ее не политически, а только таможенной политикѣ Германіи.

Поэтому въ начатой Германіей войнѣ не было стремленія покорить Францію, разрушить Бельгію, затѣять борьбу за гегемонію съ Англіей теперь же.

Германія стремилась къ болѣе скромной задачѣ, воевать т о л ь к о съ Россіей, одержать побѣду т о л ь к о надъ ней. Война Германіи съ другими странами явилась уже результатомъ борьбы съ Россіей. Франція неизбѣжно должна была втянуться въ войну, какъ союзница Россіи во избѣжаніе расправы впослѣдствіи. Бельгія подверглась нападенію, а Англія и Японія начали борьбу изъ опасенія германской гегемоніи и германскаго имперіализма.

Конечно, французскія колоніи являются нѣкоторой приманкой для германскихъ имперіалистовъ, но Германія никогда не начала бы міровой войны изъ-за этой приманки, если бы экономическое подчиненіе Россіи не вызывалось „жизненными интересами" прусскихъ аграріевъ и промышленныхъ синдикатовъ.

III

Таможенная политика Франціи характерна, какъ политика страны съ рѣзко выраженной защитой интересовъ господствующихъ промышленныхъ и земледѣльческихъ классовъ, но отстающей въ своемъ экономическомъ развитіи отъ другихъ капиталистическихъ странъ.

Въ извѣстной степени ея экономическая отсталость обусловливается ея таможенной политикой.

Начавши, какъ и другія страны, съ покровительственныхъ пошлинъ возникающей промышленности, Франція въ зависимости отъ политическаго преобладанія землевладѣльцевъ или промышленниковъ

переходила то къ наибольшему покровительству землевладѣльцамъ (при Бурбонахъ), то крупной промышленности (при Луи-Филиппѣ).

При Наполеонѣ III благодаря договору съ Англіей таможенныя пошлины понижаются, но при третьей республикѣ онѣ постепенно снова повышаются. Въ 80-хъ годахъ вводятся болѣе высокія сельско-хозяйственныя пошлины, а въ 90-хъ годахъ происходитъ общее повышеніе таможенныхъ пошлинъ. Хотя для странъ, съ которыми заключены торговые договоры, сталъ примѣняться минимальный тарифъ, тѣмъ не менѣе таможенное покровительство и землевладѣльцами и промышленниками при третьей республикѣ ослабило товарообмѣнъ Франціи съ другими странами. Это сокращеніе товарнаго обмѣна Франціи съ другими странами, вмѣстѣ съ относительнымъ сокращеніемъ внутренняго рынка благодаря уменьшенію рождаемости, сдѣлало невыгоднымъ расширеніе производства для сбыта товаровъ на міровой рынокъ, и французскій накопляющійся капиталъ предпочиталъ искать для себя помѣщеніе въ другихъ странахъ. На ряду съ Англіей Франція дѣлается всеміpнымъ банкиромъ, снабжая капиталами другія страны, въ особенности Россію. Боязнь агрессивной Германіи побудила Францію особенно щедро снабжать деньгами Россію, чтобы поддержать ея военное могущество въ противовѣсъ Германіи.

Такимъ образомъ господствующіе классы Франціи не думали и не могли думать объ агрессивной политикѣ по отношенію къ европейскимъ странамъ изъ-за матеріальныхъ интересовъ, которые играютъ руководящую роль въ иностранной политикѣ.

Хотя небольшая группа французскихъ шовинистовъ раньше и кричала о реваншѣ Германіи изъ-за Эльзаса и Лотарингіи, но международнаго значенія такая агитація не имѣла, потому что за этой группой не стояло значительныхъ общественныхъ силъ и—что всего важнѣе,—матеріальные интересы господствующихъ во Франціи классовъ не толкали ихъ къ конфликту съ Германіей; покровительственныя пошлины и землевладѣльцамъ и промышленникамъ открывали поле для спокойной эксплуатаціи потребителей своей собственной страны.

IV

Болѣе раннее промышленное развитіе Англіи сравнительно съ другими странами давало ей такія преимущества, что уже въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія въ ней начинаетъ проявляться стремленіе къ введенію свободы торговли.

Въ 30-хъ годахъ, когда политическая власть изъ рукъ землевладѣльцевъ, благодаря парламентской реформѣ, переходитъ въ руки промышленныхъ классовъ, общественное теченіе въ пользу свободы торговли усиливается, а въ 1846 году пошлины на хлѣбъ совершенно отмѣняются.

Таможенныя пошлины для промышленности также значительно понижаются въ 40-хъ годахъ. Наконецъ въ тарифахъ 1853 и 1860 гг. послѣдовало дальнѣйшее пониженіе таможенныхъ пошлинъ.

Облегчая ввозъ товаровъ въ Англію, англійское правительство путемъ договоровъ облегчало и вывозъ своихъ товаровъ въ другія страны. Такимъ путемъ Англіи удалось укрѣпить и расширить свою міровую торговлю и конкурировать съ вновь развивающимися капиталистическими странами, не облагая англійское населеніе косвеннымъ налогомъ въ видѣ таможенныхъ пошлинъ. Даже по отношенію къ колоніямъ Англіей съ 60-хъ годовъ были отмѣнены льготы, которыми тѣ пользовались для своихъ товаровъ на англійскомъ рынкѣ. Эта политика по отношенію къ торговлѣ давала возможность Англіи предоставить широкое самоуправленіе своимъ колоніальнымъ владѣніямъ, населеннымъ европейскими эмигрантами: Канадѣ, Австралійскому Союзу и южно-африканскимъ владѣніямъ; при этомъ самоуправляющіяся колоніи облагаютъ ввозимые товары самостоятельными покровительственными пошлинами. Колоніи даютъ лишь преимущество англійскимъ товарамъ, облагаемымъ ниже, чѣмъ товары, привозимые изъ другихъ странъ.

Разумѣется, такая торговая политика проводится не безъ сопротивленія довольно сильныхъ промышленныхъ группъ, стремящихся уничтожить свободу торговли и создать вмѣстѣ съ британскими колоніями замкнутую таможенными пошлинами имперію. Представители желѣзодѣлательной промышленности въ Англіи являются ярыми имепріалистами.

Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени англійская таможенная политика является наименѣе агрессивной сравнительно съ другими странами. Это имѣетъ, разумѣется, большое значеніе для экономически болѣе отсталыхъ странъ, такъ какъ даетъ возможность самостоятельнаго экономическаго и политическаго развитія каждой страны.

V

Таможенная политика другихъ воюющихъ странъ, въ возникновеніи происходящей теперь міровой войны, повидимому, не имѣла значенія.

Англія, главный конкурентъ Германіи, вела политику „открытыхъ дверей“, и, какъ мы видѣли, допускала торговлю Германіи въ своихъ колоніяхъ.

Болѣе раннее развитіе англійскаго капитализма повело къ уничтоженію таможенныхъ препятствій міровой торговлѣ со стороны Англіи. Стадія таможеннаго покровительства своему сельскому хозяйству, своей индустріи въ Англіи давно прошла. Въ этомъ отношеніи англійскій капитализмъ является наиболѣе прогрессивнымъ. Этимъ же объясняется та либеральная политика Англіи по отношенію къ своимъ колоніямъ, которая характерна теперь именно для Англіи. Только Индія, являющаяся для англійскихъ правящихъ классовъ рынкомъ для сбыта „интеллектуальнаго капитала“, сохраняетъ характеръ колоній прежнихъ временъ.

Эта особенность колоніальной политики Англіи обусловливается не характеромъ націи, даже не ея болѣе демократическимъ государственнымъ строемъ, а той ступенью экономическаго развитія, на которой находится теперь Англія, обладающая наибольшей суммой накопленныхъ капиталовъ.

Тѣмъ не менѣе англійскій капиталъ самъ по себѣ не обладаетъ бо́льшими добродѣтелями, чѣмъ капиталъ въ другихъ странахъ. Англичане также не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы „отворить двери“ для своей торговли и устранить конкурента, если послѣдній стремится взять въ свое распоряженіе „двери“ какой-либо страны.

Такимъ образомъ таможенную политику различныхъ государствъ можно оцѣнивать и сравнивать не съ моральной стороны, а только съ точки зрѣнія интересовъ тѣхъ или другихъ классовъ общества, или интересовъ экономическаго развитія той или другой страны.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія не безразлично, кто является „гегемономъ“ на міровомъ рынкѣ, Англія или Германія.

Въ области міровой торговли въ настоящее время идетъ борьба между англійскимъ и германскимъ имперіализмомъ, хотя Англія и была вовлечена въ войну неподготовленной. Побѣда того или другого имперіализма будетъ имѣть непосредственное вліяніе на развитіе русскаго народнаго хозяйства. Побѣда Германіи предрѣшаетъ экономическую зависимость и эксплуатацію Россіи, между тѣмъ какъ побѣда англійскаго имперіализма обезпечиваетъ полную свободу договоровъ и полное освобожденіе отъ насильственной эксплуатаціи страны, не только потому, что Англія страна свободной торговли и можетъ только содѣйствовать постепенному развитію свободы тор-

говли въ другихъ странахъ, но и потому, что побѣда надъ Германіей не грозитъ военнымъ натискомъ на Россію со стороны Англіи.

Это имѣетъ, разумѣется, колоссальное значеніе для экономическаго, политическаго и культурнаго развитія каждаго государства. Тѣ матеріальныя и духовныя силы, которыя при насильственной эксплуатаціи затрачиваются на освобожденіе отъ иноземной зависимости, при свободномъ развитіи страны направляются на это развитіе.

Въ настоящее время въ міровой войнѣ рѣшаются экономическія и политическія судьбы цѣлыхъ государствъ. При полной невозможности политически уничтожить и подчинить Россію, возможно было бы,— на что, повидимому, надѣялись германскіе господствующіе классы,— лишь усилить ея экономическую эксплуатацію и, такимъ образомъ, задержать ея экономическое и политическое развитіе. Если бы можно было получить привилегированный для Германіи торговый договоръ, Россія была бы обширнѣйшимъ рынкомъ для германской фабричной промышленности, поставщикомъ дешевыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, дающихъ огромный доходъ на таможняхъ германскому фиску, и поставщикомъ дешевыхъ рабочихъ рукъ для германскихъ аграріевъ.

Въ отношеніяхъ къ Россіи, вызвавшихъ войну, Германіей руководило стремленіе измѣнить таможенную политику въ свою пользу, превратить Россію въ колонію путемъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ, уничтоженія въ ней промышленности и т. д. Нападеніе на Сербію вызывалось колоніальной политикой Австро-Венгріи и Германіи, стремившихся превратить въ свои колоніи Балканы и, главнымъ образомъ, Турцію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Значеніе колоній и колоніальная политика

I

Колоніальныя войны занимали такое мѣсто въ исторіи человѣчества, изъ-за нихъ столько проливалось крови, что среди современнаго общества господствуетъ убѣжденіе въ необходимости колоній для процвѣтанія и экономическаго развитія капиталистической страны, убѣжденіе въ томъ, что промышленность не можетъ развиваться безъ колоній.

Этотъ взглядъ основанъ на нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ. Дѣйствительно, до періода развитія капитализма и въ началѣ его развитія, колоніальная торговля являлась главнымъ источникомъ прибыли [1].

Но по мѣрѣ развитія торговли и капиталистическаго производства, торговля *между* капиталистическими странами играетъ все большую и большую роль и постепенно ослабляетъ относительное значеніе торговли съ собственными колоніями. Все больше и больше мѣста занимаетъ торговля, основанная на договорныхъ отношеніяхъ между обмѣнивающимися товарами странами.

Тѣмъ не менѣе для нѣкоторыхъ группъ капиталистическаго общества, обыкновенно наиболѣе вліятельныхъ, владѣніе колоніями имѣетъ большое значеніе, какъ источникъ сверхприбыли, основанный на физическомъ насиліи. Занимая незначительное мѣсто въ общемъ балансѣ хозяйственныхъ оборотовъ страны, колоніальная торговля имѣетъ огромное значеніе въ международныхъ отношеніяхъ. Напримѣръ,

---

[1]) См. объ этомъ П. Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства. 1910 г.

германскія колоніи въ Африкѣ охватываютъ колоссальную площадь и требуютъ значительныхъ расходовъ на ихъ сохраненіе, а изъ-за Марокко Германія готова была накинуться на Францію и затѣять войну.

Между тѣмъ собственныя колоніи въ германскомъ народномъ хозяйствѣ играютъ ничтожную роль, исключая небольшой колоніи Кіао-Чао, служившей базой для укрѣпленія торговли съ Китаемъ.

Быстрое экономическое развитіе Германіи происходило несмотря на почти полное отсутствіе торговли со своими колоніями.

Напротивъ, во Франціи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствахъ, имѣются обширныя колоніи, съ большимъ количествомъ населенія, тѣмъ не менѣе экономическое развитіе Франціи, какъ и другихъ европейскихъ странъ, далеко отставало отъ экономическаго развитія Германіи. Франція, Голландія, Португалія и др. страны держали за собой обширныя колоніи, а германская торговля съ этими колоніями неуклонно расширялась.

Мы видимъ, что капиталистическія страны, имѣющія обширныя колоніи, отстаютъ въ своемъ экономическомъ развитіи, между тѣмъ какъ Германія, которая пріобрѣла колоніи позднѣе и имѣетъ въ нихъ слабую торговлю, развивалась экономически гораздо быстрѣе другихъ европейскихъ странъ. Этотъ фактъ совершенно опровергаетъ распространяемые имперіалистами взгляды о необходимости колоній для экономическаго развитія страны, но, разумѣется, не ослабляетъ ихъ аппетитовъ на полученіе выгодныхъ монополій и синекуръ въ колоніяхъ и не мѣшаетъ вовлекать капиталистическія страны въ колоніальныя авантюры. Ибо, несомнѣнно, та или другая группа предпринимателей можетъ получить въ завоеванныхъ колоніяхъ такую прибыль, какую инымъ путемъ трудно получить...

Тѣмъ не менѣе для всего народнаго хозяйства въ цѣломъ колоніальная политика не только не необходима, но во многихъ случаяхъ является, безусловно, вредной, задерживая экономическое развитіе страны. Французскія колоніи, требуя огромныхъ затратъ на ихъ охраненіе, на проведеніе желѣзныхъ дорогъ и т. д. даютъ очень мало для французской промышленности. „Французская желѣзная дорога въ Сенегалѣ, идущая на протяженіе 200 километровъ отъ Дакара до Сенъ-Луи, въ теченіе 15 лѣтъ существованія стоила метрополіи на однѣ ежегодныя субсидіи болѣе 25 милл. франковъ. Суданская дорога, длиной въ 132 километра, обошлась метрополіи за 19 лѣтъ въ 40 милліоновъ франковъ, истраченныхъ на ежегодныя субсидіи.

"Чтобы дать понятіе о значеніи этой дороги, слѣдуетъ указать, что на десятый годъ своего существованія она дала выручки отъ провоза товара всего на сумму 452.000 фр., между тѣмъ расходы по эксплуатаціи линій и ея охранѣ обошлись въ 7.220.000 фр. (М. Павловичъ. Цит. соч., стр. 22)".

Другая дорога на алжиро-марокксой границѣ наполовину узкоколейная, наполовину ширококолейная такого рода, что путешественники пѣшкомъ и въ повозкахъ двигаются параллельно рельсовой колеѣ по обыкновеннымъ колеснымъ дорогамъ.

Таковы колоніи Франціи и такова ихъ доходность для ея народнаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе страна затрачиваетъ колоссальныя средства на охрану ихъ и готова ввязаться въ войну изъ-за этихъ убыточныхъ колоній, потому что онѣ выгодны нѣкоторымъ вліятельнымъ группамъ Франціи. Если все-таки Германія начала захватывать новыя колоніи, если въ ней имперіалисты вели и ведутъ усиленную агитацію за пріобрѣтеніе и завоеваніе новыхъ колоній, яко бы необходимыхъ для народнаго хозяйства, то исключительно въ эгоистическихъ интересахъ небольшихъ группъ юнкерства и промышленниковъ. За эту роскошь, — имѣть свои колоніи, — населеніе Германіи платилось не только значительными расходами, затрачиваемыми въ колоніяхъ, но и затратами на развитіе военнаго флота, необходимаго для колоніальныхъ авантюръ.

При ничтожномъ торговомъ значеній для Германіи ея собственныхъ колоній англійскія и французскія колоніи для ея торговли имѣютъ гораздо большее значеніе. Создается парадоксальное положеніе, неизвѣстное широкой публикѣ, которая вводится въ заблужденіе имперіалистами: чужія колоніи могутъ быть выгоднѣе для страны ея собственныхъ колоній.

Напримѣръ, французскія колоніи, на которыя Франція тратитъ значительныя средства, являются очень важнымъ рынкомъ для германской торговли и промышленности. Изъ общей цифры 23 милліона франковъ германскаго, австрійскаго, африканскаго ввоза въ чужія колоніи главная доля, 20 милл., приходится на африканскія колоніи Франціи.

Въ Сіамѣ Германія выступала съ 346 кораблями вмѣстимостью въ 376,000 тоннъ, тогда какъ французская торговля велась всего 25 кораблями съ 9.000 тоннажемъ. Съ 1897 по 1911 годъ германская и австрійская торговля во французскихъ колоніяхъ удвоилась.

Очевидно, если германскіе имперіалисты, какъ и имперіалисты

другихъ странъ, вопятъ о необходимости колоній и о предстоящей гибели промышленности страны безъ этихъ колоній, то не столько въ цѣляхъ расширенія сбыта товаровъ, сколько для увеличенія вывоза „интеллектуальныхъ силъ", т.-е. паразитическихъ элементовъ, накопляющихся въ капиталистической странѣ, и для вывоза товаровъ по монопольнымъ цѣнамъ, дающимъ сверхприбыль.

При значительной торговлѣ Германіи съ французскими и англійскими колоніями собственныя ея колоніи играютъ ничтожную роль.

Вывозъ Германіи въ другія страны достигаетъ общей суммы въ $7.474_{,7}$ милліоновъ марокъ; изъ нихъ вывозится въ нѣмецкую западную Африку на $19_{,4}$ милл. марокъ, въ нѣмецкую восточную Африку на $13_{,1}$ милл. марокъ, въ Камерунъ на $8_{,7}$ милл. и въ Того на $2_{,6}$ милл. марокъ, а всего на сумму около 44 милл. марокъ, или около $^1/_2$ процента общей суммы вывоза. Очевидно, эти колоніи вовсе не необходимы для капиталистическаго развитія Германіи. Напротивъ, мы видимъ, что въ англійскія и французскія колоніи Германія вывозитъ на гораздо большую сумму, чѣмъ въ свои собственныя. Такъ въ австралійскій союзъ вывозится изъ Германіи на $63_{,3}$ милліона марокъ, въ Канаду на $36_{,6}$ милл., въ Британскую Индію на $89_{,8}$ милл. марокъ и т. д.

Изъ этихъ цифръ ясно, что для народнаго хозяйства капиталистическихъ странъ колоніальный захватъ имѣетъ меньше значенія, чѣмъ въ предшествовавшія столѣтія, когда капиталъ образовывался почти искючительно на эксплуатаціи колоній (итальянскіе города, Испанія, Португалія, Голландія и Англія). Теперь захватъ колоній можетъ даже задерживать капиталистическое развитіе, какъ во Франціи, поглощая значительную часть производительныхъ силъ страны на насильственное удержаніе колоній.

Между тѣмъ заинтересованныя группы сумѣли внушить другимъ группамъ населенія, что эти $^1/_2$ процента сбыта въ свои колоніи являются необходимыми для существованія капитализма, и борьба за захватъ колоній выставляется, какъ борьба за существованіе.

II

Мы видимъ, что, напротивъ, главное значеніе имѣютъ торговыя отношенія, основанныя на договорахъ съ другими странами.

Но и въ этой области практика капиталистическихъ государствъ создала новыя своеобразныя отношенія.

Въ предѣлахъ Европы, а также съ Америкой существуютъ свободныя договорныя отношенія, диктуемыя интересами правительствъ и господствующихъ классовъ договаривающихся странъ. Но, на ряду съ этимъ, существуютъ навязанныя торговыя отношенія, главнымъ образомъ, съ азіатскими странами, съ цѣлью усиленно ихъ эксплуатировать. Эти навязанныя торговыя отношенія имѣютъ для капиталистическихъ странъ большое значеніе, когда они эксплуатируютъ такія крупныя государства, какъ Турція, Персія или Китай. Пользуясь экономической отсталостью этихъ странъ и ихъ военной слабостью, европейцы безпощадно эксплуатируютъ, стараясь высосать изъ нихъ все, что возможно. Лишь взаимная конкуренція европейцевъ облегчаетъ положеніе эксплуатируемыхъ „варваровъ" и даетъ имъ возможность дальнѣйшаго экономическаго развитія. По отношенію къ болѣе отсталымъ европейскимъ странамъ установленіе насильственныхъ договоровъ было невозможно вслѣдствіе взаимной конкуренціи европейскихъ великихъ державъ. Только благодаря почти одинаковому соотношенію въ нихъ силъ, могли существовать независимыя мелкія балканскія государства, представлявшія собою выгодный рынокъ для обрабатывающей промышленности.

Какъ только соотношеніе силъ европейскихъ государствъ нарушилось бы, этимъ государствамъ въ первую очередь грозила бы участь азіатскихъ странъ. На эту перспективу съ полной откровенностью указывали австрійскіе и германскіе писатели не только до войны, но даже во время войны. Такъ, одинъ австрійскій военный авторъ еще задолго до войны писалъ: „Я полагаю, что едва ли у насъ найдется человѣкъ здравомыслящій, который сталъ бы отрицать безусловную необходимость рынка для насъ, для немедленнаго и могучаго вывоза. Мы должны получить подъ свое полное политическое вліяніе страну низшей чѣмъ у насъ культуры, имѣющую достаточную величину, способную принять нашъ вывозъ, гдѣ наша промышленность имѣла бы выгодный рынокъ, свободный отъ пошлины и съ наименьшей конкуренціей, откуда она могла бы получать безъ пошлины сколько нужно дешеваго сырого матеріала, откуда, мы могли бы получать дешевые и безъ пошлины сельскохозяйственные продукты и гдѣ нашли бы себѣ богатое поле дѣятельности на пользу имперіи массы нашихъ эмигрантовъ и массы нашихъ образованныхъ людей". Указавши на то, что теперь колоніи можно только завоевать, авторъ находитъ труднымъ найти колоніи во внѣевропейскихъ странахъ и удовлетворить „жгучую" потребность

въ такомъ рынкѣ. „Но зато благопріятствующая намъ судьба, кромѣ всѣхъ прочихъ естественныхъ богатствъ, положила у нашихъ дверей Ближній Востокъ и, прежде всего, Балканы, представляющія идеальную страну для нашего вывоза; но мы, въ безбожномъ ослѣпленіи, не узрѣли и не использовали Балканъ, почти такъ же какъ и всѣ наши другія естественныя богатства и преимущества. Какъ разъ для нашей обрабатывающей промышленности балканскія страны являются многопокупающимъ рынкомъ (мануфактурные товары, дешевыя издѣлія изъ стекла, дерева и желѣза, земледѣльческія машины, соль, сахаръ); изъ балканскихъ странъ вывозится много того, что намъ нужно; на Ближнемъ Востокѣ имѣется масса культурныхъ работъ, которыя еще предстоитъ произвести въ ближайшія десятилѣтія; кромѣ того мы съ Балканами соединены лучшими и самыми дешевыми торговыми путями.

Балканы съ промышленной точки зрѣнія являются наилучшей колоніей для нашей обрабатывающей промышленности, для нашей торговли, нашей эмиграціи и нашего духовнаго перепроизводства, а географически и этнографически (!) они прямо предназначены быть нашей колоніей". „Такъ какъ,—заканчиваетъ авторъ,—мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ уже пріобрѣсти Балканъ мирнымъ путемъ, мы должны занять поэтому Балканы посредствомъ войны... Кто станетъ намъ на дорогѣ, мы отправимъ домой съ окровавленной головой"!

Въ этихъ взглядахъ, высказанныхъ австрійскимъ писателемъ, характерно слѣдующее. Авторъ указываетъ, что подчиненіе Балканъ Австріи для нея и для ея промышленности вопросъ жизни или смерти. Между тѣмъ и въ настоящее время Балканы являются рынкомъ для Австріи и Германіи, и въ настоящее время въ экономическомъ смыслѣ Балканы являются колоніей для австрійской и германской промышленности. Даже болѣе отдаленная Германія сбываетъ на Балканы товаровъ на сумму около 200 милл. мар. (1910 г.). Но теперь, при свободной конкуренціи съ другими странами, австрійскіе и германскіе предприниматели не получаютъ сверхприбыли; они должны продавать свои издѣлія по нормальной цѣнѣ. Австрія и Германія не могутъ теперь въ желательныхъ размѣрахъ сбывать туда продукты своего „духовнаго перепроизводства", т.-е. чиновниковъ. И вотъ поэтому начинается агитація въ пользу необходимости или завоеванія Балканъ, или экономическаго ихъ закабаленія путемъ навязанныхъ торговыхъ договоровъ. Такого рода агитація

ведется настолько успѣшно, что необходимость для развитія капитализма завоеванныхъ рынковъ, колоній готовы признать и противники завоевательной политики. Между тѣмъ, жадность въ захватѣ рынковъ, являясь исторически необходимымъ результатомъ развитія капитализма, вовсе не является необходимой для его существованія и развитія. Это показываетъ огромный сбытъ Германіей своихъ товаровъ въ англійскихъ и французскихъ колоніяхъ.

III

Такого же рода планы уже во время войны появились въ германской печати по отношенію къ Россіи. По мнѣнію „Wossische Zeituug", послѣ завоеванія русской Польши открываются неисчерпаемыя возможности эксплуатаціи во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства. „Послѣ войны намъ,—говоритъ газета,—предстоитъ тамъ много работы", такого же рода, какъ „работа" на Балканахъ.

Мы видимъ, что какъ Австрія стремится къ экономическому закабаленію Балканъ, такъ германскіе господствующіе классы стремятся съ тою же цѣлью на Балканы и въ Россію.

Германія имѣетъ торговый договоръ съ Россіей, но это договоры одинаково сильныхъ независимыхъ государствъ, добровольно договаривающихся въ интересахъ тѣхъ или иныхъ группъ населенія своей страны. Россія и въ настоящее время является колоссальнымъ рынкомъ для германской промышленности, но, на почвѣ конкуренціи съ другими промышленными странами, она рынокъ, а не колонія. Только торговый договоръ, продиктованный побѣдоносной Германіей, могъ бы дать нѣмецкимъ предпринимателямъ сверхприбыль, основанную на усиленной эксплуатаціи экономически отсталой Россіи. Передъ заключеніемъ новаго договора между Германіей и Россіей военное столкновеніе между ними для полученія сверхприбыли не можетъ ничего дать Россіи даже въ случаѣ ея побѣды и можетъ много дать Германіи, если она побѣдитъ. Ибо промышленный капиталъ въ Россіи слишкомъ слабъ для эксплуатаціи населенія капиталистической страны. Матеріальнаго и „духовнаго перепроизводства" въ Россіи нѣтъ.

Такимъ образомъ экономическія отношенія передъ настоящей войной Австріи и Германіи по отношенію къ Балканамъ и Россіи сложились такія же, какія были передъ японской войной со стороны Россіи по отношенію къ Манчжуріи, но съ существенной разницей:

движеніе германскаго и австрійскаго капиталовъ на Ближній Востокъ гораздо интенсивнѣе русскаго капитала на Дальній Востокъ соотвѣтственно степени ихъ развитія. Благодаря этому война съ Сербіей и Россіей въ буржуазныхъ и землевладѣльческихъ кругахъ Австріи и Германіи оказалась очень популярной.

Выше цитированный нами австрійскій авторъ откровенно пишетъ: „Я стою на той точкѣ зрѣнія, что при современномъ положеніи вещей ни одно правительство, сознающее свой долгъ передъ націей, не можетъ вести войны ни по религіознымъ, ни по національнымъ мотивамъ, ни ради поддержанія престижа; единственная причина войны можетъ быть только—требованіе экономической необходимости... И сейчасъ религіозное и національное чувство является лучшимъ стимуломъ для возбужденія массъ. Оскорбленная національная гордость, освобожденіе угнетенныхъ единоплеменниковъ или единовѣрцевъ и подобные мотивы и теперь будутъ необходимыми средствами, чтобы сдѣлать войну популярной, воодушевить офицеровъ и солдатъ, побудить населеніе терпѣливо переносить тягости войны и парализовать внутреннія смуты и броженія“...

Необходимость войны мотивировалась различно въ Австріи и Германіи, но ея популярность тамъ объясняется высказаннымъ тамъ убѣжденіемъ, что „государство должно имѣть подъ своимъ неограниченнымъ вліяніемъ, въ видѣ колоніи или протектората, соотвѣтствующую его величинѣ область меньшаго культурнаго развитія, куда оно можетъ сбывать безпошлинно и безъ конкуренціи перепроизводства своей промышленности“.

Такого рода колоніей въ первую очередь для Австріи должны были быть Балканы, а для Германіи—Турція. Еще въ 1899 году по поводу проекта постройки Багдадской желѣзной дороги „Deutsche Zeiung“ писала: „Послѣ того, какъ всѣ набережныя будутъ скуплены нѣмцами, мы введемъ тарифъ, который положитъ конецъ всякой негерманской конкуренціи. Мы соединимъ всѣ желѣзныя дороги и набережныя въ одинъ нѣмецкій трестъ подъ контролемъ Deutsche Bank. Желѣзныя дороги будутъ перевозить только нѣмецкіе товары. Такимъ образомъ Турція превратится въ нѣмецую колонію“. (Цит. по книгѣ М. П. Павловича. „Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго“).

Такимъ образомъ политика превращенія независимыхъ государствъ въ экономически зависимыя колоніи, практикуемая всѣми капиталистическими странами за предѣлами Европы, въ Азіи и Аф-

рикѣ, Германіей и Австріей начинаетъ проводиться и на востокѣ Европы. Господство на Балканахъ и въ Турціи грозило поставить въ экономическую, зависимость отъ Австріи и Германіи и весь югъ Россіи, поскольку оно могло привести къ господству надъ проливами изъ Чернаго моря.

Колоніальная политика Германіи началась поздно, въ серединѣ 80-хъ годовъ, когда наиболѣе цѣнныя колоніи были уже захвачены другими странами.

Тѣмъ не менѣе Германія начинаетъ захватывать сначала населенныя дикарями земли въ Африкѣ, на островахъ и, наконецъ, послѣ побѣдоноснаго похода на Китай и въ Китаѣ. Покупаются испанскія колоніальныя владѣнія —Каролинскіе, Маріанскіе и Палаусскіе острова. Такимъ образомъ Германія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій пріобрѣла значительныя, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ колоніальныя владѣнія, на охрану и усмиреніе которыхъ она затрачивала ежегодно десятки милліоновъ, а выручала путемъ торговли въ нѣсколько разъ меньше. Такое колоніальное „хозяйство", конечно, было мало утѣшительно и не содѣйствовало развитію германской промышленности. Естественно, что выгодный торговый договоръ съ Россіей имѣлъ и имѣетъ цѣнность для германской промышленности въ десятки разъ болѣе высокую, чѣмъ всѣ германскія колоніи вмѣстѣ взятыя. И если изъ-за какой-нибудь африканской колоніи европейскія государства готовы объявить войну, то русскій рынокъ стоилъ риска со стороны германскихъ аграріевъ и промышленниковъ. Попытки устранить вмѣшательство Франціи и въ особенности Англіи германскому правительству не удались и, такимъ образомъ, борьба за рынки въ Восточной Европѣ превратилась въ общеевропейскую и міровую войну, которая грозитъ очень тяжелыми экономическими послѣдствіями для побѣжденныхъ.

IV

Было бы крайне односторонне считать единственной причиной міроваго военнаго пожара только стремленіе Германіи превратить Россію въ выгодный рынокъ для германской промышленности. Огромное значеніе, какъ мы уже упоминали, имѣетъ и стремленіе германскаго капитала на юго-востокъ, на Балканы и въ Турцію.

„Мирное" завоеваніе Турціи Германіей началось очень давно, въ 80-хъ годахъ, когда Германія начинаетъ строить желѣзныя до-

роги въ Турціи. Попытки мирнаго завоеванія передней Азіи путемъ захвата концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ дѣлаются и Франціей и Англіей, но наибольшій успѣхъ въ экономическомъ подчиненіи Турціи обнаружила Германія.

Постройку Багдадской дороги, прямого пути изъ Европы въ сердце передней Азіи, удается захватить Германіи.

Захватъ желѣзныхъ дорогъ на Балканахъ и подчиненіе балканскихъ государствъ, лежащихъ на пути между Германіей и Австріей— съ одной стороны, и Турціей—съ другой, дѣлается „экономической необходимостью“ для агрессивной Германіи. Балканскія войны, въ результатѣ которыхъ произошло ослабленіе Турціи и усиленіе балканскихъ государствъ, явились неожиданнымъ препятствіемъ въ осуществленіи плановъ германскихъ имперіалистовъ.

Промежутокъ между Турціей и Австро-Венгріей занятъ усилившимися балканскими государствами. Для Германіи и ея аванпоста Австро-Венгріи захватъ балканскихъ желѣзныхъ дорогъ и подчиненіе, по крайней мѣрѣ, Сербіи являлось необходимымъ не только для захвата балканскаго рынка, но и для свободнаго пути въ Азію вплоть до Персидскаго залива. Большую часть радужныхъ плановъ, рисовавшихся германскими имперіалистами при постройкѣ Болгарской желѣзной дороги, усиленіе балканскихъ государствъ разрушило.

Германіи нужно было „расчистить“ путь въ Малую Азію, подчинить Балканы. Но и на этомъ пути Германія встрѣчаетъ Россію, которая боится захвата проливовъ сильными германскими имперіями.

Въ борьбу европейскихъ странъ волей-неволей вовлекается Турція, которая отъ побѣды той или другой коалиціи одинаково ничего не выиграетъ. Германія сдѣлала большія затраты не только на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Турціи, но и на поддержаніе того порядка, который обезпечивалъ бы ей пользованіе желѣзными дорогами и эксплуатацію турецкаго рынка. Поддерживая Абдулъ-Гамида до Турецкой революціи, снабжая во время балканской войны и въ настоящее время Турцію оружіемъ, Германія экономически подчинила пока только турецкое правительство, но еще не Турцію. Тѣмъ не менѣе побѣда Германіи повела бы къ полному превращенію Турціи въ германскую колонію. Побѣда союзниковъ— Франціи, Россіи и Англіи— угрожаетъ Турціи полнымъ или частичнымъ раздѣломъ. И тотъ и другой выходъ не обѣщаетъ блестящихъ перспективъ Турціи, какъ самостоятельному государству.

Разумѣется, и Австро-Венгрія и Германія не стремились къ та-

кому серьезному конфликту, какой произошелъ изъ-за „карательной“ экспедиціи въ Сербію, и не ожидали его.

Захватъ Балканъ и Турціи Германіей и Австріей, такъ же, какъ и другими странами, начался съ мирныхъ концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ и скупки акцій построенныхъ раньше желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Даже во время Балканской войны Австрія черезъ банковый синдикатъ, скупившій въ количествѣ 51 тысячи акціи балканскихъ желѣзныхъ дорогъ Митровица—Салоники и Салоники — Бинголь, прокладывала для себя и для Германіи путь на Балканы и въ Турцію. Но всѣ эти финансовыя операціи не имѣли надлежащаго значенія при полной независимости балканскихъ государствъ. Для того, чтобы прочно проложить дорогу въ Турцію, нужно было завоевать и подчинить одно изъ балканскихъ государствъ, лежащихъ на этомъ пути. „Карательная“ экспедиція была не совсѣмъ удачнымъ, но достаточнымъ поводомъ для завоевательнаго похода. Если бы этого повода не было, былъ бы выдуманъ другой, можетъ быть болѣе удачный. Во всякомъ случаѣ, вина Сербіи заключалась уже въ томъ, что она имѣла дерзость лежать на пути стремленію германскаго капитала въ Турцію. Въ этомъ заключалась ея „вина“ и бѣда. Россія и Сербія стояли на пути не только въ Турцію, но и въ Персію, гдѣ Германія также завязывала торговыя сношенія. Постройка Багдадской желѣзной дороги открывала путь и въ Персію, въ особенности при предполагавшемся соединеніи Багдадской дороги съ Тегераномъ, которое должна была соорудить Россія.

Въ настоящее время торговля Германіи съ Персіей пока незначительна. Но она растетъ и обѣщала широкое развитіе по окончаніи строившихся и проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ. Уже теперь ввозъ изъ Германіи въ Персію повысился съ 0,35 милл. рублей въ 1909 году до 2.3 милл. рублей, хотя дороги еще не были окончены постройкой. При такихъ колоссальныхъ интересахъ на Востокѣ Германія была очень заинтересована въ томъ, чтобы уничтожить Сербію и ослабить Россію, стоявшія на пути стремленію германскаго капитала. Къ счастію, попытка вооруженной рукой расчистить себѣ дорогу на востокъ встрѣтила не только отпоръ со стороны Сербіи и Россіи, но и Англіи, которой въ будущемъ грозилъ неизбѣжный разгромъ въ случаѣ побѣды Германіи надъ Франціей и Россіей.

Объективныя условія сильнѣе всякихъ субъективныхъ намѣреній того или другого класса, того или другого государства. Эти объек-

тивныя условія заставляютъ союзниковъ, борющихся противъ Германіи, поставить освободительныя задачи для нѣкоторыхъ національностей, выступить на защиту растоптанной Бельгіи, французской дипломатіи и т. д. Какъ экономическая и политическая необходимость заставляла Англію давать самоуправленіе своимъ колоніямъ, такъ такого же рода необходимость во время этой войны поставитъ во всѣхъ своихъ огромныхъ размѣрахъ національный вопросъ, вопросъ о національномъ самоопредѣленіи. Разумѣется, наивно было бы ожидать, что этотъ вопросъ можетъ рѣшиться сразу. Потребуются еще долгіе годы, чтобы поставленные войной вопросы получили надлежащее рѣшеніе. Это рѣшеніе зависитъ отъ соотношенія общественныхъ силъ въ каждой странѣ и отъ ихъ дальнѣйшаго развитія въ мирное время.

V

Изъ приведеннаго нами анализа экономическихъ причинъ войны ясно, что вызванная господствующими классами Германіи, ея агресивной политикой, она не вызывалась народными интересами. Между тѣмъ мы видимъ, что какъ разъ эта война съ обѣихъ сторонъ приняла характеръ народной войны, въ которой населеніе всѣхъ воюющихъ странъ не только принимаетъ участіе въ качествѣ солдатъ, но очень горячо относится къ успѣхамъ своихъ армій и всѣми силами стремится обезпечить ихъ побѣду.

Это, повидимому, непримиримое противорѣчіе объясняется слѣдующимъ.

Въ Германіи, которой принадлежитъ иниціатива войны, населеніе было, повидимому, введено въ заблужденіе германскимъ правительствомъ, которое объяснило объявленіе войны нападеніемъ на Германію Россіи. Такимъ образомъ, германская демократія приняла участіе въ войнѣ, яко бы въ цѣляхъ самозащиты. Когда же началась война, то населеніе стояло передъ дилеммой разгрома страны или борьбы во что бы то ни стало, чтобы отстоять независимость и цѣлость Германіи. При ея пораженіи германскому правительству придется поплатиться за обманъ населенія собственной страны, но пока массы населенія Германіи принимаютъ активное и горячее участіе въ войнѣ.

Положеніе населенія въ другихъ воюющихъ странахъ, подвергшихся нападенію Австріи и Германіи, гораздо яснѣе и проще. Населеніе въ нихъ борется за политическую и экономическую независи-

мость своей страны противъ нападающаго врага и, стественно, что при такихъ условіяхъ оно не можетъ остаться равнодушнымъ къ результатамъ войны. Экономическая эксплуатація капиталистической страной путемъ навязанныхъ ею торговыхъ договоровъ, или отторженіе цѣлыхъ областей и ихъ политическое подчиненіе, и та и другая опасность неизбѣжно должны были вызвать со стороны населенія непреодолимое желаніе дать отпоръ нападающимъ.

Но мы видимъ, что и англійскія колоніи — австралійскія, Новая Зеландія, Канада — посылаютъ своихъ волонтеровъ въ Англію сражаться съ Германіей. Очевидно, и у англійскихъ колоній, которыя, повидимому, должны были бы бороться за свою независимость отъ метрополіи, имѣются жизненные интересы, не только связывающіе колоніи съ метрополіей, но и побуждающіе эти колоніи бороться противъ Германіи за метрополію.

Несомнѣнно, и за этой борьбой англійскихъ колоній противъ Германіи скрываются экономическіе и политическіе интересы, общіе съ интересами другихъ странъ, борющихся противъ Германіи.

Мы уже упоминали, что англійскій имперіализмъ иного характера, чѣмъ германскій имперіализмъ. Благодаря объективнымъ условіямъ, Англія могла ввести въ своей странѣ свободу торговли. Благодаря тѣмъ же условіямъ, Англія должна была предоставить своимъ колоніямъ такое свободное самоуправленіе, какое не даетъ своимъ колоніямъ ни одна страна въ мірѣ. Особенно цѣнна для англійскихъ колоній экономическая свобода, свобода заключать торговые договоры съ другими странами, избавляющая эти колоніи отъ насильственной экономической эксплуатаціи, какъ метрополіи, такъ и другихъ странъ. Колоніи могутъ свободно развиваться, будучи связаны съ Англіей.

Губительныя послѣдствія для этихъ колоній послѣдовали бы въ случаѣ побѣды Германіи, такія же послѣдствія, какъ и для Россіи. Германія ведетъ агрессивную политику не для того, чтобы другія страны самостоятельно опредѣляли свою торговую политику, а для того, чтобы принудить другія страны и колоніи безпошлинно принимать германскіе товары, чтобы создать для нихъ монополію.

Германія отобрала бы колоніи Англіи для того, чтобы подчинить ихъ своей торговой политикѣ, стремящейся къ введенію монополіи нѣмецкихъ товаровъ въ своихъ колоніяхъ. Побѣда надъ Англіей грозитъ независимости англійскимъ колоніямъ, которыя пользуются большей политической и экономической свободой, чѣмъ населеніе самой Германіи.

Естественно, что канадскіе, австралійскіе и новозеландскіе жители не желаютъ, чтобы ихъ судьбами распоряжалась Германія и поэтому приняли горячее участіе въ борьбѣ съ нею Англіи. Угроза со стороны Германіи экономическому, политическому и культурному развитію англійскихъ колоній сдѣлала ихъ патріотами и толкнула на борьбу съ Германіей.

Германскіе правящіе круги „посѣявши вѣтеръ, пожали бурю"; стремясь „открыть двери" для своихъ товаровъ, вызвали войну, которая не только охватила весь земной шаръ, но и приняла характеръ самозащиты различныхъ народностей, приняла характеръ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ странахъ, народной войны, страшной и не такимъ завоевателямъ, какъ Вильгельмъ II.

Когда для такихъ странъ, какъ Францiя или Бельгія ставился вопросъ объ ихъ существованіи, а для Россіи объ ея экономической независимости, энергія сопротивленія удесятеряется и нужно признать нападеніе Германіи не только рискованнымъ, но и опаснымъ для ея собственнаго экономическаго развитія. Ея успѣхи въ міровой торговлѣ послѣ пораженія несомнѣнно на нѣкоторое время задержатся.

Только избавившись отъ милитаризма и направивши свою энергію на дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ, Германія можетъ выйти изъ той пропасти, въ которую ее толкнули аграріи и промышленники своей чрезмѣрной жадностью.

Если для нападающей Германіи ея пораженіе поведетъ за собой очень тяжелыя послѣдствія, то пораженіе Россіи имѣло бы для нея самыя гибельныя послѣдствія.

При своей побѣдѣ Германія прежде всего продиктовала бы Россіи условія торговаго договора, которыми была бы, если не окончательно убита, то въ значительной степени ослаблена русская промышленность. И безъ того медленный ростъ городского промышленнаго населенія совершенно прекратился бы, и страна была бы въ своемъ экономическомъ развитіи на десятки лѣтъ отброшена назадъ. Ей грозила бы судьба Ирландіи. Промышленные классы исчезли бы или играли бы ничтожную роль въ экономической, политической и культурной жизни страны.

Съ другой стороны, и земледѣльческое населеніе стало бы разоряться отъ невыгоднаго торговаго договора, въ которомъ Германія прежде всего защищала бы интересы аграріевъ на ряду съ интересами промышленниковъ.

Остановка экономическаго развитія страны неизбѣжно повела бы къ остановкѣ ея культурнаго и политическаго развитія. Побѣдители, германскіе правящіе круги были бы заинтересованы въ томъ, чтобы задержать это развитіе, чтобы оставить за собой возможность экономической эксплуатаціи „варварской“ страны. Захватъ Германіей и Австріей проливовъ надолго обезпечилъ бы полную экономическую и политическую зависимость отъ нихъ Россіи. Такая опасность безсознательно чувствуется массой населенія. Поэтому его отношеніе къ войнѣ совершенно иное, чѣмъ къ русско-японской войнѣ, которая была крайне непопулярна. Теперь многими чувствуется, что поставлены на карту жизненные интересы всего населенія, которому грозитъ разореніе и экономическое порабощеніе.

Мы видимъ, что явившись неожиданною для странъ, которыя подверглись нападенію, происходящая въ настоящее время міровая война подготовлялась всѣмъ ходомъ соціально-экономическаго развитія европейскихъ странъ вообще, но, главнымъ образомъ, — экономическаго и политическаго развитія Германіи.

Какъ бы ни былъ воинственно настроенъ Вильгельмъ Гогенцоллернъ, но если бы экономическое развитіе Германіи не подготовило экономической мощи страны, если бы правящіе классы Германіи экономически и политически не были заинтересованы въ агрессивной политикѣ Германіи, этой міровой войны не было бы. Могли быть лишь войны между отдѣльными странами, вызываемыя постояннымъ экономическимъ и политическимъ ихъ соперничествомъ на почвѣ развитія капитализма, конкуренціи изъ-за рынковъ и т. д.

Въ извѣстной степени причиной войны являлось и торговое соперничество, но въ силу сложившихся условій война превратилась въ борьбу европейскихъ государствъ и національностей за свою независимость. Стремленіе Германіи къ политической гегемоніи диктовалось стремленіемъ уничтожить сохранявшуюся до сихъ поръ торговую гегемонію Англіи, съ ея свободой торговли, замѣнить эту гегемонію своей, опирающейся въ торговыхъ договорахъ и въ опредѣленіи государственныхъ границъ на остріе меча.

Разумѣется, не случайность, что Англія съ ея огромнѣйшими колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта, съ огромнымъ производствомъ и обширной торговлей существовала съ ничтожнымъ войскомъ, между тѣмъ, какъ Германія оказалась обладающей наибольшимъ военнымъ могуществомъ среди всѣхъ странъ современнаго міра. Она подготовлялась къ новой міровой политикѣ. Капиталистическія страны

Европы насильственно навязывали торговыя отношенія и торговые договоры внѣевропейскимъ отсталымъ странамъ и эксплуатировали ихъ, какъ колоніи, при помощи оружія. Но они не могли навязать этихъ отношеній государствамъ внутри Европы, за исключеніемъ экономически и политически отсталой Турціи. До сихъ поръ въ Европѣ не было еще страны съ такимъ военнымъ могуществомъ, которая силою навязала бы сосѣднимъ странамъ тѣ или иныя торгово-промышленныя отношенія. Эти торговыя отношенія создались путемъ договоровъ. Англія, съ наиболѣе развитымъ капитализмомъ и торговлей, не имѣла ни достаточныхъ военныхъ силъ, ни интереса для того, чтобы съ помощью военной силы опредѣлять торговыя отношенія съ европейскими странами и такимъ путемъ ихъ эксплуатировать.

Только теперь при общеевропейской войнѣ, если бы побѣдила Германія, явилась бы опасность не только для національной независимости тѣхъ или другихъ странъ, но и для экономической независимости большей части Европы. Только при побѣдѣ Германіи „европейское равновѣсіе" было бы такъ нарушено, что она явилась бы диктаторомъ, которому въ Европѣ не могла бы противостоять никакая сила. Только при такой диктатурѣ возможно диктовать условія экономическихъ международныхъ отношеній а, слѣдовательно. возможно превращеніе экономически болѣе слабыхъ странъ въ колоніи болѣе сильной страны.

Если до войны было не ясно, то теперь стало очевиднымъ, что только одно германское правительство могло имѣть претензію противостоять коалиціи другихъ европейскихъ странъ, что только съ ея стороны могла быть опасность европейской диктатуры и не только національнаго. но и экономическаго гнета, угрожающаго сосѣднимъ странамъ и народностямъ.

Совершенно ясно, что такое положеніе создалось не дипломатическими переговорами, не волей того или другого лица, а всѣмъ предшествующимъ періодомъ экономическаго и политическаго развитія Германіи и сосѣднихъ съ ней странъ. Если здѣсь и можно говорить о волѣ отдѣльныхъ лицъ, то съ большими ограниченіями.

Создавшееся положеніе до войны можно формулировать такимъ образомъ: опираясь на предшествующее экономическое развитіе Германіи, господствующіе въ ней классы использовали это развитіе, чтобы въ основу торгово-промышленныхъ и политическихъ отношеній съ сосѣдними странами при побѣдѣ Германіи возможно было поставить насиліе, а не свободные договоры.

Точно такъ же успѣхъ того или другого противника уже предопредѣляетъ тѣ экономическія и политическія отношенія, которыя создадутся, какъ результатъ войны. „Мораль“ капиталистическихъ странъ по отношенію къ болѣе слабымъ, хотя и „независимымъ“ отсталымъ странамъ, руководимая побѣдоноснымъ оружіемъ, уже проявилась во многихъ случаяхъ: судьба Китая, Персіи, Турціи, куда европейцы на острѣ меча приносятъ свои товары, угрожаетъ и европейскимъ отсталымъ странамъ, главнымъ образомъ, Балканскимъ государствамъ и Россіи. Поэтому война начатая, повидимому, вовсе не въ интересахъ Германіи противъ маленькой Сербіи, оказалась такъ популярной среди буржуазныхъ слоевъ Австріи и Германіи.

Разумѣется, германскіе аграріи и промышленники мало интересуются династическими чувствами и стремленіями Габсбурговъ и не имѣли основаній поддерживать „карательную“ экспедицію въ Сербію. Но экспедиція, превратившаяся въ поиски за рынками, оказалась очень популярной: съ ней связаны „жизненные“ интересы аграріевъ и промышленниковъ Австріи и Германіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Цѣнность ввоза и вывоза главнѣйшихъ товаровъ на міровомъ рынкѣ

(Въ милліонахъ марокъ)

(*Знакомъ— обозначается превышеніе ввоза надъ вывозомъ, знакомъ+ превышеніе вывоза*)

Желѣзная руда

Германія	—194
Великобританія	—122
Швеція	+ 67
Испанія	+ 74

Каменный уголь

Германія	+246
Франція	—255
Великобританія	+823
Россія	—100
Соединенные Штаты	+205

Нефть

Германія	—155
Франція	— 87
Бельгія	— 44
Великобританія	—146
Россія	+ 66
Соединенные Штаты	+457

Шерстяная пряжа

Бельгія	+ 45
Франція	+ 58
Великобританія	+104
Германія	— 23

Хлопчато-бумажная пряжа

Великобританія	+322
Японія	+111
Германія	— 50

Чугунъ

Германія	+ 54
Великобританія	+ 76

Машины

Германія	+553
Великобританія	+536
Соединенные Штаты	+403
Франція	—136
Россія	—300

Рожь

Германія	+ 82
Россія	+ 50

Пшеница

Россія	+402
Канада	+260
Соединенные Штаты	+110
Германія	—332

Великобританія	—940
Бельгія	—250

Ячмень

Германія.	—444
Бельгія	— 58
Великобританія	—158
Россія	+328

Овесъ

Россія.	+110
Великобританія.	—128

Маисъ

Румынія.	+146
Соединенные Штаты. . .	+121
Россія.	+ 81
Германія.	—143
Великобританія.	—274
Бельгія	— 78

Рисъ

Индія.	+395
Германія	— 60

Хлопчатая бумага

Германія.	—527
Бельгія.	—105
Франція.	—381
Великобританія.	— 1.392
Россія.	—203
Британская Индія . . .	+374
Соединенные Штаты. .	+ 2.292

Яйца

Германія	—192
Великобританія	—169
Россія	+189

Шерсть

Россія	— 89
Германія	—391
Франція	—227
Великобританія	—272
Австралія	+537
Новая Зеландія	+145

Сахаръ

Германія	+129
Великобританія . . .	—520
Россія	+122
Австро-Венгрія	+204
Соединенные Штаты .	—455

ВОЙНА И ДЕМОКРАТІЯ

О „движеніи“ и „конечной цѣли“

I

Движеніе человѣчества къ лучшему будущему, къ тѣмъ идеаламъ, которые ставились и ставятся его благороднѣйшими представителями, происходитъ на тернистомъ пути, усѣянномъ трудно одолимыми препятствіями.

Это прекрасное будущее рисовалось передъ человѣчествомъ сначала романтиками-идеалистами. Идеалисты мало обращали вниманія на текущія потребности широкихъ народныхъ массъ, когда, мечтая о далекомъ идеальномъ будущемъ, указывали этимъ массамъ на прекрасныя перспективы, призывая забыть свои повседневныя нужды. Картина прекраснаго будущаго, которая рисуется среди тяжелаго и неприглядняго настоящаго, многихъ заставляла забывать о томъ, что скачокъ въ идеальное будущее для массы людей, придавленныхъ потребностями настоящаго, невозможенъ. Грузъ историческаго прошлаго лежитъ слишкомъ тяжелымъ ярмомъ на современномъ человѣчествѣ, чтобы оно могло съ такой тяжестью перепрыгнуть черезъ широкую пропасть, отдѣляющую будуще отъ реальной дѣйствительности и войти въ врата новаго идеальнаго строя, очищеннаго отъ всей исторической скверны.

Въ теченіе прошлаго столѣтія жизненный опытъ снова и снова разбивалъ надежды идеалистовъ, мечтавшихъ, что народная масса однимъ усиліемъ перешагнетъ въ новый строй, какъ только увидитъ картину этого строя, нарисованную пламенными пропагандистами новыхъ соціальныхъ отношеній. Правда, трудовая масса внимательно слушала и воспринимала новое ученіе, всей душой стремилась къ

идеальному будущему, которое было тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе было настоящее, но она не могла вслѣдъ за идеалистами отвернуться и отмахнуться отъ этого настоящаго, именно потому, что оно угнетало ее. Голодающій рабочій людъ съ вѣрой и надеждой сталъ смотрѣть на будущее, гдѣ ему рисуется свѣтлая жизнь, но онъ не могъ забыть того, что въ настоящій-то моментъ онъ голоденъ и холоденъ, что и въ настоящемъ ему нужно что-нибудь взять отъ жизни.

И вотъ тяжелымъ опытомъ жизни идеалисты-утописты принуждены были считаться или, правильнѣе, смѣнились людьми, которые стали считаться съ неприглядной дѣйствительностью: путь къ идеальнымъ отношеніямъ для трудящихся массъ велъ черезъ удовлетвореніе ихъ настоятельныхъ потребностей въ настоящемъ: только пробивая дорогу для улучшенія своего положенія въ настоящемъ, трудовая масса могла двигаться впередъ къ лучшему будущему; только тогда, когда народъ сбрасывалъ шагъ за шагомъ тяжести, которыя исторія навалила на его согнутую спину, эта спина стала выпрямляться и онъ все смѣлѣе и острѣе сталъ вперять свои взоры въ будущее.

Этотъ переходъ отъ соціальнаго утопизма къ соціальному строительству происходилъ постепенно и, въ силу исторической необходимости, въ національныхъ рамкахъ. Въ отдѣльныхъ западно-европейскихъ государствахъ, въ зависимости отъ ихъ экономическаго развитія, появился раньше соціальный утопизмъ и, потомъ, путемъ жизненнаго опыта рабочихъ массъ, сталъ постепенно вытѣсняться классовой борьбой за текущіе интересы трудящихся массъ, борьбой, тѣсно связанной съ идеалами и строительствомъ будущаго.

Марксизмъ, опираясь на жизненный опытъ экономической и политической борьбы рабочихъ массъ, теоретически связалъ интересы настоящаго этихъ массъ съ стремленіями къ строительству идельнаго будущаго. Но практическая жизнь останавливала вниманіе однихъ на текущей злобѣ дня, на поверхностныхъ интересахъ и заставляла забывать о „конечной цѣли“, другихъ,—продолжателей старыхъ утопистовъ,—заставляла игнорировать настоящее ради будущаго.

Первые, наиболѣе ярко представленные въ Германіи правымъ крыломъ ревизіонистовъ, опредѣлили свои взгляды формулой, что для нихъ „движеніе — все, конечная цѣль — ничто“, т.-е. борьба за повседневные интересы составляетъ все, а направленіе этой борьбы къ достиженію „конечной цѣли“ не имѣетъ никакого значенія. Спустившись съ высотъ, съ которыхъ можно смотрѣть на будущее, на

землю, занятый текущими злобами дня и нуждами настоящаго, соціальный практицизмъ понемногу сталъ забывать о будущемъ, ради выгодъ настоящей минуты; онъ сталъ не только забывать интересы болѣе или менѣе близкаго будущаго, но и жертвовать ими ближайшимъ преходящимъ интересамъ минуты. Создается двоякаго рода практицизмъ, имѣющій различное значеніе для будущаго.

Дѣловой практицизмъ профессіональнаго и кооперативнаго движенія, ставя себѣ узкія практическія задачи, не становится въ противорѣчіе съ конечными цѣлями, хотя часто и не имѣетъ ихъ въ виду. Каждый шагъ кропотливой, будничной работы культурнаго и экономическаго развитія демократіи является шагомъ впередъ по пути къ „конечной цѣли".

Напротивъ, практицизмъ, вызывающій смѣшеніе или отождествленіе интересовъ противоположныхъ классовъ, часто отводитъ въ сторону отъ прямого пути къ общественному идеалу.

Практика жизни обычно опредѣляетъ тѣ рамки, въ которыхъ практицизмъ движенія не вступаетъ въ противорѣчіе съ его конечной цѣлью, а ведетъ къ ней.

Въ обычное, будничное время это, иногда встрѣчающееся противорѣчіе преходящихъ интересовъ настоящаго съ важнѣйшими интересами будущаго, выступаетъ не такъ остро. Во всякомъ случаѣ противопоставленіе „движенія" „конечной цѣли" всегда и безусловно вредило самому движенію. Но вспыхнувшая міровая война поставила очень остро этотъ вопросъ: стремленіе германской соціалдемократіи путемъ войны добиться экономической эксплуатаціи сосѣднихъ странъ (въ резолюціи Давида объ условіяхъ заключенія мира, принятой подавляющимъ большинствомъ), давая временныя экономическія выгоды рабочему классу Германіи, несомнѣнно вступило въ противорѣчіе съ „конечной цѣлью", къ которой стремились лучшіе вожди германской соціалдемократіи.

Другое, прямо противоположное теченіе соціальнаго строительства жертвуетъ интересами настоящаго во имя отдаленнаго будущаго. Нѣкоторыя соціалистическія группы, особенно въ Россіи, смотрѣли на рабочія организаціи, обслуживающія текущіе интересы рабочихъ, лишь какъ на средства для использованія ихъ для будущаго, для „конечной цѣли" и съ пренебреженіемъ относились къ интересамъ настоящаго. Такъ многіе смотрѣли и смотрятъ на профессіональные союзы, кооперативы и проч., относясь къ обслуживанію ими текущихъ интересовъ рабочей массы, какъ къ дѣлу не только малень-

кому, не важному, но даже какъ къ дѣлу противорѣчащему „конечной цѣли“, принижающему организованную массу къ злободневнымъ интересамъ и отвлекающему ее отъ этой цѣли.

Во время войны это барское отношеніе къ ближайшимъ интересамъ рабочихъ массъ сказалось въ пораженчествѣ и пропагандѣ „мира во что бы-то ни стало“. Этимъ барскимъ отношеніемъ къ текущимъ *) интересамъ народныхъ массъ и можно объяснить не только неправильное пониманіе интересовъ будущаго, „конечной цѣли“, но и невѣжество значительной части соціалистовъ при оцѣнкѣ таможенной политики, значенія экономическихъ завоевателей и т. д., ибо внимательное отношеніе къ этимъ вопросамъ не могло бы допустить не только „пораженчества“, но и требованія мира при всякихъ условіяхъ, во что бы то ни стало, если пораженіе и заключенный при пораженіи миръ поведутъ къ экономическому разоренію страны, къ эксплуатаціи одной страны другою.

Аргументація утопистовъ во время войны очень проста. „Война начата буржуазіей или буржуазнымъ правительствомъ безъ участія демократіи. Какое дѣло демократіи до того, кто побѣдитъ, кто потерпитъ пораженіе? Демократія должна думать о будущемъ, о другомъ соціальномъ строѣ, а не итти рядомъ съ буржуазіей въ братоубійственной войнѣ“. Но страна разоряется отъ вторженія непріятельскихъ войскъ, странѣ грозитъ разореніе. „Насъ это не касается, говорятъ противооборонцы, потому что не мы затѣяли войну“. Не трудно понять, что въ этой точкѣ зрѣнія скрывается то же противопоставленіе интересовъ настоящаго интересамъ будущаго, тотъ же бойкотизмъ, который проявлялся когда-то въ выборахъ въ Государственную Думу, въ отрицательномъ отношеніи къ профессіональному и кооперативному движенію и т. д.

Такимъ образомъ на тернистомъ пути человѣчества къ лучшему будущему встрѣчаются два теченія, которыя тянутъ его въ двухъ направленіяхъ. Одни призываютъ забыть о будущемъ и смотрѣть на настоящее, другіе—смотрѣть на будущее и забыть о настоящемъ,

---

*) Типичнымъ образцомъ такого отношенія являются разсужденія Суханова, который пишетъ слѣдующее: „Вопросъ о германскихъ пошлинахъ, даже въ томъ скромномъ (!) значеніи, которое охарактеризовано выше, есть вопросъ только с е г о д н я ш н я г о д н я. Для б у д у щ и х ъ ж е в р е м е н ъ (когда Россія не будетъ земледѣльческой страной. П. М.) его значеніе, повидимому, будетъ парализовано тенденціями объективнаго экономическаго развитія Россіи“. А пока крестьяне могутъ и поголодать!

которое кажется мелкимъ и неважнымъ передъ красивыми перспективами будущаго.

Но есть и сторонники третьяго направленія, которое дѣлается все болѣе и болѣе значительнымъ и все большую и большую массу людей ведетъ за собой. Это третье теченіе, призывая къ лучшему будущему, къ „конечной цѣли“, не забываетъ и объ интересахъ настоящаго. Это теченіе исходитъ изъ мысли, что борьба за улучшеніе положенія народныхъ массъ въ настоящемъ есть неизбѣжный путь къ идеальному будущему, что нужно только въ борьбѣ за интересы настоящаго не упускать изъ виду направленіе дальнѣйшаго пути, устраняя всѣ противорѣчія между движеніемъ и „конечной цѣлью“. Съ этой точки зрѣнія совершенно неправильно противопоставленіе „движенія“ „конечной цѣли“, неправильна самая постановка задачи: или преслѣдовать интересы настоящаго, или имѣть въ виду только конечную цѣль. Напротивъ, правильное пониманіе интересовъ настоящаго и борьба за нихъ ведетъ и къ конечной цѣли; игнорированіе интересовъ настоящаго дѣлаетъ недостижимой и конечную цѣль. Эта точка зрѣнія, развиваемая марксизмомъ, къ сожалѣнію, плохо усваивается марксистами, особенно въ настоящій моментъ, когда, повидимому, интересы настоящаго, національные интересы вступили въ конфликтъ съ интересами будущаго, съ интернаціональными интересами.

II

Когда въ началѣ войны, послѣ появленія пораженческихъ прокламацій, я выступилъ публично съ заявленіемъ, что демократіи Россіи необходимо встать на точку зрѣнія обороны, несмотря на благопріятныя условія, и когда въ брошюрѣ *) я доказывалъ, что пораженіе Россіи задержитъ ея экономическое развитіе и поведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ, на меня, какъ и другихъ „оборонцевъ“ посыпались самыя тяжкія обвиненія со стороны тѣхъ, которые присвоили себѣ названіе „интернаціоналистовъ“: въ націонализмѣ и шовинизмѣ, въ измѣнѣ интернаціональнымъ традиціямъ и т. д.

Особенно смутили мои указанія на опасность для экономическаго развитія Россіи торговаго договора, продиктованнаго Германіей. На меня посыпались обвиненія, что я сталъ протекціонистомъ и чуть ли

*) „Экономическія причины міровой войны“.

не отстаиваю интересы русскихъ предпринимателей. Какъ будто вспыхнувшая война вышибла изъ головы нѣкоторыхъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ всѣ основныя положенія матеріалистическаго пониманія исторіи: что войны ведутся изъ-за матеріальныхъ выгодъ, что расширеніе рынка, таможенные договоры и проч. являются сильнѣйшими побудительными причинами для капиталистическихъ странъ къ агрессивной политикѣ и т. д.

Въ основѣ этихъ нападокъ, мнѣ кажется, лежитъ то неправильное противопоставленіе интересовъ современнаго движенія „конечной цѣли“, „національныхъ“ интересовъ „интернаціональнымъ“, о которомъ я писалъ выше.

Прежде чѣмъ разбираться въ вопросахъ таможенной политики, прежде чѣмъ опредѣлять экономическое значеніе войны, побѣды и пораженія, нужно выяснить вопросъ объ отношеніи національныхъ интересовъ демократіи къ интернаціональнымъ, устранить то противопоставленіе „движенія“ „конечной цѣли“, которое теперь во время войны особенно обострилось.

Въ мирное время демократія каждой страны въ національно-государственныхъ рамкахъ борется за свои интересы, за интересы своего дальнѣйшаго развитія различными методами. Наиболѣе правильный и продуктивный методъ борьбы, какъ замѣчено, заключается въ томъ, чтобы защита интересовъ настоящаго не противорѣчила конечной цѣли, чтобы защита національныхъ интересовъ не противорѣчила интернаціонализму. Напримѣръ, чтобы защита интересовъ какой-либо національности не вела къ угнетенію другой: хотя это въ данный моментъ и можетъ дать матеріальныя выгоды угнетателямъ, но, въ конечномъ счетѣ, угнетеніе представителей другой націи приводитъ къ угнетенію демократіи угнетающей.

Во всякомъ случаѣ демократія всегда дѣлаетъ завоеванія, разгибаетъ свою спину въ національныхъ рамкахъ, добиваясь демократизаціи государственнаго строя, улучшенія положенія труда и т. д. И *поскольку* она дѣлаетъ шаги въ этомъ направленіи, *постольку* она подвигается къ интернаціонализму, къ „конечной цѣли“. Если бы, напримѣръ, германская соціалдемократія въ *національныхъ рамкахъ добилась такого вліянія въ государственномъ строѣ Германіи, что могла бы рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ*, то не было бы и нападенія Германіи и Австріи на Сербію, не было бы и войны, т.-е. самаго сильнаго удара интернаціонализму.

Можно, поэтому, судить насколько правильно понимаетъ задачи демократіи одинъ изъ моихъ оппонентовъ А. Горскій, который, полемизируя со мной, поучаетъ: задачей демократіи является „не защита національныхъ интересовъ и пр., а защита классовыхъ, интернаціональныхъ интересовъ. Что же касается до національныхъ интересовъ, то они вообще лежатъ внѣ сферы заботъ демократіи“ *). Читателю можетъ показаться, что я цитирую просто невѣжественнаго автора, который пишетъ о томъ, о чемъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Но я долженъ заступиться за своихъ оппонентовъ. Въ цитированныхъ строкахъ, такъ же какъ и въ писаніяхъ „антиоборонцевъ“ скрывается лишь неправильное противопоставленіе „движенія“ „конечной цѣли“ и ничего больше. Антиоборонцы совершенно искренно думаютъ, что, выступая противъ защиты національныхъ интересовъ демократіи, они защищаютъ интернаціонализмъ, что защита національныхъ интересовъ находится въ противорѣчіи съ задачами интернаціонализма.

Это заблужденіе питается, главнымъ образомъ, націоналистической, завоевательной идеологіей, которая расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ во время войны и увлекла за собой огромную массу обывателей.

Націоналистическая печать различныхъ оттѣнковъ, начиная съ откровенно реакціонной и кончая ярко-либеральной, во всѣхъ воюющихъ странахъ развила такую агрессивную завоевательную агитацію, такъ раздула завоевательные аппетиты, что въ противовѣсъ этой агитаціи сгоряча поднялась мало продуманная агитація противъ самозащиты демократіи. Позиція обороны страны противъ нападающаго внѣшняго врага стала смѣшиваться съ націоналистической агитаціей, которая въ войнѣ видитъ средство не только защиты, но и завоеванія въ той или другой формѣ, угнетенія побѣжденнаго противника.

Антиоборончество неизбѣжно вмѣстѣ съ водой выплескиваетъ и ребенка: протестуя противъ завоевательной агрессивной агитаціи, противъ раздуванія хищническихъ аппетитовъ, оно начинаетъ протестовать и противъ обороны, противъ отстаиванія національныхъ интересовъ отъ нападающаго съ хищническими цѣлями государства. Типичнымъ такого рода соціальнымъ утопистомъ является тотъ серб-

*) См. журналъ „Наше Дѣло“ 1915 г. № 5—6, стр. 67.

скій депутатъ-соціалистъ, который протестовалъ противъ обороны Сербіи при нападеніи на нее Австріи яко-бы во имя интернаціонализма. Разумѣется, интернаціонализмъ не имѣетъ ничего общаго съ такимъ пассивнымъ отношеніемъ къ нападенію и хищничеству, хотя бы оно исходило отъ правящихъ классовъ другой страны.

Ибо демократія каждой страны, чтобы добиться въ національныхъ рамкахъ своего освобожденія, чтобы подойти къ интернаціональнымъ задачамъ, должна устранять всякія препятствія своему экономическому, политическому и культурному развитію. А такими препятствіями несомнѣнно является экономическое, политическое или культурное угнетеніе завоевателями. Подготовленная Германіей и Австро-Венгріей война была начата, разумѣется, не для того, чтобы показать храбрость прусскихъ или венгерскихъ юнкеровъ, а съ цѣлями политической и экономической эксплуатаціи сосѣдей.

Выясняя экономическія причины войны я писалъ *): „Стремленіе къ эксплуатаціи сосѣднихъ, экономически болѣе отсталыхъ странъ не составляетъ особенности какой-либо расы и не исчезаетъ и не измѣняется отъ состава народностей, населяющихъ эти страны: капиталъ такъ же охотно эксплуатируетъ иноплеменниковъ, какъ и соплеменниковъ. Слѣдовательно, для историческаго объясненія войны нужно выяснить причины, почему агрессивная роль въ этой войнѣ принадлежитъ Германіи и Австро-Венгріи“, а не другимъ странамъ, хотя капитализмъ вездѣ агрессивенъ.

Капитализмъ вездѣ агрессивенъ и демократіи каждой страны нужно имѣть большую мудрость, чтобы держаться тѣхъ задачъ, которыя диктуются интересами не только настоящаго, но и отдаленнаго будущаго; чтобы въ отстаиваніи своихъ національныхъ задачъ, своего освобожденія, не сдѣлать ни одного шага къ угнетенію другихъ, чтобы съ такой же настойчивостью бороться противъ экономическаго, политическаго и культурнаго угнетенія другихъ государствъ и народовъ, съ какой она борется противъ завоевателей.

Наиболѣе успѣшной борьба противъ нападенія является тогда, когда демократія беретъ оборону своей страны въ свои руки, когда весь народъ принимаетъ не пассивное, но активное участіе въ оборонѣ страны. Поэтому національная задача обороны совпадаетъ съ другой національной задачей демократіи,—задачей самой быть рѣшителемъ своихъ собственныхъ судебъ и дѣлъ, съ задачей устра-

*) „Экономическія причины міровой войны“, стр. 6.

нять препятствія наиболѣе цѣлесообразной оборонѣ страны отъ внутреннихъ и внѣшнихъ хищниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти національныя задачи во время войны подводятъ демократію и къ интернаціональной задачѣ—ликвидаціи войны. Ибо, только постольку, поскольку демократія различныхъ странъ принимаетъ не пассивное, но активное участіе въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ, постольку агрессивность войны ослабѣваетъ, такъ какъ по существу демократія не стремится къ завоеваніямъ. Ибо войны ликвидируются устраненіемъ и ослабленіемъ воли къ завоеванію со стороны агрессивной, или безсиліемъ побѣждаемыхъ и угнетаемыхъ. Только тогда, когда демократія Германіи откажется отъ поддержки агрессивной политики германской правящей клики и когда отпоръ нападенію будетъ достаточно силенъ, возможны надежды на миръ безъ самыхъ тяжкихъ послѣдствій для воюющихъ странъ. Напротивъ, чѣмъ меньше встрѣтятъ сопротивленія завоеватели, тѣмъ болѣе тяжкія послѣдствія принесетъ и война.

Какъ нельзя противопоставлять интересы настоящаго движенія демократіи конечной ея цѣли, такъ нельзя противопоставлять національныхъ интересовъ интернаціональнымъ, пока защита этихъ интересовъ не сопровождается игнорированіемъ другихъ національныхъ интересовъ. Какъ движеніе приводитъ къ конечной цѣли, такъ и отстаиваніе всякихъ національныхъ интересовъ противъ гнета и эксплуатаціи приводитъ къ интернаціонализму.

III

Противники обороны страны (изъ которыхъ наиболѣе послѣдовательны пораженцы) въ большинствѣ случаевъ вовсе не являются противниками національныхъ задачъ демократіи. Напротивъ, они признаютъ, національныя задачи, но постольку, поскольку эти задачи касаются внутреннихъ отношеній, т.-е. поскольку демократіи необходимо создать лучшія условія внутри страны. Противъ обороны „интернаціоналисты“-утописты выступаютъ потому, что они, съ одной стороны, не видятъ особенной бѣды для демократіи отъ пораженія, а нѣкоторые видятъ въ этомъ даже выгоду; съ другой стороны, они, какъ и другіе утописты, теперь отживающіе, противопоставляютъ „движеніе“ конечной цѣли, осуществленіе національныхъ задачъ противопоставляютъ задачамъ интернаціональнымъ, ви-

дятъ въ защитѣ интернаціональныхъ интересовъ агрессивный націонализмъ, стремящійся къ политическимъ и экономическимъ завоеваніямъ путемъ войны. Только этимъ и объясняется непониманіе и извращеніе доводовъ „оборонцевъ", которое дѣлается на каждомъ шагу. Только этимъ, а не сознательной демагогіей объясняется забавное противопоставленіе антиоборонцевъ какъ „непріемлющимъ войну" оборонцамъ, какъ „пріемлющимъ войну".

Смѣшно говорить о „пріемлющихъ" и „непріемлющихъ" войну, когда война фактъ, который существуетъ независимо отъ пріемлющихъ и непріемлющихъ, когда вся демократія пассивно участвуетъ въ войнѣ (въ томъ числѣ и непріемлющіе), когда можетъ итти рѣчь лишь о томъ, какой исходъ войны наиболѣе выгоденъ для демократіи, хотя война вообще и данная война въ частности невыгодна для демократіи всѣхъ странъ. Смѣшно становиться въ позу и, изготовляя снаряды, восклицать „я не пріемлю войны", когда она поглощаетъ милліоны жертвъ и грозитъ культурѣ и независимости побѣжденныхъ. Ибо эта поза не остановитъ движенія германцевъ на Россію...

Точно такъ же указаннымъ мною противопоставленіемъ оборончества интернаціонализму объясняется полное непониманіе точки зрѣнія защиты культурной, политической и экономической независимости страны, на которую нападаютъ. Напримѣръ, мои опасенія, что Россіи грозитъ экономическая эксплуатація въ случаѣ побѣды Германіи, Сухановъ истолковываетъ *), какъ защиту нашего протекціонизма. Такъ, по поводу упомянутой моей брошюры Сухановъ пишетъ: „какія силы могли во мгновеніе ока превратить фритредеровъ въ неумѣренныхъ протекціонистовъ?" Далѣе Сухановъ приписываетъ мнѣ слѣдующіе выводы: „вооруженный отпоръ Германіи долженъ избавить насъ отъ торговаго договора, открывающаго германскому вывозу русскій рынокъ, и долженъ оставить въ силѣ нашу протекціонную систему". Это пишется о брошюрѣ, гдѣ напечатано: „Такъ какъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ имѣли политическій вѣсъ и экономическое могущество отдѣльныя группы капиталистовъ или землевладѣльцевъ, то торговые договоры диктовались не столько интересами массы населенія или потребителей, сколько интересами этихъ наиболѣе сильныхъ группъ.

---

*) Мнѣ приходится полемизировать главнымъ образомъ съ Сухановымъ, потому что у него встрѣчается наиболѣе толковое обоснованіе противоборчества.

часто интересы всей страны приносились въ жертву интересамъ отдѣльныхъ группъ предпринимателей, несмотря на протесты другихъ заинтересованныхъ слоевъ населенія.

Точно такъ же въ Россіи запретительныя (по существу) пошлины на многія иностранныя издѣлія и полуфабрикаты не только удорожали предметы потребленія народныхъ массъ, но часто мѣшали дальнѣйшему усовершенствованію покровительствуемыхъ отраслей промышленности *).

Почему Сухановъ превратилъ меня въ защитника существующихъ таможенныхъ пошлинъ, когда ясно мною написано противоположное? Почему онъ превратилъ меня въ протекціониста? Да потому, что онъ самъ фритредеръ, потому что онъ мыслитъ, что каждый экономистъ, какъ и полагается вульгарному экономисту, долженъ быть или фритредеромъ, или протекціонистомъ и не представляетъ себѣ, что можно быть ни тѣмъ, ни другимъ: или фритредеръ или экономистъ, или пораженецъ или агрессивный націоналистъ, или движеніе, или конечная цѣль, или шовинистъ или интернаціоналистъ, или въ ручку пожалуйте или въ морду... Какъ все просто!

Этимъ упрощеннымъ мышленіемъ, а не злой волей объясняется и превращеніе меня изъ фритредера, которымъ я никогда не былъ, въ протекціониста, которымъ я не намѣренъ быть, этимъ объясняется и то, что моя аргументація совершенно непонятна Суханову и неправильно имъ истолковывается. Попытаюсь объяснить свои, ранѣе высказанныя мысли наиболѣе популярнымъ языкомъ.

Китайцы могли находить свою таможенную политику очень скверной и тѣмъ не менѣе, когда ихъ пушечными выстрѣлами заставили покупать опіумъ, они вправѣ были бороться противъ этого. У ирландцевъ могла быть очень плохая экономическая политика, но когда англичане насильно заставили ихъ покупать свои товары, то ирландская промышленность, допустимъ, скверная промышленность, погиб-

---

*) И еще далѣе я писалъ: „Въ таможенной политикѣ Россіи въ теченіе XIX столѣтія проявлялись двѣ тенденціи: интересы фиска и защита интересовъ промышленниковъ". Это Сухановъ называетъ защитой „нашей протекціонной системы". Смѣшавши оборонцевъ съ націоналистами, превративши оборонцевъ и въ томъ числѣ меня въ протекціонистовъ, Сухановъ объясняетъ „эту грустную метаморфозу... на счетъ военной психологіи, на счетъ эмоцій".Дѣло объясняется проще: метаморфоза произошла въ брошюрѣ Суханова, а не въ дѣйствительности.

ла. Можно не быть сторонникомъ современной таможенной системы сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и тѣмъ не менѣе находить, что освобожденіе ихъ отъ таможенной политики Англіи было необходимо для экономическаго развитія. Можно отрицательно относиться къ современной таможенной политикѣ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ считать еще болѣе гибельной таможенную систему, продиктованную германской промышленной буржуазіей и германскими аграріями, хотя бы потому, что русскіе предприниматели все-таки не стремятся уничтожить русскую промышленность, а лишь наложить дани на русскаго потребителя.

Насколько трудно съ охарактеризованнымъ мною мышленіемъ *) понять необывательскую логику, показываетъ опять-таки полемика Суханова.

Указывая на опасность побѣды Германіи, я охарактеризовалъ международныя экономическія отношенія такимъ образомъ: Англія, Франція и Бельгія ввозятъ въ Россію не столько товары, сколько капиталъ. Это имѣетъ огромное значеніе прежде всего для рабочаго класса Россіи. Ввозъ капиталовъ въ Россію ведетъ къ развитію внутри страны фабричнозаводской промышленности, вызываетъ спросъ на рабочія руки и т. д. Едва ли требуется этого доказывать. Германія, несмотря на колоссальныя пошлины, ввозила, главнымъ образомъ, фабрикаты, а не капиталы. Если бы Германія, благодаря своей побѣдѣ, продиктовала намъ условія таможенной политики, то, конечно, для того, чтобы удесятерить свой вывозъ фабрикатовъ на счетъ русской промышленности. О русской промышленности Германія не заботится,

---

*) Этимъ обывательскимъ мышленіемъ и объясняется то, что широкіе слои демократіи, не заинтересованные въ хищничествѣ, заражаются шовинизмомъ. Ибо обыватель мыслитъ такъ: онъ долженъ быть или пораженцемъ и антиоборонцемъ или націоналистомъ-завоевателемъ. Вся обывательская пресса, въ томъ числѣ и антиоборонческая, утверждаетъ его въ этомъ. Обывателю-демократу не приходитъ и въ голову, что онъ можетъ стоять за оборону страны, не покушаясь на независимость другихъ странъ. На этой обывательской логикѣ и психологіи и базируется шовинизмъ, такъ какъ оборона страны диктуется и чувствомъ и логикой. Противооборончество, слѣдуя обывательской логикѣ, очень много потрудилось для превращенія этого здороваго стремленія къ оборонѣ страны въ агрессивный шовинизмъ. Такъ какъ антиоборончество непріемлемо для здороваго сознанія массъ, то безъ правильнаго освѣщенія значенія обороны неизбѣжно развивается агрессивный націонализмъ.

такъ же какъ не заботится о русскомъ потребителѣ. Ясно, что существуетъ большое различіе между ввозомъ капиталовъ въ страну и ввозомъ фабрикатовъ.

Сухановъ, доказывая, что Россія, какъ отсталая страна, не можетъ конкурировать съ Западной Европой, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что Англія, Франція и Бельгія ввозили въ Россію, главнымъ образомъ, капиталы, т.-е. содѣйствовали промышленному развитію страны, а Германія ввозила, главнымъ образомъ, товары. „Въ Россіи", пишетъ Сухановъ, „Германія видитъ колоссальный рынокъ для своихъ фабрикатовъ". Но вѣдь это при запретительныхъ почти пошлинахъ! Слѣдовательно, если Англія, Франція и Бельгія удесятерятъ ввозъ въ Россію капиталовъ, то, выражаясь словами Суханова, „для потребительскихъ массъ и производительныхъ силъ страны эти предпріятія принесутъ большую пользу, понижая уровень цѣнъ и повышая спросъ и цѣну на рабочія руки". Если же вмѣсто ввоза капиталовъ Германія, при своей побѣдѣ, будетъ ввозить не капиталы, а фабрикаты, то вѣдь русская промышленность, какъ признаетъ и Сухановъ, не можетъ съ ними конкурировать. Сухановъ даже признаетъ, что ввозъ капиталовъ въ Россію былъ способомъ обхода таможенныхъ загражденій, т.-е. и тѣ германскія фабрики, которыя были въ Россіи, не возникли бы, если бы Германія продиктовала таможенныя отношенія съ Россіей. Ясно, что когда авторъ, приводившій изложенные факты, пойметъ различіе въ значеніи ввоза капиталовъ въ Россію и ввоза товаровъ, на условіяхъ, продиктованныхъ Германіей, онъ долженъ будетъ обратить на самого себя всю ту нелестную характеристику, которую онъ далъ „оборонцамъ".

Такъ же, какъ обывательскій шовинизмъ опирается на противопостановленіе агрессивнаго національзма пораженчеству, протекціонизмъ, покровительствующій небольшой группѣ предпринимателей, опирается на противопостановленіе протекціонизма фритредерству.

Для демократа и недемократа ясно, что если сразу уничтожить таможенныя пошлины, установившіяся въ теченіе десятилѣтій, то огромная часть предпріятій погибнетъ вслѣдствіе неприспособленности къ конкуренціи съ передовыми капиталистическими странами. Эта опасность побуждаетъ обывательскую массу итти на поводу у предпринимателей, опустошающихъ карманы этихъ обывателей посредствомъ высокихъ пошлинъ, потому что ослабленіе или уничтоженіе русской промышленности отдастъ страну на потокъ и разграбленіе

иностраннаго капитала. Обывательское представленіе о таможенной политикѣ, такъ искусно поддерживаемое Сухановымъ, выражается въ формулѣ или фритредерство, полная свобода торговли, или протекціонизмъ, диктуемый аппетитами предпринимателей. Естественно, что обыватель мирится съ протекціонизмомъ, хотя и ворчитъ на его тягость.

Борьба съ протекціонизмомъ была и будетъ необходима не предоставленіемъ иностранному капиталу эксплуатировать обывателя-потребителя путемъ уничтоженія туземной промышленности, а ослабленіемъ таможенной охраны, борьбой заинтересованныхъ общественныхъ силъ внутри страны, ослабленіемъ таможенныхъ стѣнъ до полнаго ихъ уничтоженія въ процессѣ хозяйственнаго развитія. Обыватель-потребитель мало интересуется этимъ процессомъ. Ему нужно дешево купить, не считаясь съ тѣмъ, гдѣ произведено данное, напримѣръ, металлическое издѣліе—внутри страны, или за границей. Но для рабочаго-металлиста не все равно, построена ли фабрика въ Россіи, или издѣлія ввозятся въ готовомъ видѣ изъ-за границы, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ, какъ металлистъ, не можетъ существовать въ Россіи. Поэтому задачей демократіи является борьба противъ таможенныхъ пошлинъ лишь такимъ путемъ, чтобы ихъ уничтоженіе не уничтожило уже существующей промышленности, а, напротивъ, дало ея развитію новый толчокъ. Ожидать, что германскіе фабриканты-металлурги будутъ заботиться о сохраненіи русской промышленности, по меньшей степени, наивно. А Сухановъ ожидаетъ, что они облагодѣтельствуютъ русское хозяйство дешевизной продуктовъ! Чисто обывательско-потребительская точка зрѣнія...

Но, успокаиваетъ читателя Сухановъ, вѣдь и въ случаѣ отраженія Германіи иностранное „засилье“ останется: Англія и Франція, вмѣсто Германіи, будутъ снабжать Россію фабрикатами. Для чего же защищаться?

Да для того и потому, что современныя имперіалистическія государства не приносятъ на концахъ штыковъ ни экономическаго, ни политическаго благополучія. Потому, что торговые договоры не съ побѣдителями, которыми не могутъ быть по отношенію къ Россіи ни Франція, ни Англія, предполагаютъ равенство договаривающихся сторонъ. До войны никакого засилья иностранцевъ въ Россіи не было просто потому, что не было насильственныхъ торговыхъ договоровъ, начертанныхъ саблей, а было соглашеніе договаривающихся равныхъ сторонъ.

Сухановъ, въ полемикѣ со мной, смѣшиваетъ меня съ правыми вопленниками, кричащими о нѣмецкомъ засильѣ. Это просто полемическій пріемъ, о которомъ можно лишь пожалѣть, пріемъ, чтобы дискредитировать мысль оппонента...

Опасность для русскаго народнаго хозяйства можетъ быть только при побѣдѣ надъ Россіей болѣе развитой капиталистической страны, которая можетъ воспользоваться побѣдой для насильственнаго установленія тѣхъ или другихъ торговыхъ отношеній. Въ данный моментъ, въ данной войнѣ такая опасность можетъ быть лишь со стороны Германіи, не только потому, что Германія является нападающей страной, но и потому, что она въ настоящій періодъ своего развитія стремится вывозить не капиталы, а товары.

„Особенность колоніальной и торговой политики Англіи,—писалъ я *),—обусловливается не характеромъ націи, даже не ея болѣе демократическимъ государственнымъ строемъ, а той ступенью экономическаго развитія, на которой находится теперь Англія, обладающая наибольшей суммой накопленныхъ капиталовъ. Англійскій капиталъ не обладаетъ бо́льшими добродѣтелями, чѣмъ капиталъ въ другихъ странахъ". Наивно было бы думать, что побѣда тройственнаго согласія надъ Германіей и Австріей принесетъ какое-нибудь особенное благополучіе демократіи побѣдившихъ странъ.

Демократическое оборончество исходитъ изъ той мысли, что война есть общая бѣда, но наибольшій вредъ она приноситъ и принесетъ тогда, когда приводитъ къ экономическому или политическому угнетенію какой-либо страны. Такъ какъ демократія каждой страны можетъ во время войны только вооруженнымъ отпоромъ оказать сопротивленіе завоеванію и угнетенію своей родины, то для нея нѣтъ другой позиціи, кромѣ обороны, пока есть опасность.

Если вскрыть подоплеку антиоборончества въ Россіи, то его источникомъ можетъ быть только увѣренность, что современная Россія, современные вершители ея судебъ безъ демократіи смогутъ и сумѣютъ дать отпоръ какъ военному нападенію, такъ и опирающейся на него попыткѣ экономическаго и политическаго угнетенія со стороны нападающаго государства. Антиоборончество, какъ Пилатъ, умываетъ свои руки, предоставляя спасеніе страны официальнымъ ея руководителямъ, очевидно, въ надеждѣ, что они исполнятъ эту задачу.

*) Ibid., стр. 40.

Во Франціи эта задача была исполнена, благодаря активности въ защитѣ страны демократіи. Только благодаря этому, разорена и разграблена лишь сѣверная часть Франціи, а не вся страна. Въ Бельгіи даже активное участіе демократіи не спасло страну отъ разгрома. Въ Россіи антиоборончество, очевидно, надѣется избѣжать такой перспективы и при пассивности демократіи. Помимо своей воли антиоборончество протягиваетъ свою руку крайнимъ правымъ, которые также не хотятъ активнаго участія демократіи въ оборонѣ страны, полагая, что ея пассивнаго участія вполнѣ достаточно: во всякомъ случаѣ правые находятъ, что лучше разгромъ страны, чѣмъ развитіе самодѣятельности его населенія на почвѣ обороны.

Разумѣется, антиоборончество не боится самодѣятельности населенія, но фактически, борясь противъ оборончества, оно дѣйствуетъ совмѣстно съ крайними правыми, которые изъ противоположныхъ побужденій не хотятъ развитія самодѣятельности населенія, а въ пассивной оборонѣ демократія все равно принимаетъ наибольшее участіе.

Благодаря почти полному отсутствію самодѣятельности населенія, въ Россіи не только процвѣтаетъ соціальный утопизмъ, противопоставленіе движенія конечной цѣли, но и придается огромное значеніе фразѣ и позѣ.

Въ сознаніе демократіи еще не проникла мысль, что одинъ шагъ ея движенія впередъ стоитъ тысячи великолѣпныхъ программъ, что стояніе въ позѣ непримиримости съ дѣйствительностью, съ скрещенными руками не приближаетъ ни на шагъ къ „конечной цѣли", что бойкотизмъ различныхъ проявленій современной тяжелой неустроенной жизни есть проявленіе пассивности, что „лѣвизна" и правизна демократа опредѣляется не хлесткостью фразы, а движеніемъ по пути къ конечной цѣли. При такой особенности россійскихъ настроеній бойкотизмъ, бездѣйствіе съ фразой объ интернаціонализмѣ и конечной цѣли часто оцѣнивается выше, чѣмъ дѣйственность демократіи во всѣхъ областяхъ экономической, культурной и политической жизни.

Поэтому многіе представители русской демократіи смотрятъ свысока на европейскую „оппортюнистическую" демократію, дѣлающую и сдѣлавшую колоссальныя завоеванія во всѣхъ областяхъ жизни.

Поэтому, на ряду съ организаціей цензовыхъ элементовъ на почвѣ обороны страны, мы видимъ безсильное брюзжаніе и бездѣйственность подлинныхъ демократическихъ элементовъ. Разумѣется, при

этомъ имѣютъ первостепенное значеніе условія внутренней жизни страны, но, вѣдь, эти условія не падаютъ въ готовомъ видѣ съ неба, а создаются творческой дѣятельностью демократіи, въ особенности, въ моменты общенаціональной опасности, въ моменты постановки національныхъ задачъ, когда силы націи напряжены до крайности!

Цензовые элементы русскаго общества, поворачиваясь спиной къ демократіи въ моментъ національной опасности, тѣмъ самымъ обезсилили себя и національную оборону; но только растерянность демократіи въ критическій моментъ давала возможность не считаться съ ней, поворачиваться къ ней спиной. Наивно было бы ожидать, чтобы, напримѣръ, городской и земскій союзы по собственному почину стали что-либо дѣлать для безцензовой демократіи безъ проявленія ея активности. Демократія дѣлаетъ много справедливыхъ упрековъ буржуазному либерализму, но не мѣшаетъ критически относиться и къ своимъ собственнымъ шагамъ. Къ этому русская демократія не привыкла...

IV

Европа охвачена братоубійственной войной. Европейская демократія, на которую русская демократія смотрѣла какъ на старшую, болѣе опытную сестру, принимаетъ горячее и активное участіе въ этой войнѣ. Передъ русской демократіей всталъ неожиданно вопросъ: гдѣ же правда? гдѣ истинный путь, кто обманулъ или обманутъ, кто измѣнилъ традиціямъ демократіи?

Всѣ ошиблись, всѣ обмануты, или только часть европейской демократіи впала въ роковую ошибку?

Демократія Германіи утверждаетъ, что она обороняетъ страну такъ же, какъ демократія Бельгіи и Франціи. Если всѣ обороняются, то кто же нападаетъ? Если въ началѣ войны германская демократія могла быть введена въ заблужденіе, что на Германію напали, то послѣ завоеванія Бельгіи и части Франціи, послѣ захвата Польши и Сербіи стало ясно, что Германія не обороняется, а дѣлаетъ завоеванія. Если въ началѣ войны недальновидные люди думали, что опасность грозитъ Германіи со стороны Россіи, а не обратно, то теперь они должны бы исцѣлиться отъ этого заблужденія. А, исцѣлившись отъ заблужденія, нельзя утверждать, что всѣ ошибаются, что демократія Франціи, Бельгіи и Англіи и оборонцы въ Россіи встали на

тотъ же ложный путь, на которомъ стояла и, пока, стоитъ германская демократія. Германія напала, демократіи сосѣднихъ странъ защищаются; встала на неправильный путь не вся международная демократія, кромѣ русскихъ и сербскихъ противооборонцевъ, а только большинство германской демократіи и русскіе противооборонцы. При современныхъ хищническихъ тенденціяхъ капиталистическихъ странъ, пока демократія не въ силахъ предупредить войну, пострадаетъ больше всего та страна, гдѣ сильнѣе противооборонческія теченія.

Возможно ли допустить, чтобы демократія была виновникомъ наибольшихъ бѣдствій, связанныхъ съ войной, виновникомъ пораженія, чтобы демократія взяла на себя отвѣтственность за это? А успѣхъ противооборончества приводитъ неизбѣжно къ пораженію. Постоянной задачей демократіи всѣхъ странъ остается и останется устраненіе возможности войны, а не устраненіе самообороны. Конечно, и при самооборонѣ страны, какъ это случилось съ Бельгіей и отчасти съ Франціей, они испытали пораженія. Но отвѣтственность за эти пораженія падаетъ не на демократію этихъ странъ.

Итакъ, стоитъ на ложномъ пути не вся интернаціональная демократія, поскольку она стоитъ на точкѣ зрѣнія самообороны, а большинство германской демократіи, которая достаточно ясно формулировала свои завоевательныя цѣли. Въ резолюціи Давида объ условіяхъ заключенія мира подъ невинной фразеологіей скрываются тенденціи экономической эксплуатаціи сосѣднихъ странъ. Правда, аннексій германская соціалдемократія не хочетъ,—онѣ ничего и не дадутъ ей, кромѣ пониженія заработной платы, кромѣ конкуренцій неорганизованныхъ рабочихъ иностранцевъ,—но жажда экономической эксплуатаціи заграничныхъ рабочихъ ясно обнаруживается. Это видно изъ слѣдующаго пункта: „Для обезпеченія свободы (!) экономическаго развитія германскаго народа мы требуемъ: „политики открытыхъ дверей“, т. е. равнаго для всѣхъ права на хозяйственную дѣятельность во всѣхъ колоніальныхъ областяхъ; включенія пункта о „наиболѣе благопріятствуемой націи“ въ мирные договоры со всѣми воюющими державами; поощренія экономическаго сближенія (силою оружія! П. М.), путемъ уничтоженія, насколько возможно (оружіемъ! П. М.), таможенныхъ ставокъ и преградъ для сообщеній“ *). Послѣ „поощренія экономическаго сближенія“ съ

---

*) См. „Нашъ Голосъ“ № 6.

Китаемъ, продѣланнаго посредствомъ пушекъ европейцами, германская соціалдемократія теперь хочетъ такого же поощренія по отношенію къ воюющимъ съ ней странамъ, т.-е. навязыванія пушками своихъ товаровъ. Хорошій путь сближенія! Вмѣсто того, чтобы бороться со своими аграріями, предполагается насильно сбывать германскіе товары въ воюющія съ Германіей страны, разжирѣть на почвѣ, удобренной пролетаріями сосѣднихъ, болѣе отсталыхъ странъ. Не трудно видѣть, что большинство германской соціалдемократіи, выставившее изложенныя выше требованія, стоитъ не на почвѣ самообороны, а на почвѣ нападенія, съ цѣлью насильственно добиться ввоза германскихъ товаровъ въ сосѣднія болѣе отсталыя страны, „сближаться“ съ ними, какъ собака сближается съ блиномъ, цѣликомъ проглатывая его.

Неумѣнье различать такого рода „національную оборону“ отъ обороны, не преслѣдующей угнетенія другихъ націй, и составляетъ одну изъ ошибокъ противооборонцевъ, для которыхъ всякая оборона отождествляется съ нападеніемъ.

Едва ли стоитъ останавливаться на томъ, что новая задача, поставленная войной передъ демократіей, задача обороны страны не устраняетъ тѣхъ задачъ, которыя стояли передъ демократіей въ мирное время, до войны. Напротивъ, исходя изъ того, что оборона страны достигаетъ лучше всего своей цѣли тогда, когда самъ и весь народъ обороняется, значеніе прежнихъ, очередныхъ задачъ демократіи усиливается. Поэтому неправильно и то противопоставленіе очередныхъ будничныхъ задачъ демократіи задачѣ самообороны, которое часто дѣлается. Нужно только ставить эти задачи такимъ образомъ, чтобы одна не мѣшала другой, а содѣйствовала. Напримѣръ, развитіе самодѣятельности общества было очередной задачей демократіи и до войны. Самооборона страны какъ разъ требуетъ этой самодѣятельности, а ничуть не находится съ ней въ противорѣчіи. Но, разумѣется, самодѣятельность не должна вредить самооборонѣ.

Война и демократія

I

Міровая война захватила демократію всѣхъ европейскихъ странъ совершенно неподготовленной. Эта неподготовленность явилась не столько результатомъ неожиданности войны, сколько результатомъ непродуманности тѣхъ положеній, которыя считались до войны общепринятыми. Поясню это однимъ примѣромъ. Наиболѣе демократическія требованія въ области военной организаціи сводятся къ требованію введенія милиціи вмѣсто постоянныхъ армій. Это требованіе было общепризнаннымъ, какъ наиболѣе цѣлесообразное при существованіи капиталистическаго строя. Но назначеніе милиціи должно было заключаться не только въ парадированіи передъ обывателями, но какъ наиболѣе цѣлесообразное орудіе самозащиты страны противъ нападенія другой страны. Т.-е. демократія считала самозащиту страны отъ нападенія одной изъ своихъ задачъ. Очевидно также, что стремленіе замѣнить постоянную армію милиціей вытекало изъ желанія устранить завоевательныя стремленія, которыя связаны съ милитаризмомъ.

Принципъ самозащиты отъ внѣшняго политическаго или экономическаго гнета настолько глубоко укрѣпился въ умахъ демократіи, что даже германское правительство, нападая на сосѣднія страны (начиная съ Сербіи), старалось показать, что оно только защищается и въ цѣляхъ самозащиты вторглось въ Бельгію.

Но если самозащита не только не противорѣчитъ интересамъ демократіи и интернаціонала, но выдвигается въ программѣ демократіи (въ видѣ требованія милиціи), то нападки на бельгійскихъ и французскихъ соціалистовъ, принявшихъ горячее участіе въ самозащитѣ *)

*) Мы не говоримъ о тѣхъ или другихъ промахахъ французскихъ и бельгійскихъ соціалистовъ, промахахъ, которые были неизбѣжны въ такомъ крупномъ событіи.

Франціи и Бельгіи, очевидно, вытекаютъ изъ недостаточно продуманнаго отношенія къ старымъ программнымъ требованіямъ. Въ этомъ и сказалась неподготовленность демократіи къ войнѣ.

Среди представителей русской демократіи эта неподготовленность выразилась и въ другомъ явленіи. Многіе единомышленники неожиданно другъ для друга оказались разномыслящими въ вопросѣ о войнѣ, а многіе, бывшіе въ разныхъ лагеряхъ по другимъ основнымъ вопросамъ общественно-политической жизни, оказались по отношенію къ войнѣ въ одномъ лагерѣ. При россійскихъ литературныхъ нравахъ это повело къ заушеніямъ къ, вѣроятно, безсознательнымъ литературнымъ передержкамъ и т. д. *). Все это было бы очень печально, если бы, какъ я постараюсь показать, это не было скоропреходящимъ. Въ результатѣ такой неподготовленности являются даже попытки, на основаніи временнаго расхожденія по вопросу о войнѣ, обосновать новый фракціонный „красный передѣлъ", игнорируя всю предшествовавшую въ теченіе десятилѣтій общественно-политическую дѣятельность.

Такъ, Н. Н. Сухановъ въ статьѣ „Мысли и дѣла" („Современникъ" апрѣль 1915 г.), „обзывая" сторонниковъ самозащиты страны „сторонниками войны" и „націоналистами", легкомысленно беретъ на себя чрезвычайно смѣлую задачу внести въ демократію раздѣленіе по новому признаку, по отношенію къ войнѣ.

Это опять-таки вытекаетъ изъ неподготовленности массы демократіи къ такому явленію, какъ вспыхнувшая война. Наконецъ, неподготовленность выразилась и въ томъ, что большинство представителей демократіи имѣетъ неясное представленіе объ экономическомъ значеніи войны. Приведу одинъ, но достаточно яркій примѣръ. Въ „Сибирскомъ Обозрѣніи" въ статьѣ „Демократія среди воюющихъ странъ", Квирильскій, полемизируя со мной, пишетъ: „Въ 1904 году Германія принудида правящую Россію къ торговому договору, сущность котораго сводится къ примѣненію принципа свободной торговли по отношенію фабрикатамъ, ввозимымъ изъ Германіи въ Россію, при сохраненіи протекціонныхъ пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства, ввозимые изъ Россіи въ Германію". Когда я писалъ объ опасности для Россіи при побѣдѣ Германіи обратиться въ колонію

*) Чтобы устранить элементъ „заушеній", я не буду приводить многочисленныхъ примѣровъ такого рода полемики.

Германіи, то я, именно, опасался тѣхъ отношеній, которыя, по мнѣнію Квирильскаго, уже существуютъ съ 1904 года. Ибо эти отношенія съ экономической стороны и характерны для отношеній метрополіи къ колоніи. По мнѣнію Квирильскаго, Россія уже была колоніей Германіи съ 1904 года. Такая неосвѣдомленность является результатомъ неподготовленности къ пониманію значенія современныхъ событій и отражается вредно не только на взглядахъ автора... Этотъ, какъ и перечисленные выше факты, объясняется, конечно, не легкомысліемъ авторовъ, а исключительно неподготовленностью къ происходящимъ событіямъ.

II

Если бы исходить только изъ приведенныхъ мною фактовъ, то положеніе дѣла должно было бы казаться если не безнадежнымъ, то очень тяжелымъ. Многіе авторы, писавшіе о демократіи и войнѣ, дѣйствительно, приходятъ къ крайне пессимистическимъ выводамъ. Но я позволю себѣ утверждать, что и эти пессимистическіе выводы также являются результатомъ неожиданности войны и вызванныхъ ею слѣдствій и что положеніе вещей вовсе не такъ безысходно, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Главная трудность положенія, въ которое попала европейская демократія, заключается въ томъ, что національные интересы демократіи воюющихъ странъ какъ-будто вступили въ противорѣчіе съ интернаціональными интересами, что тѣ и другіе многимъ представляются непримиримыми.

Если бы, дѣйствительно, національные интересы были непримиримы съ интересами интернаціональными, то тѣ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія необходимости защиты національныхъ интересовъ, должны столкнуться съ тѣмъ, кто выше ставитъ интересы интернаціональные. Но эта бѣда была бы еще не большая. Какъ мы замѣтили, и сейчасъ уже есть любители расколовъ и раздѣловъ, готовые по признаку защиты національныхъ и интернаціональныхъ интересовъ дѣлиться на ся. Къ этому мы привыкли. Но дѣло обстояло бы гораздо хуже: если бы національные интересы были противоположны и непримиримы съ интернаціональными, то существованіе интернаціонала было бы утопіей. Ибо широкія народныя массы никогда не встали бы на интернаціональную точку зрѣнія,

никогда не были бы ея сторонниками, если бы она противорѣчила непосредственнымъ ближайшимъ интересамъ этихъ народныхъ массъ. Идеалистическіе моменты въ исторіи, разумѣется, имѣютъ огромное значеніе, но лишь постольку, поскольку они опираются на реальные интересы.

Къ счастью, національные интересы вовсе не находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами другихъ націй, съ интернаціональными интересами.

Задача демократіи и заключается въ томъ, чтобы защита національныхъ интересовъ не находилась въ противорѣчіи съ интересами интернаціональными. Этимъ и должна опредѣляться линія поведенія демократіи.

Линія ея поведенія во время мира является общепризнанной и не нуждается въ комментаріяхъ.

Но вотъ вспыхнула война. Уже изъ поведенія демократіи во время мира ясно, что война не можетъ быть вызвана демократіей. Если бы демократія была въ силахъ предупреждать и устранять войны, то ей нечего было бы выдвигать принципъ милиціоннаго вооруженія, такъ какъ тогда и милиція была бы не нужна. Очевидно, если, напримѣръ, во Франціи шли споры о замѣнѣ трехлѣтней службы милиціей, то для того, чтобы имѣть возможность защищаться, но не нападать, не завоевывать. Этой исходной точкой зрѣнія должна была руководствоваться демократія и во время войны.

Но оставаясь вѣрной основному, изложенному нами принципу, демократія не можетъ имѣть одинаковаго отношенія къ войнѣ на различныхъ стадіяхъ ея развитія. Впрочемъ, одинаковаго отношенія къ веденію войны не можетъ быть ни у одной части населенія страны, потому что, въ противномъ случаѣ, войны никогда не кончались бы до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ не уничтоженъ.

Но это измѣненіе отношенія къ войнѣ у различныхъ слоевъ населенія и у различныхъ партій не одинаково. Когда задача самозащиты со стороны населенія данной страны исполнена, когда опасность экономической или политической зависимости благодаря нападенію другой страны исчезла, для демократіи продолженіе самозащиты является уже безцѣльнымъ, между тѣмъ, какъ націоналисты съ этого момента начинаютъ ставить завоевательныя цѣли. Поэтому, напримѣръ, во Франціи или Бельгіи объединеніе всѣхъ слоевъ населенія въ цѣляхъ самозащиты,—если демократія будетъ послѣдовательной,—будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Германія не согласится очистить Бельгію и Францію.

Такимъ образомъ, постольку, поскольку французская или бельгійская демократія еще находится въ стадіи самозащиты, въ періодѣ очищенія своей территоріи отъ вторгнувшейся Германіи, она не можетъ говорить о мирѣ, если въ состояніи бороться. Но если задача самозащиты исполнена, демократія, будучи послѣдовательной, должна добиваться заключенія мира. При этомъ условіи и правительство нападающей страны будетъ склонно къ заключенію мира, такъ какъ его завоевательныя цѣли не могутъ быть осуществлены. До этого момента требованіе мира со стороны французской и бельгійской демократіи было бы равносильно отдачѣ завоеванныхъ провинцій завоевателю, такъ какъ вопросъ о мирѣ, такъ же, какъ и начало войны, рѣшается начавшимъ войну правительствомъ. Пока германская демократія не добилась очищенія завоеванныхъ провинцій, ихъ очищеніе не можетъ быть произведено иначе, чѣмъ самозащитой французской и бельгійской демократіи.

Самозащита страны не находится въ противорѣчіи съ интернаціональными интересами. Но въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ними находятся завоевательныя стремленія. Ибо интернаціональные интересы являются гармоніей національныхъ интересовъ, выражающейся въ обширномъ сотрудничествѣ демократій и въ борьбѣ противъ угнетенія другихъ народностей, отъ кого бы это угнетеніе ни исходило. Если бы демократія различныхъ странъ пришла къ мысли о взаимной защитѣ отъ нападеній имперіалистскихъ странъ, то, вѣроятно, ни одно правительство не рѣшилось бы на нападеніе. Даже въ настоящей войнѣ Австро-Венгрія не напала бы на Сербію, если бы знала, что Англія присоединится къ Франціи и Россіи.

При современныхъ завоевательныхъ стремленіяхъ имперіалистическихъ странъ вопросъ о мирѣ тогда, когда уже сдѣлано одной изъ странъ нападеніе, можетъ рѣшаться въ трехъ направленіяхъ:

1) Непротивленіе нападающему и согласіе на всѣ условія и требованія, какія онъ предъявитъ. Такое поведеніе, — сохраненіе мира во что бы то ни стало,— противорѣчитъ интернаціональнымъ интересамъ, противорѣчитъ принципамъ интернаціонала, потому что приводитъ къ угнетенію тѣхъ, кто не хочетъ войны, и открываетъ дорогу для безудержнаго хищничества. 2) Сопротивленіе нападающему и, при успѣхѣ, переходъ къ завоеваніямъ. При этомъ условіи роли мѣняются и стремленіе къ самозащитѣ превращается въ стремленіе къ хищничеству и также начинаетъ противорѣчить интернаціональнымъ интересамъ. 3) Принципіальная постоянная позиція

самозащиты, ставящая задачей лишь защиту экономическихъ и политическихъ интересовъ своей страны, и признаніе такихъ же интересовъ за всѣми другими странами. Только такая позиція не находится въ противорѣчіи съ интернаціональными интересами и, будучи систематически проводимой демократіями всѣхъ странъ, послужитъ гарантіей противъ завоевательныхъ стремленій имперіалистскихъ странъ.

Наивно было бы думать, что даже послѣ пораженія Германіи имперіалистскій милитаризмъ исчезнетъ. Если въ настоящій моментъ нападающей, наиболѣе сильной и подготовленной стороной была Германія, то въ слѣдующій историческій моментъ можетъ занять такое же положеніе другая страна. Допустимъ, что такой страной будетъ Китай. Допустимъ, что Китай или другая страна, при помощи европейскаго же капитала вооружена „до зубовъ". Если Германія, имѣя внутри страны сильное сопротивленіе агрессивной политикѣ, могла начать борьбу, то страна съ слабой демократіей сдѣлается новой угрозой миру. Очевидно, что и въ будущемъ принципъ несопротивленія при нападеніи, положимъ Китая, явится не только безполезнымъ, но даже вреднымъ.

III

Но если противникамъ національной самозащиты угрожаетъ опасность впасть въ противорѣчіе съ интересами демократіи собственной страны и играть въ руку завоевательнымъ стремленіямъ страны нападающей, то съ другой стороны сторонникамъ точки зрѣнія самозащиты грозитъ опасность националистическихъ и имперіалистическихъ поползновеній. Ибо завоевательныя стремленія имперіалистовъ исходятъ яко бы изъ интересовъ національной демократіи.

Имперіалистическая агитація, въ особенности за послѣдніе годы, представляла такое огромное идейное явленіе, что даже наиболѣе „ортодоксальные" соціалисты оказались подъ ея вліяніемъ. Такъ, многіе германскіе и нѣкоторые русскіе соціалисты стали утверждать, что развитіе капитализма въ Германіи сдѣлало необходимымъ и неизбѣжнымъ завоеваніе для нея новыхъ рынковъ, новыхъ колоній *). Безъ такого-де завоеванія германскому капиталистическому народному хозяйству грозилъ бы крахъ. Изъ этого положенія, въ корнѣ неправильнаго, дѣлаются два противоположныхъ

*) Эта „необходимость" захватить чужое присуща всѣмъ странамъ, причемъ аппетиты обнаруживаютъ одинаково и консерваторы и либералы...

вывода. Одни (германскіе соціалисты праваго крыла) дѣлаютъ выводъ о необходимости поддержки германскаго имперіализма, какъ необходимаго условія для существованія германскаго народнаго хозяйства. Другіе дѣлаютъ чисто синдикалистскій выводъ о необходимости и неизбѣжности теперь же перескочить въ новый экономическій строй, такъ какъ капитализмъ „изжилъ себя" и не можетъ больше существовать безъ новыхъ завоеванныхъ рынковъ и міровыхъ войнъ. Исходя изъ этого, пришлось бы признать и выводъ, что пока міровое хозяйство и міровыя соціальныя отношенія остаются не подготовленными для новаго соціальнаго строя, до тѣхъ поръ міровыя войны будутъ необходимы для существованія современнаго хозяйства. Т.-е. общая посылка крайнихъ соціалистовъ съ имперіалистами приводитъ первыхъ въ объятія послѣднихъ. Имперіалисты въ такомъ случаѣ правильно утверждаютъ, что если завоеваніе необходимо для существованія народнаго хозяйства, то и завоевательная война необходима: вѣдь если осуществленіе другого высшаго экономическаго строя въ настоящій моментъ невозможно, то развитіе капиталистическаго хозяйства неизбѣжно, какъ необходимой предпосылки лучшаго строя, такъ какъ капитализмъ все-таки является высшей, сравнительно съ предыдущими, формой хозяйственнаго развитія. Къ счастью, сама посылка, изъ которой исходятъ имперіалисты, совершенно неправильна. Напримѣръ, для Германіи, которая въ послѣдніе годы вела наиболѣе агрессивную политику, вызвавшую войну, завоеваніе новыхъ рынковъ вовсе не было необходимо, хотя и было бы выгодно. Какъ я старался показать въ своей брошюрѣ („Экономическія причины міровой войны"), Германія экономически развивалась быстрѣе другихъ капиталистическихъ странъ, несмотря на отсутствіе колоній и, въ значительной степени, благодаря ихъ отсутствію. Разумѣется Германіи было бы выгоднѣе сбывать въ Россію товаровъ не на 800 милл., а на 8 милліардовъ путемъ безпошлиннаго вывоза и уничтоженія русской промышленности, но и безъ этого Германія развивалась и могла бы дальше развиваться. Если и произошло военное столкновеніе, то не потому, что оно неизбѣжно вызывалось экономическимъ развитіемъ Германіи, а потому, что въ Германіи соціальныя силы, поддерживавшія милитаризмъ, оказались сильнѣе противоположныхъ силъ. При болѣе демократическомъ строѣ Германіи этого конфликта могло бы и не быть. Его вѣроятно не было бы, если бы въ Германіи были увѣрены въ присоединеніи Англіи къ Франціи и Россіи...

IV

Германія, оказавшись болѣе другихъ подготовленной, болѣе другихъ странъ заинтересованной въ войнѣ, начала ее съ полной надеждой на побѣду и завоеваніе. Тѣмъ не менѣе почти всѣ слои германскаго населенія утверждаютъ, что нападающей стороной не является Германія, что при современныхъ условіяхъ трудно рѣшить, кто является нападающей стороной, и кто защищается. То же говорятъ и германскіе соціалисты, а за ними и нѣкоторые другіе. Всѣ, дескать, драчуны, праваго и виноватаго не найдешь. Если исходить изъ моральной точки зрѣнія, то, можетъ быть, и трудно, если не невозможно найти праваго и виноватаго. Но когда идетъ рѣчь о самозащитѣ и нападеніи, то вопросъ разсматривается не съ моральной точки зрѣнія. Всѣ современныя государства, такъ же какъ и раньше, питаютъ поползновенія къ захвату или эксплуатаціи сосѣднихъ странъ и тѣмъ не менѣе мы можемъ разобраться, кто нападаетъ и кто защищается. Сербія могла имѣть самыя хищническія поползновенія на Австрію, все-таки Австрія напала на Сербію, а не обратно. Бельгійцы могли мечтать (мечтать не возбраняется) проглотить Германію, но напала на Бельгію Германія. Россія, можетъ быть, черезъ десятилѣтіе могла бы обладать большей военной силой, чѣмъ Германія, но въ 1914 году была подготовлена къ нападенію именно Германія. Г. В. Плехановъ въ своей статьѣ, по моему мнѣнію, очень остроумно и правильно замѣтилъ, что кто отказывается отъ рѣшенія вопроса о томъ, какая страна нападаетъ и какая защищается, тотъ тѣмъ самымъ признаетъ себя неспособнымъ обсуждать вопросъ о войнѣ.

Когда опасность для Россіи экономическаго, а для Сербіи и Бельгіи политическаго порабощенія завоевателями исчезнетъ, то на смѣну явятся не только націоналистическія вожделѣнія различныхъ общественныхъ группъ, но и вожделѣнія опустошить карманы своихъ соотечественниковъ подъ фирмой патріотизма. Многіе предприниматели уже предвкушаютъ эксплуатацію своей страны путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ, спекулируютъ, пользуясь дороговизной, и, крича о „нѣмецкомъ засиліи", набиваютъ карманы и т. д. Все это затрудняетъ правильную постановку вопроса о самозащитѣ, но не измѣняетъ ее, а только побуждаетъ строже ограничиваться отъ загребистыхъ „патріотовъ" либеральной, или консервативной марки одинаково.

Самозащита

I

Міровая война показала современному обществу не только великія опасности, которыми грозятъ всему міру и всей культурѣ хищническія поползновенія имперіалистовъ различныхъ странъ, но и полную идейную неподготовленность демократическихъ слоевъ общества для борьбы противъ международнаго хищничества. Эта неподготовленность, какъ я уже указывалъ выше, проявилась прежде всего въ томъ, что не было достаточно критическаго отношенія къ экономическому обоснованію имперіализма.

Даже соціалистическіе писатели (особенно въ Германіи) утверждали, что капитализмъ достигъ такой стадіи развитія, при которой онъ не можетъ существовать безъ колоній, что борьба за колоніи является необходимымъ условіемъ существованія капитализма. Т.-е. капиталистическая страна безъ завоеванія колоній должна остановиться въ своемъ экономическомъ развитіи, или должна перейти къ другимъ формамъ производства.

Но такъ какъ при современныхъ условіяхъ нѣтъ достаточныхъ соціальныхъ силъ для переустройства общества,—этихъ силъ оказалось недостаточно даже для того, чтобы предотвратить войну,—то признаніе необходимости для капитализма колоній является признаніемъ и необходимости войны. Германскіе ортодоксы, писавшіе о необходимости для капитализма колоній, давали основаніе для практическихъ выводовъ, которые дѣлались германскими ревизіонистами, оказавшимися болѣе послѣдовательными.

Въ дѣйствительности и тѣ и другіе были неправы: Германія экономически развивалась быстрѣе другихъ странъ именно благодаря тому, что у нея не было колоній, благодаря тому, что капиталъ меньше вывозился въ колоніи, а реализовался въ производствѣ внутри страны, а товары вывозились въ другія капиталистическія страны.

Разумѣется, сильнѣйшія группы хищниковъ въ каждомъ капиталистическомъ государствѣ стремятся къ пріобрѣтенію колоній, такъ же какъ предприниматели стремятся къ пониженію заработной платы, къ усиленнымъ вооруженіямъ и т. д. Но капитализмъ можетъ развиваться и при высокой—заработной—платѣ, страна можетъ существовать безъ постоянной арміи и предохранить себя отъ нападеній милиціей и т. д. Завоеваніе колоній такъ же какъ и милитаризмъ въ видѣ постоянной огромной арміи вовсе не необходимы для дальнѣйшаго развитія капиталистическихъ странъ. Напротивъ Соединенные Штаты съ ничтожной арміей развивались интенсивно именно благодаря отсутствію большихъ расходовъ на вооруженія; Германія развивалась быстро благодаря отсутствію колоній, куда не отвлекался накопившійся въ странѣ капиталъ.

Мы видимъ, что чѣмъ демократичнѣе страна (Швейцарія, Соединенные Штаты, Англія), тѣмъ въ ней слабѣе милитаризмъ.

Всѣ эти соображенія указываютъ на то, что міровая война не была необходимымъ результатомъ капиталистическаго развитія: она была неизбѣжна только потому, что демократія—въ данной войнѣ въ Германіи—не могла или не хотѣла оказать достаточнаго сопротивленія имперіалистическимъ поползновеніямъ вліятельныхъ круговъ общества, вызвавшихъ войну.

Преклоненіе передъ фактомъ, какъ передъ необходимостью, а не какъ передъ несчастіемъ, котораго можно было бы и возможно будетъ при аналогичныхъ условіяхъ избѣгать, является наиболѣе вредной идеологіей.

II

Въ настоящее время война является уже фактомъ, съ которымъ приходится считаться, какъ съ необходимостью, и задача заключается въ томъ, какъ по возможности больше устранить вредныя послѣдствія, которыя могутъ явиться результатомъ войны.

Трудность этой задачи заключается въ томъ, что демократія европейскихъ странъ и въ особенности въ Россіи, какъ замѣчено, мало подготовлена къ правильной оцѣнкѣ совершающихся событій.

Хотя въ программахъ наиболѣе демократическихъ партій европейскихъ странъ есть основныя предпосылки, опредѣляющія линіи поведенія демократіи, но значеніе этихъ предпосылокъ недостаточно осознано, въ особенности въ примѣненіи къ данному моменту.

Несомнѣнно демократія правильно формулировала свое отношеніе къ сохраненію политической и экономической независимости своей страны, постановивши принципъ милиціоннаго вооруженія, а къ сохраненію культурной независимости,—принципъ національнаго самоопредѣленія.

Въ примѣненіи къ данному моменту, когда большинство воюющихъ странъ стоитъ передъ задачей самозащиты, когда вообще вооруженіе по составу войскъ приблизилось къ миллиціонному вооруженію, т.-е. къ вооруженію всего народа, эта демократизація арміи произошла лишь съ внѣшней стороны, а не по существу: въ организаціонномъ творчествѣ самозащиты, даже въ наиболѣе демократическихъ странахъ все осталось по-старому: масса населенія принимаетъ участіе въ самозащитѣ страны пассивно, въ качествѣ военнаго матеріала, а не активно; ибо организаціонные принципы въ самозащитѣ страны остались такіе же, какіе были и при борьбѣ кадровыми войсками, находившимися въ мирное время на службѣ. Это не только ослабляетъ самозащиту, но, что всего опаснѣе, легко можетъ повести при военномъ успѣхѣ къ превращенію самозащиты въ нападеніе, потому что въ „руководящихъ“ общественныхъ кругахъ наиболѣе сильны завоевательныя стремленія.

Въ такое положеніе прежде всѣхъ, съ начала войны, попала германская демократія.

Война, начатая Германіей и Австро-Венгріей, съ самаго начала имѣла завоевательный характеръ. Хотя передъ широкими слоями германской демократіи война выставлялась подъ видомъ самозащиты, но среди демократіи было широко распространено пропагандируемое имперіалистами убѣжденіе, что Германіи необходимо расширить свою территорію, свои колоніи, чтобы „занять надлежащее положеніе на заливѣ для нѣмецкаго народа“. Этой агитаціей занимались не только нѣмецкіе юнкера, но и нѣкоторые изъ соціалистовъ. Послѣ первыхъ военныхъ успѣховъ въ германской печати стали откровенно проявляться завоевательные аппетиты и о захватѣ чужой территоріи стала говорить вся буржуазная печать.

Въ Россіи аппетиты либерально-буржуазныхъ круговъ общества находились въ прямой зависимости отъ военныхъ успѣховъ и русская печать во время войны отличалась изумительной безпринципностью. Только продвиженіе германцевъ въ предѣлы Россіи заставило удержаться отъ проявленій своихъ аппетитовъ и вспомнить о самозащитѣ. До этого момента защиту отъ нападенія Германіи ши-

рокіе круги общества всѣми мѣрами стремились превратить въ войну завоевательную, т.-е. пропагандировали готтентотскую мораль, и безъ того наиболѣе распространенную въ современномъ обществѣ: „дурно то, когда у меня воруютъ жену, а хорошо то, когда я ворую чужую жену“, дурно, когда другіе ведутъ завоевательную войну и хотятъ аннексировать чужія земли, а хорошо, когда мы захватываемъ чужую страну. Ясно, что такая точка зрѣнія дѣлаетъ непримиримыми между собой интересы воюющихъ странъ, и только мѣняетъ ихъ положеніе: страна, которая раньше находилась въ положеніи самозащиты, при военныхъ успѣхахъ дѣлается завоевательницей, а страна, которая нападала, попадаетъ въ положеніе самозащиты. Такая безпринципность не только не можетъ устранить ужасовъ и несчастій войны, но неизбѣжно ее питаетъ.

Демократія, стоящая на точкѣ зрѣнія самозащиты, признающая за каждой государственной организаціей и за каждой народностью право на самозащиту, не можетъ мѣнять своего отношенія къ этому вопросу въ зависимости отъ военныхъ успѣховъ, потому что стремленіе къ завоеваніямъ являлось не только причиной происходящей войны, но и явится причиной новыхъ войнъ въ будущемъ.

III

Стремленіе къ самозащитѣ противъ нападающаго, какъ стремленіе къ самосохраненію, является сильнѣйшимъ рычагомъ, который сдвигаетъ общественныя силы изъ ихъ болѣе или менѣе устойчиваго равновѣсія.

Въ русской общественной жизни за послѣднее пятидесятилѣтіе было два момента, когда поставленныя жизнью національныя задачи сдвинули всѣ общественные слои для новаго общественнаго строительства. Въ 1905—6 году въ общенаціональномъ масштабѣ была поставлена задача національнаго освобожденія отъ безконтрольнаго господства бюрократіи, для расширенія рамокъ общественной самодѣятельности.

Впереди, въ борьбѣ за эти задачи стояла демократія и за нею въ хвостѣ шли другіе классы общества, которые повернулись противъ демократіи, какъ только имъ показалось, что для себя они добились соотвѣтствующихъ реформъ.

Современной войной выдвинута другая общенаціональная задача

задача самозащиты страны отъ экономической и политической зависимости отъ Германіи.

Въ сдвигѣ общественныхъ силъ, вызванномъ войной, главнымъ рычагомъ явился, неизбѣжно, демократическій, по существу, принципъ самозащиты, но за этотъ рычагъ ухватились прежде всего не демократическіе слои общества. Я называю принципъ самозащиты исключительно демократическимъ потому, что, какъ раньше указывалъ, не демократическіе слои общества ставятъ себѣ завоевательныя цѣли и если хватаются за принципъ самозащиты, то или въ цѣляхъ увлечь за собой демократію, или тогда, когда опасность для страны настолько велика, что думать о завоеваніяхъ нелѣпо, не цѣлесообразно.

Схватившись за принципъ самозащиты, какъ наиболѣе могучее орудіе борьбы въ данный моментъ, буржуазныя партіи используютъ его въ эгоистическихъ цѣляхъ, для того, чтобы расчистить себѣ путь къ политической и экономической борьбѣ, чтобы при случаѣ и при благопріятныхъ условіяхъ самозащиту превратить въ завоевательную войну.

Благодаря тому, что принципъ самозащиты не былъ своевременно выдвинутъ демократіей, благодаря тому, что за него схватились общественныя группы, преслѣдующія другія цѣли, самый принципъ въ глазахъ демократіи оказался какъ бы скомпрометированнымъ.

Принципъ самозащиты, подхваченный имперіалистическими кругами, представляется маской, за которой скрывается лицо завоевателя. Очевидно, важнѣйшей задачей демократіи является не только задача выяснить истинное значеніе принципа, которымъ она всегда руководствовалась, отстаивая экономическую и политическую независимость всѣхъ странъ, отстаивая право народовъ на самоопредѣленіе, отстаивая милицію, какъ орудіе пригодное для самозащиты, а не для нападенія. Въ задачу демократіи входитъ и постановка самозащиты въ тѣхъ началахъ, на которыхъ она можетъ быть наиболѣе цѣлесообразной: когда ее беретъ въ свои руки самъ народъ черезъ посредство организацій, имъ уполномоченныхъ, когда самозащита не является предлогомъ для наживы отдѣльныхъ общественныхъ группъ и средствомъ для достиженія какихъ-либо эгоистическихъ групповыхъ цѣлей. Такъ какъ самозащита является крупнѣйшей національной задачей, которая выдвинута войной, она оказалась въ состояніи рѣшить тѣ задачи, которыя не могла рѣшить демократія въ другое время.

Возьмемъ, ради примѣра, національный вопросъ. Національный вопросъ въ Россіи всегда являлся больнымъ вопросомъ, но демократія до войны не могла добиться даже надлежащей его постановки для рѣшенія. Дѣло Бейлиса показало до какой степени слабы тѣ общественныя силы, которыя добивались правильнаго рѣшенія національнаго вопроса.

Теперь національный вопросъ поставленъ жизнью въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ, и для каждаго ясно, что надлежащее рѣшеніе національнаго вопроса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе вопроса о самозащитѣ, что всѣмъ, кому дорога національная независимость своей страны, нужно встать противъ угнетателей національностей и внутри страны. Съ этой точки зрѣнія врагами отечества оказываются тѣ общественныя группы, которыя присваивали себѣ монополію на патріотизмъ. Съ этой точки зрѣнія исчезаетъ противопоставленіе патріотизма интернаціонализму: не желая угнетенія своего народа, своей родины нужно быть послѣдовательнымъ и не желать угнетенія другого народа и его родины.

Такъ какъ самозащита наиболѣе дѣйствительна тогда, когда всѣ граждане, всѣ національности, живущія въ странѣ, заинтересованы въ сохраненіи ея независимости, то національный вопросъ въ наиболѣе раціональной, наиболѣе демократической формѣ выдвигается въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ и выдвигается настолько властно, что даже въ Россіи его рѣшеніе стоитъ на очереди. Можно было бы указать на цѣлый рядъ другихъ проблемъ внутренней жизни, которыя стоятъ на очереди и которыя тѣсно связаны съ вопросомъ о самозащитѣ. Можно смѣло сказать, что всѣ важнѣйшіе вопросы внутренней жизни, которые ставились въ мирное время и не рѣшались вслѣдствіе безсилія демократіи и сопротивленія реакціонныхъ общественныхъ группъ, всѣ эти вопросы ставятся на очередь въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ и властно требуютъ своего рѣшенія. Трудно было до войны ожидать, чтобы октябристы заговорили въ Государственной Думѣ объ амнистіи, о правѣ всѣхъ національностей въ Россіи на гражданское равноправіе, чтобы на городскомъ съѣздѣ представители современнаго городского самоуправленія заговорили о представительствѣ въ общественныхъ организаціяхъ профессіональныхъ союзовъ и т. д. Задача самозащиты поставила эти вопросы не потому, что она несетъ „соціальный миръ“, не потому, что отдѣльные классы общества перестали преслѣдовать свои эгоистическіе интересы, а потому, что на ряду

съ обыденной жизнью встала еше новая задача, которая можетъ быть рѣшена только въ общенаціональномъ масштабѣ, и рѣшеніе которой требуетъ проявленія активности со стороны широкихъ слоевъ демократіи.

Такимъ образомъ, жизнь создаетъ, повидимому, неожиданный парадоксъ: демократія не хочетъ и не любитъ войны, но какъ разъ во время войны она раскрываетъ и развертываетъ всѣ свои жизненныя силы. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что самозащита является одной изъ наиболѣе настоятельныхъ задачъ существованія демократіи, что во время самозащиты ярче всего проявляются ея жизненныя силы.

Въ концѣ XVIII столѣтія французская демократія развернула всѣ свои силы, пока она защищалась отъ коалиціи европейскихъ государствъ, но попала подъ ярмо Наполеона, какъ только перешла къ завоеваніямъ.

Тогда во французской демократіи не было глубоко воспитаннаго сознанія, что задачей демократіи является только самозащита, что завоеванія противорѣчатъ въ корнѣ задачамъ и интересамъ демократіи. Поэтому внутри французскаго общества не нашлось достаточно соціальныхъ силъ, которыя могли бы удержать Францію отъ ея побѣдоносныхъ походовъ, въ томъ числѣ и на Москву.

IV

Военная самозащита является проявленіемъ воли массы населенія къ защитѣ своей экономической, политической и культурной независимости и самостоятельности противъ вторгнувшейся въ страну арміи другого народа. Между тѣмъ, при современныхъ условіяхъ въ большинствѣ государствъ государственная власть стремится выставить завоевательныя стремленія правящихъ классовъ тоже какъ проявленіе воли народа. Завоеватели всегда утверждаютъ, что они стремятся осчастливить не тольно „свой“ народъ, но и покоренныя народности. Ясно, что изъ формулированной выше задачи самозащиты всегда исключаются не только завоевательныя агрессивныя цѣли, но и отождествленіе интересовъ правящихъ группъ, или государственной организаціи, съ интересами народа. Такъ, во время балканской войны въ 70-хъ годахъ возставшія славянскія народности противъ турокъ боролись противъ государственной организаціи, къ которой

они принадлежали. Самозащита балканскихъ народовъ даже требовала помощи военныхъ силъ другого государства, поскольку оно не ставило завоевательныхъ цѣлей. Такимъ образомъ стремленіе балканскихъ народностей къ самозащитѣ проявилось не только въ возстаніи противъ власти турокъ, т.-е. противъ власти того государства, къ которому онѣ принадлежали; но даже къ союзу съ иноземными войсками, которыя приходили на помощь. Поэтому интересы самозащиты народа не только не требуютъ всегда соціальнаго мира внутри государства, но, какъ было въ Турціи въ 70-хъ годахъ, вызываютъ борьбу въ предѣлахъ одного государства.

Тѣмъ не менѣе въ такіе моменты эта борьба внутреннихъ общественныхъ силъ подчиняется основной задачѣ момента, задачѣ самозащиты. Такъ какъ въ цѣляхъ самозащиты народа наиболѣе цѣлесообразно пробужденіе всѣхъ его живыхъ творческихъ силъ, то демократическія „программы" требованія вовсе не находятся въ противорѣчіи съ интересами самозащиты, а, напротивъ, вытекаютъ изъ нихъ. Это видно на приведенномъ выше примѣрѣ, въ національномъ вопросѣ.

Такъ какъ принципъ самозащиты эксплуатируется промышленной буржуазіей часто съ завоевательными цѣлями, то одной изъ задачъ демократіи является обнаруженіе и устраненіе подмѣны однѣхъ задачъ другими. Эта подмѣна происходитъ, обычно, на почвѣ смѣшенія интересовъ промышленниковъ и торговцевъ или аграріевъ съ интересами промышленности, торговли и земледѣлія.

Для нѣкоторыхъ группъ промышленниковъ, торговцевъ или аграріевъ можетъ быть выгодно пріобрѣтеніе той или другой территоріи, но вовсе не необходимо для существованія націи. Между тѣмъ это пріобрѣтеніе и выставляется, какъ національная задача. Такъ въ Германіи присоединеніе бельгійскаго побережья, пріобрѣтеніе колоній и т. д. выставляется, какъ необходимое условіе для дальнѣйшаго преуспѣянія германской промышленности и торговли. Такія же завоевательныя задачи ставились русскими либералами *) и въ сущности ставятся всѣми воюющими странами. Во всей Европѣ происходитъ вакханалія разыгравшихся чудовищныхъ аппетитовъ нѣкоторыхъ общественныхъ группъ въ воюющихъ и нейтральныхъ странахъ.

---

*) Въ событіяхъ, развернувшихся теперь на Балканахъ, не столько виноваты дипломаты, сколько неумѣренные аппетиты публицистовъ, дѣлавшихъ на столбцахъ газетъ обширныя завоеванія.

Этой вакханаліи демократія даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ Европы, къ сожалѣнію, не противопоставляетъ опредѣленнаго принципа, который бы, давая мѣсто естественному стремленію людей къ національной независимости, вмѣстѣ съ тѣмъ не давалъ бы почвы для хищническихъ поползновеній. Имъ или противопоставляется безсильное отрицаніе войны уже тогда, когда война стала фактомъ и угрожаетъ независимости тѣхъ или другихъ странъ, или демократія такъ увлекается воинственными кликами, что готова пойти за завоевателями, какъ это случилось въ Германіи и отчасти во Франціи.

Интересы самозащиты каждаго народа находятся въ полной гармоніи съ интернаціональными интересами, потому что для каждой націи одинаково цѣнна и важна политическая, экономическая и культурная независимость.

Такъ какъ каждая нація имѣетъ право на самозащиту и такъ какъ очень трудно опредѣлить, гдѣ кончается самозащита и гдѣ начинается нападеніе, то лучшимъ судьей при рѣшеніи международныхъ отношеній является международное представительство демократіи. Стоя на точкѣ зрѣнія самозащиты и права національностей на самоопредѣленіе международная демократія можетъ лучше всего опредѣлить не только границы самозащиты, но и условія заключенія мира, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ демократіи. Поэтому нельзя назвать иначе, какъ недомысліемъ противопоставленіе національной самозащиты интернаціональнымъ интересамъ демократіи и смѣшеніе самозащиты демократіи съ воинствующимъ національизмомъ. Къ сожалѣнію, это смѣшеніе встрѣчается на каждомъ шагу. Оно показываетъ, насколько мало подготовлена была демократія къ тѣмъ событіямъ, которыя теперь совершаются и которыя властно требуютъ выясненія вопроса о самозащитѣ и интернаціональныхъ отношеніяхъ.

Большинство германской и австрійской рабочей партіи, по существу, не стоитъ на точкѣ зрѣнія обороны, такъ какъ для этого большинства выяснился завоевательный характеръ войны, начатой Германіей и Австріей. Эти завоевательныя стремленія видны и изъ приведенной выше резолюціи германской рабочей партіи по вопросу о заключеніи мира, хотя большинство и высказалось противъ аннексій. Но, какъ я старался показать, и война затѣяна германскимъ правительствомъ не для территоріальныхъ, а для экономическихъ захватовъ.

На ряду съ агрессивнымъ большинствомъ и въ Германіи и въ Австро-Венгріи все больше и больше вліянія пріобрѣтаетъ меньшинство, которое, стоя на точкѣ зрѣнія обороны страны, протестуетъ противъ войны и требуетъ заключенія мира. Оно требуетъ этого именно потому, что происходитъ со стороны Германіи и Австро-Венгріи не оборона, а нападеніе. Это ясно изъ мотивировки своихъ требованій меньшинствомъ австрійскихъ соціалистовъ, что благопріятное стратегическое положеніе центральныхъ державъ налагаетъ на соціалистическія партіи этихъ государствъ обязанность выступить съ требованіемъ мира на условіяхъ сохраненія „status quo" *). Остановить завоевательную войну и возможно или требованіями внутри страны, въ данномъ случаѣ Германіи и Австро-Венгріи, или достаточно сильнымъ сопротивленіемъ тѣхъ странъ, на которыя нападаютъ. Пока въ Германіи и Австро-Венгріи большинство организованной демократіи не сломитъ завоевательныхъ стремленій правящихъ классовъ, демократія странъ, на которыя сдѣлано нападеніе, принуждена защищаться, стоять на точкѣ зрѣнія обороны, ибо противооборончество при своемъ успѣхѣ давало бы успѣхъ и иностраннымъ завоевателямъ.

---

*) „Русс. Вѣд." 12 дек. 1915 г.

ОБЪ ИМПЕРІАЛИЗМѢ

I

Какъ въ жизни отдѣльной личности, такъ и въ жизни цѣлаго общества бываютъ моменты, когда является потребность сознательнѣе и вдумчивѣе отнестись къ совершающимся событіямъ, когда хочется понять и познать ихъ значеніе. Обыкновенно толчкомъ, вызывающимъ такую потребность, какъ у личности, такъ и того или другого слоя общества бываетъ какое-нибудь несчастіе, какое-нибудь бѣдствіе, которое выталкиваетъ человѣка или общественную группу изъ спокойнаго состоянія и побуждаетъ, иногда противъ воли, надъ многимъ задуматься.

Вѣроятно, люди были бы очень умны, если бы побуждаемые такой потребностью они всегда сами наблюдали и обдумывали окружающія явленія. Но лѣность и слабость мысли даже въ критическіе моменты даютъ легкій выходъ удовлетворенію потребности въ пониманіи новыхъ событій. Для этого достаточно кому-нибудь найти словесную формулу, которая яко бы объясняетъ данное явленіе, и потребность большинства людей, стремящихся его понять, бываетъ удовлетворена.

Часто больной получаетъ удовлетвореніе тѣмъ, что его болѣзнь опредѣлена тѣмъ или другимъ непонятнымъ названіемъ, хотя названіе болѣзни еще не даетъ облегченія страданіямъ. Больной утѣшается пріемомъ лѣкарства, хотя часто лѣкарство не облегчаетъ болѣзни и т. д. и т. д. То же самое случается и съ цѣлымъ обществомъ. Величайшее изъ всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на Европу,— современная война вызвала сильную потребность понять это явленіе, выяснить его причины и найти средства бороться противъ самой возможности его повторенія.

Но въ данномъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто обстоятельнаго изученія условій и тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя вызвали войну, почти все русское общество довольствуется сакраментальными формулами, которыя яко бы объясняютъ и освѣщаютъ это огромной важности событіе, а въ дѣйствительности мѣшаютъ его пониманію.

Въ русской либеральной печати принято называть войну освободительной, хотя русскій либерализмъ все время говоритъ и мечтаетъ о завоеваніяхъ. Было бы совсѣмъ безнадежнымъ дѣломъ искать въ русской либеральной печати анализа тѣхъ соціальныхъ силъ, которымъ приписывается освободительная миссія и которыя потомъ опредѣлятъ дальнѣйшее развитіе человѣческаго общества: сплошная апологетика, порицаніе другихъ за завоевательныя стремленія и въ то же время проповѣдь „необходимости" завоеваній замѣняютъ серьезное изученіе причинъ и послѣдствій совершающихся событій.

Съ другой стороны среди крайнихъ лѣвыхъ теченій большимъ успѣхомъ пользуется одно слово, которое не только замѣняетъ серьезный анализъ явленій, но даетъ основаніе отвергать семидесятилѣтній опытъ рабочаго движенія, принимать за откровеніе, до сихъ поръ отвергавшіеся, какъ вредные, методы классовой борьбы и т. д. Это слово „имперіализмъ", слово не новое, но получившее почему-то совершенно новый смыслъ и необыкновенное значеніе.

Слово „имперіализмъ" объясняетъ все. Война вспыхнула, потому что развился имперіализмъ. Правящіе классы всѣхъ странъ принимаютъ участіе въ войнѣ, потому что развился имперіализмъ. Почему средніе классы и крестьянство принимаютъ участіе въ войнѣ? Потому что заражены имперіализмомъ. Почему рабочій классъ во всѣхъ странахъ всталъ на точку зрѣнія обороны? Потому что заразился имперіализмомъ. Почему онъ не могъ помѣшать войнѣ?— Имперіализмъ. Почему должна быть измѣнена тактика, почему должна быть признана негодной программа minimum, выдержавшая многолѣтній опытъ, почему должно измѣниться отношеніе къ буржуазіи, почему нужно разсматривать всю буржуазію, какъ однородную реакціонную массу? Можно поставить еще длинный рядъ вопросовъ и на нихъ есть лишь одинъ отвѣтъ со стороны значительной части марксистскаго лагеря: „имперіализмъ".

Пока мы ничуть не рѣшаемъ, правильны ли приведенные отвѣты. Допустимъ, что правильны. Но они должны быть основаны на тщательномъ анализѣ не только современной дѣйствительности, но и

историческаго развитія имперіализма и соціальныхъ силъ, составляющихъ современное общество. Въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не объ отношеніи къ современной войнѣ, не о тактикѣ въ настоящій моментъ, которая можетъ быть ошибочной у того или у другого теченія политической мысли вслѣдствіе неправильнаго пониманія вліянія результатовъ войны на развитіе страны. Идетъ рѣчь объ оцѣнкѣ и пересмотрѣ всего прошлаго демократіи и объ опредѣленіи линіи ея поведенія въ будущемъ послѣ войны.

Но было бы напраснымъ трудомъ искать серьезнаго анализа понятія „имперіализмъ“, анализа тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя развиваются вмѣстѣ съ имперіализмомъ, искать серьезныхъ основаній для того, чтобы „открыть“ новую стадію развитія общественныхъ отношеній и, не долго думая, отвергнуть весь старый опытъ рабочаго класса, какъ „оппортюнистическое приспособленіе“ къ буржуазіи.

Между тѣмъ настоящій моментъ, въ виду его важности, требуетъ особенно осторожныхъ выводовъ, основанныхъ на серьезномъ анализѣ дѣйствительности, требуетъ особенно бережнаго отношенія къ старому опыту, потому что разрушенія, сдѣланныя войной, страшно обострятъ борьбу за существованіе экономически слабыхъ слоевъ населенія, а также и потому, что война дѣйствительно ставитъ новыя проблемы, которыя могутъ быть рѣшены, когда будетъ разумно использованъ весь старый историческій опытъ.

Прежде всего требуется выяснить, что такое имперіализмъ, что онъ принесъ съ собой въ общественныя отношенія и что онъ принесетъ?

II

Мы не можемъ въ данной статьѣ дать исчерпывающаго анализа современнаго имперіализма и лишь намѣтимъ основныя черты его развитія и связанныхъ съ нимъ соціальныхъ силъ.

Подъ имперіализмомъ, какъ новѣйшимъ явленіемъ, разумѣютъ стремленіе передовыхъ капиталистическихъ странъ, имѣющихъ колоніи, образовать обширную государственную организацію, куда входятъ и колоніи, огражденную таможенными пошлинами отъ другихъ подобныхъ же организацій. Появленіе такого стремленія въ Англіи, странѣ со свободной торговлей, послужило основаніемъ для опредѣленія послѣдней стадіи развитія капитализма словомъ имперіализмъ.

Но если мы примемъ во вниманіе другія капиталистическія страны,— Францію, Германію, Соединенные Штаты С. Америки, то увидимъ, что никакого перехода отъ свободной торговли къ протекціонизму въ настоящее время тамъ не наблюдается, потому что свободной торговли въ другихъ государствахъ и не было. Тѣмъ не менѣе, совершенно правильно говорятъ и объ имперіализмѣ Франціи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ и др. государствъ. Когда говорятъ объ имперіализмѣ этихъ странъ, то разумѣютъ стремленіе господствующихъ классовъ къ экономическому или экономическому и политическому подчиненію другихъ странъ, другихъ государствъ. Если мы попытаемся приложить этотъ критерій къ капиталистическимъ странамъ, то найдемъ, что имперіализмъ появляется вмѣстѣ съ капитализмомъ и даже раньше его: лишь только торговый капиталъ страны переходитъ къ международной торговлѣ, у него является стремленіе къ экономическому и политическому подчиненію тѣхъ странъ, съ которыми ведется торговля и которыя болѣе слабы. Колоніальная политика является вмѣстѣ съ внѣшней торговлей.

Такимъ образомъ то, что называется современнымъ имперіализмомъ, является лишь новой стадіей имперіалистической политики, новой стадіей имперіализма, связанной съ современными условіями капиталистическаго строя и опредѣляемой борьбой соціальныхъ силъ, составляющихъ современное общество. Поэтому мы вправѣ разсматривать современный имперіализмъ, какъ одну изъ эпохъ развитія имперіализма, возникшаго еще въ началѣ господства торговаго капитала. Уже при самомъ зарожденіи капитализма, съ появленіемъ кустарной промышленности въ Италіи, потомъ Фландріи появляется торговый имперіализмъ. Постоянная борьба итальянскихъ городовъ изъ-за колоній, борьба Испаніи съ Голландіей, а потомъ съ Англіей происходила благодаря развитію торговаго имперіализма.

Борьба была постоянной, и если она не имѣла характера постоянной войны между торговыми странами, то только потому, что для постоянной войны въ крупныхъ масштабахъ не было силъ.

Въ періодъ торговаго имперіализма въ колоніальныхъ захватахъ, въ торговыхъ договорахъ и т. д., заинтересованы были лишь узкіе круги населенія крупныхъ торговыхъ центровъ,—торговая аристократія. Остальное населеніе не только деревень, но и городовъ, еще не вовлеченныхъ въ международный обмѣнъ, не было заинтересовано въ торговомъ имперіализмѣ. Да оно и не могло, вслѣдствіе своего политическаго безсилія и распыленности, имѣть какого-либо

вліянія на международныя отношенія и оказывать сопротивленіе или содѣйствіе захватной политикѣ. Поэтому захваты производились наемными войсками; сила имперіализма опредѣлялась исключительно силой торговаго класса и тѣхъ элементовъ мѣщанства, которые были связаны съ иностранной торговлей.

И по состоянію производительныхъ силъ въ торговыхъ странахъ и по количеству заинтересованнаго въ имперіализмѣ населенія свирѣпая борьба торговаго имперіализма не могла имѣть такихъ размѣровъ, которыхъ она достигла впослѣдствіи, въ періодъ промышленнаго имперіализма. Во всякомъ случаѣ и для перваго періода имперіализма характерно было то, что хищному торговому капиталу всегда было тѣсно. Чтобы получить торговую сверхприбыль отъ продажи экзотическихъ продуктовъ, крупныя торговыя компаніи и фирмы не только стремились военною силою государства уничтожить конкуренцію другихъ торговыхъ странъ, но и сокращать ввозъ тѣхъ продуктовъ, которыми торговали сами.

Политика современныхъ трестовъ и синдикатовъ гораздо энергичнѣе проводилась ихъ предшественниками на зарѣ развитія капитализма.

Если современную войну объясняютъ тѣмъ, что капитализму стало тѣсно, то аналогичную „тѣсноту“ чувствовалъ торговый капиталъ въ первоначальную эпоху своего развитія. Хотя въ то время сила сопротивленія хищническимъ стремленіямъ торговаго капитала со стороны другихъ слоевъ населенія была ничтожной, тѣмъ не менѣе не всегда возможно было поддерживать силой торговыя отношенія. Торговыя соглашенія между странами и въ то время были обычнымъ явленіемъ. И, разумѣется, поскольку договорныя торговыя отношенія были полезны для болѣе отсталыхъ странъ, содѣйствуя ихъ экономическому развитію, постольку для туземцевъ покоренныхъ странъ были гибельны успѣхи торговаго имперіализма.

Мы остановились на первой стадіи развитія имперіализма потому, что и въ послѣдующихъ его стадіяхъ торговый имперіализмъ играетъ огромную роль.

Обычно анализъ историческаго развитія общества слишкомъ упрощается. Обычно самую послѣднюю форму капиталистическаго развитія считаютъ универсальной, охватывающей все общество. Въ дѣйствительности на каждой новѣйшей ступени экономическаго развитія остаются въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, съ боль-

шимъ или меньшимъ значеніемъ, остатки всѣхъ предыдущихъ эпохъ и играютъ соотвѣтствующую роль въ общественной жизни. Если мы возьмемъ наиболѣе передовую капиталистическую страну,—Англію, которая пережила развитіе торговаго имперіализма, прошла стадію промышленнаго имперіализма и въ настоящее время является типичной страной финансоваго имперіализма, то и въ ней мы найдемъ широкіе слои буржуазіи, которая, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ, заинтересована лишь въ торговой эксплуатаціи колоній и другихъ странъ.

Мы остановились на первой стадіи имперіализма и для того, чтобы показать, что многія стороны имперіализма, которыя теперь рисуются, какъ нѣчто новое, возникшее чуть ли не во время послѣдней войны, являются очень старыми. Заглянуть въ прошлое побуждаетъ и то обстоятельство, что широкіе слои населенія, занятые повседневной жизненной борьбой, до войны придавали слишкомъ малое значеніе международнымъ отношеніямъ и международной политикѣ, въ основѣ которой лежали экономическія отношенія. Поэтому даже во время войны можно было слышать отъ представителей лѣвыхъ политическихъ теченій мнѣніе, что вопросы таможенной политики, которой опредѣляются международныя отношенія и изъ-за которой въ концѣ-концовъ вспыхнула война, не касаются пролетаріата, что это вопросы дѣлежа добычи между различными группами господствующихъ классовъ отдѣльныхъ странъ и только. Даже теперь, когда та и другая изъ воюющихъ сторонъ ставятъ вопросы объ экономическомъ ослабленіи противниковъ послѣ войны *), взгляды на международныя экономическія отношенія крайне поверхностны и легкомысленны: многіе, писавшіе объ экономическихъ международныхъ отношеніяхъ, и до сихъ поръ не знаютъ и не видятъ разницы между торговыми договорами, заключенными путемъ соглашенія между странами, и договорами, продиктованными силою оружія.

Между тѣмъ капиталистическія страны даже въ періодъ торговаго имперіализма содержали войска, вели войны и, наконецъ, теперь затѣяли гибельную для всего міра войну именно потому, что существуетъ разница между торговыми отношеніями, заключенными по добровольному соглашенію безъ войнъ, и договорами, навязанными силою оружія.

---

*) На опасностяхъ, которыми грозятъ экономическому міровому развитію „экономическія соглашенія", разсчитанныя на таможенную войну послѣ заключенія мира, мы остановимся дальше.

III

Формально, трудно провести границу между торговымъ и промышленнымъ имперіализмомъ, типичной страной котораго въ настоящее время является Германія. Такъ какъ промышленный капиталъ появляется по мѣрѣ накопленія торговаго капитала, то происходитъ лишь постепенное измѣненіе роли и силы торговаго и промышленнаго капитала въ экономической и политической жизни страны.

Въ Англіи, при ея раннемъ и поэтому, болѣе медленномъ и постепенномъ экономическомъ развитіи, послѣдовательная смѣна стадій развитія имперіализма проявилась ярче, чѣмъ въ другихъ странахъ. Тѣмъ не менѣе характерныя черты промышленнаго имперіализма проявляются во всѣхъ капиталистическихъ странахъ.

По мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое производство, у промышленнаго капитала является все большая и большая потребность въ расширеніи рынка для сбыта своихъ издѣлій. Разумѣется, каждая страна могла бы потребить то, что въ ней производится, такъ какъ потребности людей безграничны. Но предпринимателю нужно получить максимальную прибыль. Поэтому даже въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ всякихъ продуктовъ населеніемъ потребляется недостаточно, предприниматели ищутъ рынка за предѣлами страны и въ Китаѣ, и въ Персіи, и въ Турціи. При такихъ „наклонностяхъ“ промышленнаго капитала, ему, какъ и торговому капиталу, всегда тѣсно, всегда есть стремленіе захватить больше. Такимъ образомъ промышленный капиталъ еще усиливаетъ стремленія торговаго капитала къ расширенію эксплуатируемой территоріи.

На ряду съ этими стремленіями капитала, благодаря обезземеленію массы населенія развитіемъ капитализма, у крестьянства развивается потребность къ территоріальному расширенію. Мечтая о „землицѣ“, крестьянство смотритъ на завоеванія, какъ на средство избавиться отъ безземелья и малоземелья. Эти иллюзіи въ большей или меньшей степени даютъ силу завоевательнымъ стремленіямъ правящихъ классовъ. Весьма вѣроятно, что и въ настоящей войнѣ аннексіонистскіе планы германскихъ аграріевъ, какъ и аграріевъ другихъ странъ, покоятся на самообманѣ крестьянъ. Такъ какъ во всѣ предшествовавшія эпохи войны являлись почти единственнымъ средствомъ территоріальнаго расширенія разорившагося земледѣльческаго населенія, то естественно, что такое значеніе войнъ въ глазахъ крестьянъ сохранилось и теперь.

Такимъ образомъ, въ эпоху промышленнаго имперіализма развивается максимальное стремленіе къ расширенію и захвату территорій. Только рабочій классъ, поскольку онъ не увлекается временными интересами момента, относится болѣе или менѣе пассивно къ завоевательнымъ стремленіямъ правящихъ классовъ.

Мы замѣтили, что уже въ періодъ торговаго имперіализма, когда нельзя силой открыть новый рынокъ, вступаютъ въ силу мирныя торговыя соглашенія между независимыми другъ отъ друга странами. Развитіе промышленнаго имперіализма усиливаетъ эту тенденцію къ расширенію торговыхъ договоровъ, такъ какъ все большее и большее значеніе въ товарообмѣнѣ занимаетъ обмѣнъ между крупными, а значитъ и сильными странами, которыя не поддаются завоеванію.

Отношеніе торговаго и промышленнаго капитала къ странамъ, съ которыми силою „завязаны" торговыя отношенія, совершенно различное. Торговый капиталъ стремится, по возможности, вывезти все, что съ его точки зрѣнія является цѣннымъ въ странѣ, внося въ нее полное опустошеніе и давая взамѣнъ ничтожныя цѣнности, безразлично, производятся ли онѣ въ метрополіи или въ другой странѣ. Его роль посредническая. Въ Сибири торговецъ эксплуатируетъ, разоряетъ и доводитъ до вырожденія туземцевъ съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ это дѣлаетъ въ Африкѣ торговецъ-англичанинъ, нѣмецъ или японецъ.

Но въ періодъ торговаго имперіализма отношенія метрополіи къ колоніямъ опредѣлялись только торговымъ капиталомъ, между тѣмъ какъ промышленный имперіализмъ, предоставляя поле дѣятельности торговцамъ-хищникамъ, стремится обезпечить правильный сбытъ своихъ издѣлій и получить сырье для своего производства. Поэтому промышленный имперіализмъ уничтожаетъ въ отсталыхъ странахъ только тѣ отрасли промышленности, которыя конкурировали съ капиталистическимъ производствомъ, и содѣйствуетъ производству сырья въ отсталой странѣ для вывоза.

Промышленный капиталъ Англіи убилъ ткацкую промышленность въ Индіи, убилъ промышленность Ирландіи и вмѣстѣ съ тѣмъ побудилъ ихъ въ обмѣнъ на свои издѣлія вывозить сырье. Отношенія между отсталыми странами и странами промышленными создаются такія же, какія внутри страны создаются между городомъ и деревней.

IV

Если бы капитализмъ остановился на стадіи промышленнаго имперіализма, то мы имѣли бы такую картину развитія, какую рисуютъ въ большинствѣ случаевъ экономисты, основывающіе свой анализъ на изученіи современнаго промышленнаго имперіализма: т.-е. промышленная страна являлась бы постояннымъ поставщикомъ предметовъ обрабатывающей промышленности для отсталыхъ странъ, а послѣднія—постояннымъ поставщикомъ сырья. Но эпоха промышленнаго имперіализма является лишь переходной эпохой къ финансовому имперіализму, развитіе котораго можно отнести во Франціи и Англіи къ началу текущаго столѣтія. Въ другихъ странахъ появляются лишь зачатки финансоваго имперіализма.

Уже въ эпоху торговаго имперіализма и, въ особенности съ развитіемъ промышленнаго капитала, является тенденція къ перенесенію капиталовъ въ отсталыя страны для организаціи тамъ производства. Это перенесеніе капитала дѣлается или непосредственно или путемъ кредитованія отсталыхъ странъ.

Только въ началѣ текущаго столѣтія во Франціи и Англіи вывозъ капиталовъ въ другія страны достигъ такихъ размѣровъ, что иностранныя эмиссіи стали превышать эмиссіи мѣстныя. Общая сумма эмиссій за послѣднія два пятилѣтія во Франціи и Англіи въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ въ среднемъ за годъ была слѣдующей:

Въ Англіи въ 1900—1905 гг. мѣстныхъ по 72 милл. ф. с., иностр. по 64 милл. ф. с. Всего 136 м. ф. с.

Въ 1906—1912 гг. мѣстныхъ по 39 милл. ф. с., иностран. по 152 милл. ф. с. Всего 191 м. ф. с.

Во Франціи аналогичныя цифры были слѣдующія:

1900—1905 гг. мѣстныхъ по 29 милл. ф. с., иностр. по 87 милл. ф. с. Всего 116 м. ф. с.

Въ 1906—1912 гг. мѣстныхъ по 46 милл. ф. с., иностр. по 131 милл. ф. с. Всего 177 м. ф. с.

Изъ приведенныхъ цифръ мы видимъ, что съ начала текущаго столѣтія все большая и большая доля національнаго капитала, финансовый капиталъ перемѣщается изъ Англіи и Франціи въ другія страны. Пока въ настоящее время онъ еще не является настолько могучей силой даже во Франціи и Англіи, чтобы измѣнить международныя отношенія; тѣмъ не менѣе нарождающійся финансовый имперіализмъ уже теперь вліяетъ на международную политику этихъ странъ.

Главнѣйшее отличіе финансоваго имперіализма отъ промышленнаго заключается въ томъ, что первый стремится къ развитію промышленности въ другихъ странахъ, часто конкурирующихъ съ промышленностью метрополіи, если капиталъ вывозится для производства. Или онъ стремится развить производительныя силы отсталой страны косвеннымъ путемъ, если онъ вывозится для полученія изъ нея процентовъ на вывезенный ссудный капиталъ. Ибо кредитованіе другихъ государствъ, въ концѣ концовъ, приводитъ къ развитію въ нихъ промышленности. Кромѣ того, для уплаты процентовъ необходимо развитіе производительныхъ силъ страны, а не ея банкротство.

Такимъ образомъ, отношеніе финансоваго и промышленнаго капитала къ другимъ странамъ по существу прямо противоположное, хотя и тотъ и другой капиталъ стремятся одинаково эксплуатировать эти страны: промышленный капиталъ метрополіи заинтересованъ въ вывозѣ сырья изъ отсталыхъ странъ и въ ослабленіи въ нихъ промышленности, если эта промышленность конкурируетъ съ метрополіей. Финансовый капиталъ, вывезенный въ другія страны, не имѣетъ отечества,—его отечество тамъ, гдѣ выше прибыль, а прибыль тѣсно связана съ экономическимъ развитіемъ той страны, куда онъ ввезенъ. Промышленный капиталъ заинтересованъ въ пониженіи пошлинъ той страны, куда вывозятся товары, и въ повышеніи пошлинъ своей страны. Капиталъ, вывезенный въ другую страну, обратно, заинтересованъ въ повышеніи пошлинъ этой другой страны, чтобы тамъ получать болѣе высокую прибыль, и мало заинтересованъ въ повышеніи пошлинъ въ своей метрополіи.

Мы намѣтили въ главныхъ чертахъ основные моменты развитія имперіализма. На этомъ общемъ фонѣ создаются различныя комбинаціи соціальныхъ силъ, которыя опредѣляютъ какъ внѣшнія, международныя отношенія, такъ и отношенія внутри капиталистическаго общества на каждой стадіи его развитія. Но было бы ошибочно ожидать, что каждая стадія развитія капитализма ведетъ къ прямо противоположнымъ тенденціямъ. Финансовый капиталъ можетъ быть тѣсно связанъ съ промышленнымъ и торговымъ капиталомъ. Комбинація общественныхъ силъ, опредѣляющая развитіе капиталистическаго общества, является равнодѣйствующей стремленій различныхъ общественныхъ группъ, однихъ—тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, другихъ—борющихся другъ съ другомъ на почвѣ противоположныхъ интересовъ. Къ анализу этихъ общественныхъ силъ мы и перейдемъ.

V

При анализѣ общественной жизни, въ какую бы схему мы ни пытались ее втиснуть, ея содержаніе всегда сложнѣе и шире принятыхъ нами рамокъ. Поэтому приходится крайне осторожно относиться къ тѣмъ обобщеніямъ, которыя вытекаютъ изъ нашихъ наблюденій общественнаго развитія.

Наиболѣе распространенное теперь мнѣніе, основанное, несомнѣнно, на фактахъ, на наблюденіи общественнаго развитія, сводится къ тому, что современный милитаризмъ является результатомъ развитія имперіализма, какъ послѣдней стадіи капиталистическаго развитія. Это настолько твердо установившееся мнѣніе, что чуть не каждый, пишущій объ имперіализмѣ, кстати и не кстати его повторяетъ.

Мы ничуть не думаемъ это мнѣніе опровергать, такъ какъ въ общей и неопредѣленной формулировкѣ оно правильно. Но попытаемся посмотрѣть, при какихъ условіяхъ происходитъ максимальное развитіе имперіализма.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія страной съ наиболѣе развитымъ милитаризмомъ, несомнѣнно, была Россія. Только въ послѣдней четверти XIX столѣтія на первое мѣсто въ качествѣ милитарной страны выдвигается Германія. Но ни та, ни другая страна не могли и не могутъ считаться самыми передовыми капиталистическими странами. Правда, теперь Германія по размѣрамъ производства шагнула далеко впередъ и стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ Англіей и Соединенными Штатами, но все-таки не впереди ихъ; а между тѣмъ милитаризмъ въ ней началъ интенсивно развиваться значительно раньше, чѣмъ страна встала въ первые ряды капиталистическихъ странъ. Съ другой стороны, Англія, стоявшая и теперь стоящая впереди всѣхъ другихъ странъ на пути капиталистическаго развитія, только во время и только на время текущей войны перешла къ воинской повинности. Соединенные Штаты, гдѣ развитіе капитализма происходитъ съ необычайной интенсивностью, гдѣ концентрація капиталовъ и производства достигла колоссальныхъ размѣровъ, до сихъ поръ имѣютъ ничтожную армію.

Въ чемъ же дѣло? Повидимому факты находятся въ коренномъ противорѣчіи съ общепринятымъ положеніемъ. Это противорѣчіе покажется еще ярче, если принять во вниманіе, что во Франціи, въ началѣ текущаго столѣтія, была введена двухлѣтняя военная служба.

и, только подъ вліяніемъ колоссальныхъ новыхъ ассигновокъ на армію въ Германіи, во Франціи снова была введена трехлѣтняя служба. Т.-е. французскій милитаризмъ началъ было ослабѣвать, но, подъ угрозой развитія милитаризма въ сосѣдней странѣ, онъ снова усиливается.

Очевидно для расцвѣта милитаризма не только необходимо развитіе капитализма, но опредѣленная комбинація соціальныхъ силъ, которыя взвинчиваютъ милитарное напряженіе страны до наивысшихъ размѣровъ. Развитіе капитализма даетъ необходимыя матеріальныя условія для роста милитаризма, но степень его агрессивности и напряженія находится въ зависимости отъ соотношенія силъ внутри страны.

Если мы сопоставимъ внутреннія соціально политическія отношенія въ перечисленныхъ нами странахъ, то легко замѣтимъ разницу между странами съ наивысшимъ милитарнымъ напряженіемъ и странами, которыя вынуждены слѣдовать за милитарными странами, чтобы не оставаться позади въ общей погонѣ за вооруженіемъ.

Чѣмъ менѣе демократична страна, тѣмъ большую роль въ ней играетъ земельное дворянство, тѣмъ больше,—при прочихъ равныхъ условіяхъ,—развивается въ ней агрессивный милитаризмъ.

Только экономическое безсиліе мѣшаетъ политически отсталымъ странамъ сдѣлаться наиболѣе агрессивными и быть постоянной угрозой международному миру. Поэтому, въ извѣстной степени, правы тѣ, кто въ развитіи агрессивнаго милитаризма Германіи обвиняетъ германское дворянство (юнкерство), которое, какъ и въ другихъ странахъ, является наиболѣе агрессивнымъ и имѣетъ наибольшія экономическія и политическія возможности добиваться своихъ цѣлей.

Несомнѣнно, европейское общество приводится въ заблужденіе тѣми, кто утверждаетъ, что уничтоженіе германскаго милитаризма поведетъ къ уничтоженію вообще милитаризма: въ каждой странѣ имѣются свои общественные элементы, которые заинтересованны въ его развитіи; несомнѣнно также, что развитіе капитализма является благопріятной почвой для развитія милитаризма и послѣдній окончательно можетъ исчезнуть только съ измѣненіемъ всего современнаго соціальнаго строя. Тѣмъ не менѣе пока существуетъ капиталистическій строй, развитіе имперіализма и милитаризма принимаетъ тотъ или другой характеръ въ зависимости отъ борьбы соціальныхъ силъ въ рамкахъ капиталистическаго строя, и формула, о которой мы начали говорить, является въ значительной степени безплодной для

опредѣленія линіи поведенія демократіи въ борьбѣ съ милитаризмомъ.

Аналогичную формулу можно привести изъ явленій другого порядка. Развитіе эксплуатаціи наемнаго труда тѣсно связано съ развитіемъ капитализма и можетъ исчезнуть только съ нимъ. Однако борьба за улучшеніе положенія наемнаго труда, борьба противъ усиленной эксплуатаціи происходитъ все время въ рамкахъ капиталистическаго строя. Плохую услугу рабочему классу оказываютъ тѣ, кто утверждаетъ, что ему не нужно добиваться улучшенія своего положенія, что это дѣло безнадежное, потому-де, что уничтоженіе эксплуатаціи возможно только съ уничтоженіемъ капитализма.

Точно также въ области политической жизни существовавшее до настоящаго времени и предстоящее въ ближайшемъ будущемъ соотношеніе общественныхъ силъ не можетъ повести къ коренному измѣненію роли государства. Но благодаря комбинированію общественныхъ силъ происходило и происходитъ во всѣхъ странахъ измѣненіе политическихъ отношеній въ сторону ихъ демократизаціи.

И опять-таки плохую услугу оказываютъ общественному движенію тѣ, кто и въ этой области ставитъ дилемму: или все, или ничего. Такъ какъ всего получить въ ближайшее время нельзя, то максимализмъ можетъ лишь помѣшать той эволюціи, которая происходитъ на почвѣ существующихъ отношеній.

Едва ли нужно доказывать, что не только въ сферѣ внутреннихъ политическихъ и соціальныхъ отношеній, но въ области международныхъ отношеній и, въ частности, въ развитіи милитаризма играетъ первостепенное значеніе соотношеніе силъ внутри каждаго государства.

VI

Политика имперіализма и политика напряженнаго милитаризма, даже въ Германіи, несомнѣнно, находится въ противорѣчіи съ интересами не только одного рабочаго класса, но и большинства населенія, такъ какъ этому большинству приходится нести на своихъ плечахъ тягости военщины и военныхъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе даже въ наиболѣе демократическихъ странахъ, гдѣ милитаризмъ слабѣе, населеніе не можетъ его совершенно устранить, такъ же какъ и уничтожить завоевательныя тенденціи узкихъ, но экономически и политически наиболѣе сильныхъ круговъ населенія.

Это происходитъ не только потому, что вопросъ о вооруженіяхъ можетъ быть рѣшенъ только въ международныхъ рамкахъ, но и потому, что широкіе круги демократіи недостаточно еще организованы, представляютъ еще недостаточную политическую силу, чтобы взять на себя руководящую роль во внѣшней и внутренней политикѣ. Очевидно также, что наиболѣе демократическія страны стоятъ ближе къ этой ближайшей цѣли современныхъ демократій, развивающихся въ рамкахъ капиталистическаго строя. Исторія не знаетъ чудесныхъ скачковъ и только россійскіе утописты иногда, увлекаясь, надѣются, что мы, не въ примѣръ Зап. Европѣ, сумѣемъ дѣлать скачки, какихъ не дѣлали европейцы.

Такимъ образомъ съ развитіемъ капитализма развивается и величайшее противорѣчіе: растутъ соціальныя силы, противодѣйствующія развитію милитаризма, и вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ матеріальныя силы, на которыя милитаризмъ опирается. Это противорѣчіе прежде всего разрѣшается въ пользу милитаризма и имперіализма.

Въ своей первой статьѣ я уже указывалъ, что развитіе промышленнаго имперіализма наиболѣе благопріятствуетъ агрессивной политикѣ господствующихъ классовъ, потому что почти всѣ ихъ группы заинтересованы въ ней.

Этой политикѣ благопріятствуетъ и то обстоятельство, что какъ промышленники, такъ и аграріи прежде всѣхъ остальныхъ группъ населенія организуются и, стоя близко у власти, играютъ руководящую роль во внѣшней и внутренней политикѣ. Конечно, и на слѣдующей стадіи развитія во Франціи и въ Англіи широкіе слои населенія не имѣютъ непосредственнаго вліянія на международную политику, но посредственно, черезъ парламенты, они могутъ оказывать большое давленіе на политику своего правительства.

Кромѣ того, даже на политику группъ, заинтересованныхъ въ имперіализмѣ, оказываетъ огромное вліяніе степень демократизаціи общественнаго строя, и въ особенности, система налогового обложенія, которая измѣняется вмѣстѣ съ демократизаціей страны и съ процессомъ накопленія капитала.

Когда косвенное обложеніе широкихъ народныхъ массъ смѣняется прямымъ обложеніемъ рентныхъ доходовъ, когда все большее и большее мѣсто въ государственныхъ налогахъ занимаетъ подоходный налогъ и когда, слѣдовательно, тяжесть милитаризма и имперіализма падаетъ на господствующіе классы, тогда они не такъ склонны вести агрессивную политику, потому что ея финансовая тяжесть

ложится непосредственно и на ихъ доходы. Имперіалисты типа прусскихъ юнкеровъ ради войны готовы жертвовать имуществомъ, женами и дѣтьми..... своихъ согражданъ и, по мѣрѣ силъ, наживаться отъ войны, но ничуть не склонны жертвовать своимъ имуществомъ. Поэтому теперь лучшимъ лѣкарствомъ отъ имперіалистическаго угара является не только демократизація общественныхъ отношеній, но и измѣненіе системы налогового обложенія.

И то и другое измѣненіе общественныхъ отношеній зависитъ, конечно, отъ соотношенія общественныхъ силъ.

На современной стадіи общественнаго развитія въ Западной Европѣ силами одного даже организованнаго пролетаріата, безъ участія другихъ демократическихъ элементовъ общества, эти измѣненія невозможны, такъ какъ только рѣшенія абсолютнаго большинства населенія въ парламентарныхъ странахъ имѣютъ основаніе измѣнить и налоговую систему и направленіе внутренней и внѣшней политики. Въ эту сторону и происходитъ движеніе Западной Европы. Надо ожидать, что тяжелые уроки войны заставятъ тамъ демократію болѣе энергично двигаться въ томъ же направленіи, уничтоживши самовластіе агрессивныхъ общественныхъ элементовъ.

Въ обычномъ мирномъ процессѣ капиталистическаго развитія отъ него больше всего страдаютъ пролетаріатъ и буржуазная демократія. Послѣдняя всегда склонна бороться съ тѣми или другими симптомами этого развитія, а не съ самыми его основами. Война лишь обострила тѣ процессы и тѣ противорѣчія, которыя менѣе интенсивно развиваются въ мирное время. Естественно ожидать, что агрессивный имперіализмъ и милитаризмъ, какъ наиболѣе яркіе симптомы современнаго экономическаго строя, побудятъ въ Западной Европѣ и рабочій классъ и буржуазную демократію внимательнѣе отнестись къ этимъ сторонамъ общественной жизни и общими усиліями, по мѣрѣ силъ, ихъ обезвредить.

VII

Въ Западной Европѣ и даже у насъ въ Россіи, по мѣрѣ развитія капитализма, въ общественной жизни соціальные вопросы, отношенія труда и капитала занимаютъ все большее и большее мѣсто.

Въ области этихъ вопросовъ и капиталистическая буржуазія и землевладѣльцы являются союзниками и соратниками противъ при-

тязаній труда, а средняя буржуазія индифферентна къ этой борьбѣ. Естественно, что среди представителей рабочаго класса, главное вниманіе котораго сосредоточивается на отношеніяхъ труда и капитала, занимаетъ прочное мѣсто мнѣніе, что вообще буржуазія и аграріи представляютъ сплошную реакціонную массу, которая не только борется противъ соціальнаго законодательства и улучшенія положенія труда, но и противъ улучшенія государственнаго механизма, даже поскольку послѣднее необходимо для развитія производительныхъ силъ.

Хотя политическое развитіе въ послѣднія десятилѣтія Австріи, Англіи и др. странъ явно противорѣчитъ этому мнѣнію, потому что силами одного рабочаго класса не могло бы быть сломлено сопротивленіе господствующихъ классовъ дальнѣйшей демократизаціи страны, хотя каждому ясно, что не только режимъ Наполеона III, но и буланжизмъ во Франціи теперь немыслимъ, тѣмъ не менѣе, указанное нами мнѣніе довольно широко распространено и въ Западной Европѣ (главнымъ образомъ во Франціи) и въ Россіи. Это мнѣніе, отчасти, поддерживается и тѣмъ, что теперь иниціатива и давленіе въ области дальнѣйшаго государственнаго строительства принадлежитъ рабочему классу и демократическія реформы, поскольку онѣ проводятся въ западно-европейскихъ государствахъ, обязаны своимъ появленіемъ главнымъ образомъ ему.

Но это еще не даетъ основаній отвергать опирающійся на историческій анализъ выводъ Маркса, что буржуазія въ борьбѣ *за развертываніе капиталистическаго развитія* противъ отживающихъ формъ является прогрессивной.

Въ частности, въ борьбѣ противъ агрессивнаго имперіализма и милитаризма часть буржуазіи сыграетъ еще очень важную роль.

Сейчасъ, когда общественныя силы и общественныя настроенія находятся всецѣло подъ вліяніемъ войны, когда подъ знакомъ „обороны“ скрываются и милитарныя и антимилитарныя силы, трудно опредѣлить тѣ соціальные слои, у которыхъ послѣ войны появится Katzenjammer, отвращеніе къ такому рѣшенію международныхъ споровъ.

Тѣмъ не менѣе и теперь весьма многое можно учесть. Можно, прежде всего, учесть то перераспредѣленіе національнаго дохода и связанное съ нимъ измѣненіе финансоваго хозяйства страны, которое заставитъ индифферентные слои буржуазіи выступать, если не противъ принципа имперіализма и милитаризма, то противъ ихъ разви-

тія. Разумѣется и такое выступленіе возможно подъ давленіемъ болѣе заинтересованныхъ въ этомъ слоевъ демократіи. Но для насъ важно выяснить, будутъ ли у послѣдней на этомъ пути союзники.

Пока финансовая тягость вооруженій въ мирное время оплачивается косвенными налогами, пока во время войны ея расходы покрываются займами, дающими владѣльцамъ денежнаго капитала регулярную ренту изъ національнаго дохода, пока размѣщеніе этихъ займовъ даетъ банкамъ колоссальные барыши, всѣми экономически сильными общественными группами ощущается не финансовая тягость войны, а тяжесть кармановъ и необыкновенная, связанная съ этимъ, душевная легкость: благодушное отношеніе къ колоссальнымъ барышамъ предпринимателей, поставщиковъ, подрядчиковъ и т. д., черпающихъ полной мѣрой изъ чудесно открывшихся источниковъ „національнаго богатства“. Экономисты глубокомысленно начинаютъ рѣшать вопросъ, насколько обогатилась страна во время войны, считать, какая сумма оказалась въ карманахъ у мужика изъ выпущенныхъ государствомъ бумажныхъ денегъ и насколько отъ этого его благосостояніе увеличится и т. д., и т. д.

Но это легкое настроеніе, побуждающее всѣ воюющія страны къ агресивности, неизбѣжно должно смѣниться мирными и даже минорными настроеніями въ періодъ ликвидаціи военнаго напряженія. Ибо, сколько бы ни говорили патентованные экономисты объ обогащеніи, но уничтоженныя войной богатства не могутъ никакими комбинаціями возродиться, прибыли банковъ отъ реализаціи займовъ прекратятся, а передъ государственной властью встанетъ проблема покрытія процентовъ по займамъ. Такъ какъ косвенные налоги почти во всѣхъ воюющихъ странахъ уже достигли крайняго напряженія, такъ какъ оставшіяся матеріальныя богатства страны за періодъ войны еще болѣе концентрируются въ узкихъ финансовыхъ и промышленныхъ кругахъ, то неизбѣжно вопросы милитаризма и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ странахъ ликвидаціи войны поставятъ вопросъ объ обложеніи накопленныхъ капиталовъ. Это въ значительной степени должно охладить агресивныя и милитарныя настроенія даже у нѣкоторыхъ слоевъ крупной буржуазіи. Только крупное землевладѣніе и металлургическая промышленность останутся всегда съ настроеніемъ именинниковъ, такъ какъ милитаризмъ для этихъ группъ всегда выгоденъ.

Мы остановились на нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ войны не для

того, чтобы заниматься предсказаніями, а чтобы показать, что неправильно было бы опредѣлять соотношеніе общественныхъ силъ въ вопросѣ объ имперіализмѣ и милитаризмѣ по настроеніямъ даннаго или предыдущихъ моментовъ; что неправильно смѣшивать въ одну кучу аграріевъ, всѣ группы промышленной и финансовой буржуазіи и на этомъ смѣшеніи строить свои выводы.

Разумѣется, не только нѣкоторые круги крупной буржуазіи, но и широкіе слои демократіи въ Западной Европѣ въ своей борьбѣ противъ милитаризма и „крайностей" имперіализма не пойдутъ далеко по одному пути съ крайней демократіей. Но вопросы объ ограниченіи вооруженій, контроля надъ дипломатіей и перестройки милитаризма въ сторону милиціоннаго, оборонческаго вооруженія, какъ проектируется въ программѣ minimum, вѣроятно, будутъ поставлены на очередь. Т.-е. будутъ поставлены вопросы о дальнѣйшей демократизаціи европейскихъ странъ. Какъ и въ другихъ вопросахъ внутренней политики, либеральная буржуазія лишь подъ давленіемъ болѣе демократическихъ слоевъ и только методами компромиссовъ можетъ дѣлать нѣкоторые шаги въ указанномъ направленіи.

Экономическая проблема войны еще не рѣшена теоретической экономіей. Эта проблема заключается въ слѣдующемъ. Въ мирное время, за исключеніемъ той доли, которую потребляютъ служащіе и рабочіе, остальная часть національнаго капитала остается въ рукахъ предпринимателей и торговцевъ и частью потребляется ими, частью накопляется.

Происходитъ накопленіе въ рукахъ частныхъ капиталистовъ.

Во время войны потребленіе трудящихся классовъ, призванныхъ на войну, увеличивается, накоплявшійся раньше капиталъ разстрѣливается; не только пріостанавливается накопленіе національнаго капитала, но происходитъ его сокращеніе, т.-е. обратный процессъ. Очевидно, нѣкоторые слои собственниковъ настолько теряютъ свой прежній доходъ и часть своего капитала, что процессъ накопленія останавливается и капиталъ сокращается. Съ другой стороны, несомнѣнно, что другіе слои именно на почвѣ войны обогащаются. Такъ какъ потребленіе трудящихся классовъ, поскольку они призваны на войну, расширяется (питаніе и одежда солдатъ, въ общемъ, лучше, чѣмъ питаніе и одежда крестьянъ), то является вопросъ, какимъ образомъ распредѣляется національный

доходъ во время войны? Какія группы собственниковъ теряютъ не только часть своего дохода, но и часть своего капитала? Для кого война, милитаризмъ и имперіализмъ являются убыточными?

Въ задачу нашей статьи не входитъ анализъ процесса перераспредѣленія національнаго дохода подъ вліяніемъ милитаризма и войны. Здѣсь мы можемъ лишь констатировать, что нѣкоторые слои капиталистической буржуазіи теряютъ отъ войны и милитаризма не только часть своего дохода, но и часть капитала, что неправильно предположеніе, будто вся буржуазія заинтересована въ милитаризмѣ и имперіализмѣ.

Потери демократическихъ слоевъ населенія, получающихъ за свою работу опредѣленное жалованье, не трудно вскрыть: они проявляются слишкомъ чувствительно и замѣтно.

Въ виду того, что количество матеріальныхъ богатствъ — товаровъ—сокращается, цѣна ихъ повышается и падаетъ покупательная сила денегъ: на ту же сумму жалованья можно купить уже меньшее количество товаровъ, чѣмъ прежде.

Поэтому слои населенія, не имѣющіе собственности, уже во время войны начинаютъ чувствовать ея тяжесть.

Въ иномъ положеніи находятся владѣльцы денежныхъ капиталовъ, денежные рантье. Облигаціи, бумаги государственныхъ займовъ и всякія другія денежныя обязательства не измѣняются въ цѣнѣ и кажется, будто владѣльцы денежнаго капитала ничего не теряютъ. Напротивъ, владѣльцамъ различныхъ товаровъ, реализующихъ эти товары по болѣе повышеннымъ цѣнамъ, чѣмъ покупная цѣна, кажется, что они богатѣютъ и, реализуя свои денежные капиталы въ рентныя бумаги, обезпечиваютъ себя большой рентой. Но денежная рента, какъ и жалованье, будучи фиксированной, обладаетъ все меньшей и меньшей покупательной силой.

Въ концѣ-концовъ и самые капиталы, реализованные въ рентныя бумаги, обладаютъ меньшей покупательной силой. Капиталъ въ тысячу рублей, при повышеніи цѣны товаровъ вдвое, обладаетъ покупательной силой въ 500 рублей.

Заимодавецъ теряетъ изъ своихъ денежныхъ капиталовъ часть, пропорціональную повышенію цѣнъ на товары.

По мѣрѣ сокращенія національнаго матеріальнаго богатства, эти богатства въ рукахъ ихъ собственниковъ превращаются въ деньги. Капиталисты, которые имѣютъ запасы ситцевъ, суконъ, сапогъ, скота, хлѣба и т. д., реализуютъ ихъ постепенно въ деньги. Мыслимо такое

положеніе, что всѣ товары превращены въ деньги, ничего не осталось, кромѣ золота. Если бы такое положеніе создалось въ міровомъ хозяйствѣ, то всѣ, кромѣ владѣльцевъ недвижимой собственности, превратились бы въ нищихъ.

Въ дѣйствительности только часть товаровъ исчезаетъ; ихъ владѣльцы несутъ частичныя потери, поскольку цѣны на товары повысились. Эти потери обнаружатся уже послѣ войны. Сокращеніе матеріальныхъ богатствъ происходитъ въ извѣстной послѣдовательности. Сокращается количество прéдметовъ непосредственнаго потребленія. Постепенно сокращаются и орудія производства. Напротивъ, недвижимая собственность — зданія и земля — остаются; благодаря этому въ общей оцѣнкѣ національнаго богатства доля владѣльцевъ этой собственности увеличится, пропорціонально сокращенію количества другихъ цѣнностей. Происходитъ процессъ обратный тому, который происходилъ въ предыдущій періодъ накопленія товаровъ и средствъ производства. Такимъ образомъ потери отъ войны происходятъ въ слѣдующей послѣдовательности: теряютъ группы населенія, получающія фиксированный денежный доходъ, и группы населенія, обладающія денежнымъ капиталомъ. Наконецъ, теряютъ группы, реализовавшія товары въ денежный капиталъ и не реализовавшія его немедленно снова въ товаръ. Это обычно мелкіе торговцы, не имѣющіе большихъ запасовъ товаровъ, вынужденные прекратить торговлю вслѣдствіе ихъ недостатка.

Благодаря такимъ послѣдствіямъ сокращенія національнаго богатства, благодаря необходимости покрытія колоссальныхъ государственныхъ расходовъ, по всей Европѣ долженъ обостриться вопросъ о системѣ налогового обложенія.

Изъ уменьшенной суммы національнаго дохода придется выплачивать колоссальныя суммы государственнаго долга при сократившемся реальномъ доходѣ городскихъ слоевъ населенія. Эта проблема неизбѣжно выдвигаетъ вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ расходованіи, при данныхъ экономическихъ отношеніяхъ, государственнаго дохода, о контролѣ надъ его расходованіемъ, о системѣ обложенія и т. д. и т. д.

Пока продожается война, указанные нами вопросы не выдвигаются во всемъ своемъ объемѣ и остротѣ. Но не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть ихъ огромное значеніе въ ближайшемъ будущемъ въ общественной жизни европейскихъ странъ, предвидѣть, что въ борьбѣ матеріальныхъ интересовъ создастся новая комбинація

общественныхъ силъ, отъ которой будетъ зависѣть дальнѣйшее развитіе европейскаго общества. Эта борьба возникнетъ и на почвѣ таможенной и колоніальной политики, къ анализу которой мы и перейдемъ.

VIII

Классовый характеръ современнаго общества создаетъ цѣлый рядъ непримиримыхъ противорѣчій, которыя лежатъ въ основѣ общественнаго развитія и не устранимы изъ него, пока производство базируется на наемномъ трудѣ. Поэтому общественное развитіе не происходитъ ровно и гладко, а совершается толчками и скачками то впередъ, то назадъ, то съ длительными остановками, то съ судорожными движеніями, принимающими, какъ въ настоящее время, характеръ міровой катастрофы. Противорѣчія интересовъ, и базирующая на нихъ борьба общественныхъ силъ въ различные моменты создаетъ различную ихъ комбинацію, различный „паралеллограммъ силъ“, въ результатѣ дѣйствія которыхъ и создается или движеніе впередъ, или остановка, когда равныя силы тянутъ въ противоположныя стороны.

Одной изъ основныхъ тенденцій современнаго общественнаго развитія является всестороннее развитіе международныхъ отношеній, международной связи, которая, начавшись съ экономики, съ товарнаго обмѣна, проникаетъ во всѣ стороны современной жизни. Международное сближеніе начинаетъ захватывать область литературы, искусства, идей и даже языка, выражаясь въ ознакомленіи все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ населенія съ жизнью, нравами, литературой и языкомъ другихъ народовъ.

И на ряду съ этимъ движеніемъ происходитъ, какъ будто, усиленіе противоположныхъ тенденцій. Различныя культурно отсталыя національности, которымъ, повидимому, грозило поглощеніе ихъ другими, болѣе культурными или сильными, начинаютъ проявлять признаки не только культурнаго возрожденія, но и нѣкотораго культурнаго „сепаратизма“. На ряду съ развитіемъ международнаго товарообмѣна, все выше и выше воздвигались стѣны таможенныхъ пошлинъ, мѣшавшихъ экономическому сближенію народовъ, все острѣе и острѣе выдвигалась тенденція не только отгородиться отъ конкурирующихъ странъ, но и уничтожить или ослабить конкурента, тенденція, приведшая міръ къ современной войнѣ.

Всѣ эти противорѣчія настолько тягостны, что неизбѣжно возбуждаютъ желанія, а послѣднія въ свою очередь родятъ надежду немедленно и сразу однимъ толчкомъ устранить противорѣчія и сразу расчистить путь для дальнѣйшаго общественнаго развитія...

До войны, поставившей остро вопросъ о международной торговой политикѣ, этотъ вопросъ всегда рѣшался въ національныхъ рамкахъ и не ставился интернаціонально, ставился такъ, какъ ставились вопросы внутренней политики. Демократія каждой страны, исходя изъ своихъ интересовъ и не считаясь съ интересами другихъ странъ, защищала ту или другую практическую таможенную политику, а часто даже разсматривала вопросъ о таможенной политикѣ, какъ дѣло ей чуждое, какъ споръ и борьбу двухъ „буржуазныхъ“ партій — фритредеровъ и протекціонистовъ, борьбу, которая мало касается подлинной демократіи, преслѣдующей иныя цѣли, иныя соціальныя отношенія.

Теперь во время войны, захватившей въ свои желѣзныя объятія демократію не только воюющихъ, но и нейтральныхъ странъ, когда стало ясно, что военный пожаръ вспыхнулъ благодаря главнымъ образомъ международной торговой „имперіалистической“ политики, эта политика неизбѣжно встанетъ въ центрѣ вниманія демократіи, и встанетъ именно въ томъ международномъ масштабѣ, въ какомъ его выдвинула война, а не только въ узко-національномъ, какъ онъ трактовался раньше. Ибо у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, говорящихъ за то, что послѣ войны международныя отношенія, отношенія между государствами будутъ покоиться на другихъ началахъ, принципіально отличныхъ отъ началъ, существовавшихъ до войны, что послѣ заключенія мира между „культурными“ народами міра изъ-за таможенной политики, изъ-за колоніальныхъ захватовъ, изъ-за стремленія насильно навязать товары, продукты своего капиталистическаго производства, снова не вспыхнетъ еще болѣе жестокая и безпощадная война, толкающая народы къ давно изжитымъ періодамъ варварства...

Демократіи европейскихъ странъ прежде всего предстоитъ выяснить, какимъ путемъ и насколько устранимы препятствія, главнымъ образомъ, въ видѣ таможенныхъ пошлинъ и колоніальной политики, которыя особенно сильно мѣшаютъ развитію международнаго сближенія; придется посмотрѣть на условія, которыя создавали и создаютъ международныя перегородки, и опредѣлить, какое значеніе они имѣютъ, чтобы избѣжать той ошибки, въ которую впало руково-

дящее большинство германской соціалдемократіи, поставившее въ условія будущаго мирнаго дововора, т.-е. цѣлью войны, регулированіе таможенныхъ отношеній въ интересахъ Германіи. Потому что, кромѣ „интересовъ германскаго народа“, имѣются интересы и другихъ народовъ, съ которыми слѣдуетъ считаться, а таможенные договоры, заключенные при помощи оружія, являются плохимъ средствомъ „сближенія“ народовъ.

* * *

Развитіе промышленности началось въ различныхъ странахъ неодновременно и неодинаково. Производство организовалось въ формѣ частныхъ капиталистическихъ предпріятій. Благодаря этому процессъ промышленнаго развитія происходилъ и происходитъ съ огромной безполезной потерей производительныхъ силъ, незамѣчаемой населеніемъ только потому, что оно привыкло къ сложившимся соціальнымъ отношеніямъ и считаетъ ихъ нормальными. Даже экономическая наука теперь не отмѣчаетъ тѣхъ колоссальныхъ потерь, которыя терпитъ міровое хозяйство при сложившихся условіяхъ производства, считая ихъ нормальными и необходимыми.

Первой на путь капиталистическаго промышленнаго развитія выступила Англія. И съ первыхъ же шаговъ крупная промышленность Англіи должна была установить болѣе прочную, чѣмъ раньше, экономическую связь съ другими странами, доставляя туда свои издѣлія въ обмѣнъ за сырье.

Мелкая промышленность другихъ, болѣе отсталыхъ, странъ не могла конкурировать съ капиталистической промышленностью Англіи и, естественно, создалось „раздѣленіе труда“, при которомъ другія страны доставляли въ Англію сырье, а получали взамѣнъ фабрикаты. Это положеніе представлялось нормальнымъ, такъ какъ отсталая страна получала дешевые фабрикаты, а Англія получала дешевое сырье. Повидимому, обѣ обмѣнивающіяся стороны выигрывали отъ такого обмѣна и экономическая наука усердно проповѣдывала свободу торговли, какъ наиболѣе раціональную политику международнаго обмѣна.

Однако, если посмотрѣть на сложившіяся такимъ образомъ хозяйственныя отношенія съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ мірового хозяйства, то легко увидѣть колосальныя непроизводительныя затраты труда и капитала при такой организаціи производства.

Напримѣръ, изъ Россіи вывозилось, главнымъ образомъ въ Германію, на 40 милліоновъ рублей сырыхъ кожъ. Эти кожи обрабатывались за границей и привозились обратно въ обработанномъ видѣ на сумму около 100 милліоновъ рублей. Милліоны пудовъ продукта везутся за тысячи верстъ, переходятъ черезъ цѣлый рядъ посредниковъ, поглощаютъ огромное количество перевозочныхъ силъ и средствъ для того, чтобы, послѣ обработки на фабрикѣ, отправиться въ путешествіе обратно въ Россію, снова пройти черезъ рядъ посредниковъ, снова проглотить на перевозку огромное количество перевозочныхъ силъ и средствъ.

Эти затраты труда и капитала на путешествіе товара сначала въ одну сторону, а потомъ обратно являются, съ точки зрѣнія цѣлесообразности хозяйственной дѣятельности, совершенно непроизводительными и лишними, но тѣмъ не менѣе дѣлаются и кажутся выгодными и той странѣ, откуда вывозится сырье, и той странѣ, гдѣ оно обрабатывается.

„Выгода" страны, обрабатывающей сырье, очевидна. Получаютъ заработокъ рабочіе по перевозкѣ и обработкѣ сырья, получаютъ прибыли фабриканты и заводчики и, ввезя на 40 милліоновъ сырья, страна вывозитъ уже на 100 милліоновъ издѣлій. Количество занятыхъ въ странѣ рабочихъ увеличилось, прибылъ на капиталы растетъ и т. д. Съ другой стороны, вывозящая сырье страна получаетъ въ обмѣнъ дешевые фабрикаты, которые дома стоятъ дороже. Получается нелѣпый выводъ: благодаря непроизводительной затратѣ труда и средствъ на перевозку продуктовъ впередъ и назадъ получается экономическая выгода для обѣихъ обмѣнивающихся странъ.

Съ точки зрѣнія частнохозяйственной, такія путешествія товаровъ, хотя бы нѣсколько разъ въ одну сторону и обратно, производительны и выгодны, если они даютъ предпринимателю прибыль, а рабочему заработокъ.

Но представимъ себѣ, что въ приведенномъ нами случаѣ техническія условія проивводства совершенно одинаковы и въ Россіи и въ Германіи. Очевидно, путешествіе кожъ изъ Россіи въ Германію и обратно явится безсмысленнымъ и убыточнымъ. Значитъ, путешествіе товаровъ въ данномъ случаѣ происходитъ лишь благодаря тому, что техническія условія въ двухъ различныхъ странахъ неодинаковы, благодаря тому, что капиталъ на производство затрачивается въ той странѣ, гдѣ мало сырья, а не затрачивается тамъ, гдѣ имѣется сырье. Очевидно также, что какъ только организуется пе-

реработка сырья на мѣстѣ, непроизводительные огромные размѣры труда на перевозку продуктовъ должны сократиться.

Если принять во вниманіе, что подъ вліяніемъ конкуренціи капиталистическаго производства промышленной страны мелкая отсталая промышленность другихъ странъ погибала, при чемъ эта гибель принимала иногда, какъ было въ Индіи, катастрофическій характеръ и несла голодную смерть въ ряды рабочихъ, то нужно признать, что „свобода торговли", которую проповѣдывали англійскіе экономисты, не несла благоденствія въ страны, которыя ею пользовались.

Такъ какъ отсталыя, но независимыя страны скептически относились къ той „свободѣ", которую несли съ собой торговцы капиталистическихъ странъ, то для обезпеченія этой свободы приходилось прибѣгать къ оружію. Почти во всѣхъ азіатскихъ странахъ двери для европейскихъ товаровъ открывались и открываются силою оружія и „свобода" ввоза въ эти страны поддерживается пушками.

Разумѣется, въ культурныхъ странахъ, по отношенію къ которымъ нельзя было прибѣгать къ аргументамъ пушекъ, вопросы о свободѣ торговли рѣшались также не теоретическими аргументами сторонниковъ свободы торговли или протекціонизма, а интересами различныхъ группъ населенія, побуждавшими ихъ защищать ту или другую политику.

Уже изъ приведенныхъ нами соображеній видно, какую мѣру легкомыслія и, выражаясь мягко, неосвѣдомленности проявилъ, напр. Н. Сухановъ, отождествляя протестъ противъ „свободы" торговли, принесенной въ отсталую страну на концѣ штыковъ, съ протекціонизмомъ, или тѣ „марксисты", которые считаютъ свободу торговли „пролетарскимъ требованіемъ" при всякихъ условіяхъ и во всякое время!

Если свобода торговли не несетъ благоденствія экономически отсталымъ странамъ, принося туда разрушеніе неокрѣпшей промышленности, то, съ другой стороны, протекціонизмъ, который возникаетъ подъ предлогомъ „защиты отечественной промышленности", дѣлается не меньшимъ бѣдствіемъ для „покровительствуемаго" населенія.

Объ отрицательныхъ сторонахъ протекціонизма достаточно много писалось и достаточно напомнить лишь объ основныхъ чертахъ таможенной политики.

Подъ предлогомъ защиты туземной промышленности отъ разрушительнаго вліянія конкуренціи промышленности болѣе развитыхъ

странъ, таможенныя пошлины вводятся, обыкновенно, временно, пока не „окрѣпнетъ“ та или другая отрасль промышленности. Но въ процессѣ ея развитія руководящіе промышленные круги пріобрѣтаютъ такое экономическое и политическое вліяніе, что, вмѣсто пониженія таможенныхъ пошлинъ по мѣрѣ укрѣпленія промышленности, они повышаются и ложатся все большей и большей тяжестью на туземныхъ потребителей. При этомъ таможенное покровительство или ведетъ къ застою „окрѣпшей“ отрасли производства, избавленной отъ конкуренціи промышленности другихъ странъ, или къ картеллированію и синдицированію предпріятій съ цѣлью устраненія внутренней конкуренціи и вздутія цѣнъ и къ выбрасыванію по дешевымъ цѣнамъ на внѣшній рынокъ остатка продуктовъ, не проданныхъ внутри страны по повышеннымъ цѣнамъ.

Протекціонизмъ дѣлается орудіемъ эксплуатаціи потребителей ничуть не въ интересахъ развитія производительныхъ силъ страны, а въ интересахъ повышенія нормы прибыли предпринимателей.

Исторія таможенной политики Россіи и Германіи можетъ послужить достаточной иллюстраціей изложенныхъ выше положеній.

Послѣ освобожденія крестьянъ начала быстро развиваться иностранная торговля Россіи благодаря тому, что прежнія запретительныя пошлины были замѣнены умѣренными. Но уже съ 1877 года пошлины рѣзко повышаются, при чемъ онѣ устанавливаются и на сырье и на полуфабрикаты, служащіе матеріаломъ для обрабатывающей промышленности. Разумѣется, такое обложеніе въ интересахъ фиска задерживало развитіе товарообмѣна съ за границей и мѣшало промышленному развитію страны (обложеніе сырья!), заставляя въ то же время потребителей переплачивать за издѣлія огромныя суммы и сокращая внутренній рынокъ.

Несмотря на дальнѣйшее развитіе русской промышленности, въ 1891 году общій таможенный тарифъ въ Россіи снова повышается. Послѣ таможенной войны съ Германіей 1892—4 годовъ и соглашенія на льготномъ тарифѣ таможенныя пошлины и въ Россіи и въ Германіи продолжали повышаться. Несмотря на это, товарообмѣнъ между обѣими странами изъ года въ годъ увеличивался.

Таможенныя стѣны не могли остановить развитія международной торговли, но населеніе Россіи должно было платить огромныя дани промышленникамъ за вздутыя цѣны, а въ Германіи платить и промышленникамъ и аграріямъ вслѣдствіе повышенія тарифа на продукты сельскаго хозяйства.

Развитіе промышленности и въ Россіи и въ Германіи не сопровождалось пониженіемъ таможенныхъ пошлинъ, которое вытекало изъ ихъ яко бы „покровительственнаго“ характера туземной отсталой промышленности, а, напротивъ, сопровождалось ихъ повышеніемъ. Въ настоящее время промышленные круги во всѣхъ странахъ требуютъ продолженія такой политики и даже въ Англіи, классической странѣ свободной торговли, все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса въ пользу протекціонизма. Острая конкуренція на міровомъ рынкѣ, благодаря развитію капитализма во многихъ странахъ, вызываетъ стремленіе къ отграниченію всѣхъ областей, находящихся въ сферѣ вліянія даннаго государства, отъ капитализма другихъ конкурирующихъ странъ.

Во время войны естественное стремленіе населенія каждой страны къ оборонѣ отъ насилія промышленники и связанные съ ними круги стремятся использовать въ своихъ интересахъ, чтобы и послѣ заключенія мира продолжить „экономическую войну“, воздвигнуть еще болѣе высокія таможенныя стѣны и затормозить международную торговлю. И если наши отечественные промышленники недовольны парижской экономической конференціей, то только потому, что боятся конкуренціи англійскаго капитала, боятся благопріятнаго тарифа для англійскихъ товаровъ, а не бойкота Германіи. Они предпочитаютъ высокіе таможенные тарифы *и* для германскихъ, *и* для французскихъ, *и* для англійскихъ товаровъ...

Такими же стремленіями и аппетитами руководятся промышленные круги и другихъ воюющихъ и нейтральныхъ странъ. Разница заключается лишь въ силѣ противодѣйствія этимъ стремленіямъ и аппетитамъ внутри каждой страны со стороны тѣхъ слоевъ населенія, которые заинтересованы въ этомъ вопросѣ не только, какъ потребители, но и какъ граждане, страдающіе отъ международныхъ отношеній, созданныхъ борьбой за рынки.

Такимъ образомъ развитіе промышленности само по себѣ не гарантируетъ того, что „воспитательныя“ пошлины сами собой изживутся и будутъ не нужны предпринимателямъ. Напротивъ, „аппетитъ (промышленниковъ) приходитъ съ ѣдой“. Но вмѣстѣ съ „ѣдой“ увеличивается и количество общественныхъ силъ, которыя страдаютъ отъ такого рода „ѣды“. Военныя событія въ особенности усилятъ вниманіе общества къ международной таможенной политикѣ и обострятъ борьбу вокругъ этого вопроса.

Чѣмъ больше эксплуатируется потребитель, тѣмъ больше (отно-

сительно) сокращается внутренній рынокъ и расширяется производство. Уже на раннихъ стадіяхъ развитія капитализма послѣдній ищетъ внѣшнихъ рынковъ, чтобы тамъ найти новыхъ потребителей и, по возможности, монополизировать торговлю на этихъ рынкахъ. По мѣрѣ развитія капитализма въ различныхъ странахъ, это стремленіе пріобрѣсти свои рынки, свои колоніи, въ связи съ усиленіемъ конкуренціи на нейтральныхъ рынкахъ, дѣлаетъ капиталистическія государства все болѣе и болѣе агрессивными, ведетъ къ усиленію вооруженій, къ милитаризму и, наконецъ, привело къ современной войнѣ. При этомъ стремленіе къ полученію болѣе высокой прибыли на внѣшнихъ рынкахъ, къ захвату этихъ рынковъ появляется уже тогда, когда промышленность еще недостаточно сильна для того, чтобы бороться съ иностранной конкуренціей даже на своемъ внутреннемъ рынкѣ.

Въ Россіи промышленность еще не настолько окрѣпла, чтобы даже на внутреннемъ рынкѣ могла конкурировать съ промышленностью Германіи, и русскіе предприниматели постоянно жалуются на иностранное „засилье", хотя защищаются почти запретительными пошлинами, падающими невыносимою тяжестью на потребителей. И тѣмъ не менѣе русскіе предприниматели, такъ же какъ и предприниматели болѣе развитыхъ капиталистическихъ странъ, ищутъ внѣшнихъ рынковъ для своихъ издѣлій, ищутъ „расширенія сферы вліянія" за предѣлами своей страны.

Какъ я уже указывалъ, агрессивную роль въ этомъ направленіи играетъ промышленный капиталъ, въ особенности представители металлургической промышленности, но и предприниматели другихъ отраслей расширеніе рынка за предѣлами страны предпочитаютъ углубленію его дома. При бездорожьѣ въ предѣлахъ Россіи проектируются и строятся дороги въ сосѣднихъ, болѣе отсталыхъ, государствахъ. При неудовлетворенной потребности значительной части населенія въ мануфактурѣ предприниматели ищутъ для нея рынка въ Персіи, Турціи и т. д. Поэтому правящіе круги даже экономически отсталыхъ странъ стремятся расширить „сферу вліянія" и, отгораживаясь пошлинами отъ другихъ странъ, болѣе передовыхъ, территоріально увеличить свой рынокъ.

При такихъ тенденціяхъ руководящихъ промышленностью круговъ неизбѣжны стремленія къ захватамъ, которые проявлялись и до войны, а во время войны сдѣлались цѣлью имперіалистскихъ круговъ каждой воюющей страны.

Такимъ образомъ окрѣпшая, благодаря покровительственнымъ пошлинамъ, промышленность, опираясь на защиту государства, сама дѣлается угрозой для сосѣднихъ странъ. Такъ какъ въ наиболѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ пайщиками и участниками являются наиболѣе вліятельныя въ правящихъ кругахъ лица, такъ какъ благодаря „объединительной“ дѣятельности банковаго капитала финансовые и промышленные круги являются тѣсно связанными и съ аграріями, то милитаризмъ оказывается тѣсно связаннымъ съ протекціонизмомъ и съ колоніальной захватной политикой, въ которой интересы собственнаго кармана отождествляются съ патріотизмомъ. Въ статьяхъ М. Павловича, печатавшихся въ „Сѣверныхъ Запискахъ“, американскомъ „Die Zukuft“ и др., приводятся интересныя данныя о томъ, какъ металлургическая и въ особенности военная индустрія прямо заинтересована въ раздуваніи военнаго пожара. Напомнимъ разоблаченія Либкнехта относительно заводовъ Круппа, сдѣланныя до войны. Если пайщиками пушечныхъ заводовъ Круппа являются Вильгельмъ II, болгарскій царь Фердинандъ и греческій король Константинъ, то можно представить себѣ, какія опасности грозятъ міру отъ защиты интересовъ такого рода предпріятій, какъ пушечные заводы. А вѣдь мы далеко не знаемъ всего, и только случайныя разоблаченія вскрываютъ подоплеку международныхъ отношеній. Болгарскій народъ проливаетъ теперь кровь для повышенія акцій, принадлежащихъ Фердинанду, потому что международныя отношенія регулируются лицами, ничего общаго не имѣющими съ этимъ народомъ и имъ не уполномоченными. И тѣ, кто теперь обвиняетъ цѣлый народъ въ „измѣнѣ“, сдѣлали ли хоть что-нибудь для того, чтобы народы не были орудіемъ отдѣльныхъ лицъ или группъ хищниковъ?

Оборона противъ агрессивнаго имперіализма другихъ странъ, опирающагося на оружіе, неизбѣжно требуетъ обороны и противъ агрессивной таможенной и имперіалистской политики внутри страны. Потому что, если нужно бороться противъ нападенія А на Б, то нужно бороться и противъ нападенія Б на А, на С и т. д.

Если въ странѣ А взвинчиваніе таможенныхъ пошлинъ, захватъ новыхъ „сферъ вліянія“ грозятъ международному миру и задерживаютъ міровое развитіе общества, то такъ же дѣйствуютъ эти мѣропріятія и въ странѣ Б. Поэтому даже ослабленіе силъ, мѣшающихъ общей тенденціи мірового развитія общества, мѣшающихъ тенденціи международнаго сближенія, можетъ происходить только

при параллельномъ дѣйствіи въ двухъ направленіяхъ: въ усиленіи значенія демократіи внутри каждой страны и, уже на этой почвѣ, регулированіи международныхъ отношеній и соглашеній для устраненія причинъ, вызывающихъ и питающихъ международные конфликты. Ибо, смѣшно говорить объ устраненіи путемъ международнаго соглашенія конфликтовъ, или ослабленія вооруженій, если вступающія въ соглашеніе группы заинтересованы, напримѣръ, въ сохраненіи работавшихъ до войны пушечныхъ и оружейныхъ заводовъ, или въ взвинчиваніи таможенныхъ пошлинъ, въ захватѣ новыхъ „сферъ вліянія" и т. д. и т. д. Надежды, что такого соглашенія добьются дипломаты, являлись бы столь же утопичными, какъ и надежды силами одного пролетаріата немедленно перестроить все современное общество.

Попытки предпринимателей регулировать, дѣлить между собою міровой рынокъ, съ одной стороны, организація синдикатовъ, охватывающихъ почти все міровое производство—съ другой, показываютъ, что имперіализмъ, объединяющій одну промышленную страну со странами, находящимися въ болѣе тѣсной съ нею связи, или союзъ государствъ, въ видѣ проектируемаго среднеевропейскаго или антигерманскаго, являются уже тѣсными для наиболѣе крупнаго капитала въ современной стадіи хозяйственнаго развитія. Капиталъ, въ особенности финансовый капиталъ, не можетъ быть уже замкнутъ не только въ національныя государственныя рамки, но и въ рамки частнаго союза государствъ. Финансовый капиталъ проникаетъ и акклиматизируется тамъ, гдѣ ему выгодно, слѣдовательно, за предѣлами отдѣльныхъ государствъ или ихъ союзовъ. Даже часть промышленнаго капитала не можетъ довольствоваться ограниченными рамками; хотя подавляющая часть промышленниковъ еще держится за національныя перегородки и укрѣпляетъ ихъ, разсчитывая на внутренній рынокъ, но развитіе хозяйства идетъ въ направленіи расширенія хозяйственныхъ связей за предѣлы государствъ и ихъ союзовъ. Для того, чтобы использовать въ своихъ интересахъ и таможенныя пошлины и міровой рынокъ, крупный капиталъ, до настоящаго времени эксплуатируя туземнаго потребителя въ національныхъ рамкахъ съ помощью таможенныхъ пошлинъ, пытался полюбовно подѣлить міровой рынокъ путемъ частныхъ соглашеній между самыми крупными промышленными организаціями. Если международная торговля не будетъ, хотя бы частично, регулироваться международными соглашеніями черезъ народное представительство,

она будетъ регулироваться группами предпринимателей. Но, при настоящихъ условіяхъ, и народное представительство въ большинствѣ государствъ является представительствомъ аграріевъ и промышленниковъ.

Итакъ, на почвѣ капиталистическаго развитія вырастаетъ, съ одной стороны, организованная эксплуатація промышленнымъ капиталомъ населенія путемъ таможенной политики, взвинчиванія таможенныхъ пошлинъ, которыя изъ орудія защиты промышленности превращаются въ орудіе нападенія на потребителя; съ другой стороны, таможенная и колоніальная политика являются тѣмъ основаніемъ, на почвѣ котораго вырастаетъ борьба изъ-за рынковъ, милитаризмъ и, наконецъ, война.

Въ началѣ этой статьи мы указывали, что въ современномъ, общественномъ развитіи проявляются двѣ противоположныя тенденціи: съ одной стороны, развитіе и укрѣпленіе международныхъ связей, съ другой стороны, воздвиганіе и укрѣпленіе таможенныхъ стѣнъ между государствами.

Едва ли кто-либо будетъ оспаривать положеніе, что развитіе и укрѣпленіе международныхъ экономическихъ связей и отношеній явленіе болѣе прочное и, такъ сказать, стихійное, которое лишь задерживается тѣмъ, что во главѣ промышленности стоятъ группы частныхъ предпринимателей, преслѣдующихъ свои цѣли наживы и пользующихся до настоящаго времени огромнымъ вліяніемъ какъ въ политической жизни внутри каждой страны, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ.

Передъ демократіей европейскихъ странъ такимъ образомъ стоитъ двойная задача: регулировать таможенную политику внутри каждой страны, поскольку эта политика ложится тяжелымъ бременемъ на потребителей и, въ конечномъ счетѣ, мѣшаетъ промышленному развитію страны; вторая задача,—регулировать международныя отношенія такимъ образомъ, чтобы безотвѣтственныя группы не могли снова вызвать конфликтовъ, подобныхъ современной войнѣ.

Мы не разъ уже указывали, что корни всѣхъ противорѣчій современности лежатъ въ условіяхъ капиталистическаго строя. Но устранить и замѣнить его другимъ пока демократія не въ силахъ. Она даже не могла собственными силами ослабить ту тяжесть, которая ложится на всѣхъ потребителей организованной эксплуатаціей картеллей и синдикатовъ, хотя отъ этого страдаютъ всѣ слои населенія, какъ потребители.

Очевидно, при современныхъ условіяхъ обѣ указанныя нами задачи могутъ быть рѣшены только въ союзѣ съ другими заинтересованными въ этомъ слоями населенія, которое эмпирически прихо-

дитъ къ выводу, что политическое хозяйничанье магнатовъ капитала внутри страны и вліяніе ихъ на международныя отношенія должно быть устранено.

Путь къ этому указанъ самими „королями" промышленности, устраивавшими явные и тайные международные съѣзды для раздѣла между собою міроваго рынка. Такимъ образомъ капитализмъ нѣкоторыми своими сторонами пришелъ къ своему логическому концу. Нѣкоторыя отрасли промышленности (желѣзнодорожное дѣло, металлургія и проч.) достигли такой степени концентраціи, что регулированіе міроваго производства международныхъ торговыхъ отношеній и вооруженія находится въ рукахъ нѣсколькихъ шефовъ промышленности, захватившихъ функціи государства. Очевидно, эти функціи (регулированіе международной торговли, проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ тѣхъ или другихъ странахъ) должны быть переданы народному представительству; очевидно, что международное регулированіе нѣкоторыхъ отраслей производства и торговли должно происходить не явными и тайными съѣздами промышленниковъ и финансистовъ, а представителями заинтересованныхъ народовъ.

Но если до сихъ поръ частныя, никѣмъ не уполномоченныя, лица рѣшали такіе вопросы, то исключительно потому, что государственная власть европейскихъ государствъ не только допускала и не мѣшала, но содѣйствовала этому, такъ какъ демократія не была настолько вліятельной, чтобы регулировать международныя отношенія.

Мы снова подходимъ къ той проблемѣ, на которую указывали въ предыдущихъ статьяхъ: демократизація европейскихъ государствъ и регулированіе международной торговли и нѣкоторыхъ отраслей промышленности является первымъ шагомъ по пути устраненія международныхъ конфликтовъ.

Такимъ образомъ вопросъ о таможенной политикѣ демократіей поставится совершенно не въ той плоскости, въ какой онъ ставится фритредерами и протекціонистами, но и не такъ, какъ онъ ставился раньше соціалистами, или откладывавшими этотъ вопросъ до полной ликвидаціи капиталистическихъ отношеній, или рѣшавшихъ его въ узкихъ національныхъ рамкахъ для своего государства, не считаясь съ интересами и желаніями демократіи другихъ государствъ.

Между тѣмъ вопросъ о таможенной политикѣ есть вопросъ о международныхъ отношеніяхъ и можетъ быть поставленъ только въ международномъ масштабѣ. Только послѣ выработки опредѣленныхъ нормъ, установленныхъ такимъ путемъ, таможенная политика, защи-

щаемая демократіей той или другой страны, не встанетъ въ конфликтъ съ политикой демократіи другихъ странъ, только при этомъ условіи въ вопросахъ торговой политики демократіи отдѣльныхъ странъ не будетъ итти на поводу той или другой національной группы промышленниковъ или землевладѣльцевъ, преслѣдующихъ свои цѣли, не имѣющія ничего общаго съ международными задачами демократіи. Разумѣется. указанный нами путь болѣе труденъ, чѣмъ тотъ, которымъ шла раньше международная демократія, отмахивавшаяся отъ этого вопроса, труденъ, прежде всего потому, что самый вопросъ совершенно не разработанъ и не освѣщенъ.

До войны вопросы торговой политики международной демократіей даже и не ставились. Между тѣмъ какъ предприниматели устраивали международныя совѣщанія для дѣлежа мірового рынка, между тѣмъ какъ Круппы и Шнейдеры снабжали оружіемъ враждебныя страны, проявляя необычайное „безпристрастіе“, демократія ограничивалась деклараціями о недопустимости войны. Это, конечно, не столько ея вина, сколько бѣда, вызванная безсиліемъ, отсутствіемъ поддержки со стороны широкихъ слоевъ населенія. Урокъ войны, повидимому, привлечетъ вниманіе населенія европейскихъ странъ къ этому вопросу и онъ будетъ поставленъ въ первую очередь, по крайней мѣрѣ, на обсужденіе. Общественная мысль (если говорить о широкихъ слояхъ населенія) слишкомъ мало подготовлена къ рѣшенію этихъ вопросовъ. Но война ихъ поставила.

Въ Англіи очень популярна идея сравнять съ землей заводы Круппа. Идея эта логически приводитъ къ тому, что не только такой же участи пришлось бы подвергнуть и англійскіе заводы Армстронга, Виккерса и др., но и устранить, поскольку теперь же возможно, главнѣйшія причины конфликтовъ. Европейская болѣе трезвая мысль не можетъ откладывать рѣшенія такихъ вопросовъ до „слушнаго часа“, когда всѣ хозяйственныя отношенія могутъ быть построены на иныхъ началахъ. Въ иностранномъ обозрѣнія 3 № „Дѣла“ излагается резолюція англійскихъ трэдъ-юніоновъ. Резолюція требуетъ національзаціи желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, заводовъ военнаго снаряженія—первыхъ шаговъ, которые дали бы возможность Англіи приступить къ международнымъ соглашеніямъ не только по вопросу о вооруженіяхъ, но и по вопросу о таможенной и колоніальной политикѣ и проч. Будутъ ли готовы къ этому другія страны,—зависитъ отъ тѣхъ внутреннихъ отношеній, которыя въ нихъ создадутся послѣ войны.

НЕИЗБѢЖЕНЪ ЛИ ИМПЕРІАЛИЗМЪ?

Разрѣшить противорѣчіе между объективнымъ процессомъ общественнаго развитія и субъективными стремленіями и идеалами тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ или классовъ составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ общественной мысли.

Этимъ противорѣчіемъ общественная мысль болѣла всегда, во всѣ времена, съ тѣхъ поръ, какъ она стала ставить себѣ разрѣшеніе тѣхъ или другихъ общественныхъ проблемъ.

Въ Россіи наиболѣе рѣзко указанное нами противорѣчіе проявилось въ 90-хъ годахъ, когда выяснилась неизбѣжность развитія капитализма, противорѣчившая и субъективнымъ настроеніямъ господствовавшаго тогда народническаго теченія и намѣченному народниками пути соціально-политическаго развитія.

Тогда народничеству приходилось утѣшаться тѣмъ, что капитализмъ въ Россіи „искусственно насажденъ“ правящими классами, что онъ не имѣетъ корней въ народной жизни и можетъ быть устраненъ энергичными дѣйствіями и энергичной агитаціей небольшой группы соціалистовъ. Въ капитализмѣ видѣли только его разрушительную роль по отношенію къ мелкому хозяйству, общинѣ, кустарямъ и проч. и не видѣли творческой роли новой организаціи труда и организаціи трудовыхъ элементовъ общества.

Марксизмъ въ то время сыгралъ огромную роль, устранивши противорѣчіе между объективнымъ процессомъ и субъективными стремленіями соціалистовъ. Его заслуга тогда была особенно велика въ томъ отношеніи, что онъ сумѣлъ удержаться отъ противоположной крайности, къ которой могла привести неудачная формула П. Б. Струве „пойдемъ на выучку къ капитализму“. Марксизмъ не преклонился передъ признаніемъ неизбѣжности капитализма, не ликвидировалъ субъективныхъ стремленій и идеаловъ общественнаго строительства, въ виду непреложности развитія капитализма, — не

поставилъ своей задачей: содѣйствовать капитализму въ его „работѣ накопленія“, а ставилъ свои задачи, опираясь на соціальныя противорѣчія, которыя создаетъ капитализмъ, совмѣщая борьбу съ его отрицательными сторонами съ борьбою за „конечную цѣль“.

Въ настоящее время война особенно остро поставила вопросъ о противорѣчіяхъ объективнаго процесса общественнаго развитія и субъективныхъ цѣлей и идеаловъ.

Современной войной капитализмъ показалъ свою наиболѣе ужасную сторону, — возможность при опредѣленномъ соотношеніи общественныхъ силъ, при создавшейся коньюнктурѣ разрушить всѣ положительныя цѣнности, которыя онъ создалъ, остановить развитіе производительныхъ силъ, разрушить тѣ международныя связи, которыя укрѣплялись благодаря развитію мірового хозяйства, уничтожить матеріальныя и духовныя цѣнности, которыя накоплялись вѣками.

Эта внезапно разразившаяся гроза снова поставила въ международномъ масштабѣ тотъ вопросъ, который такъ горячо обсуждался въ Россіи въ девяностыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Въ настоящее время снова, какъ когда-то—народниками, субъективныя стремленія и идеалы противопоставляются объективнымъ тенденціямъ развитія капитализма, въ которомъ находятся только разрушительныя тенденціи.

Съ другой стороны, въ Германіи правое крыло рабочей партіи готово итти „на выучку къ капитализму“ и безропотно принять всѣ отрицательныя стороны, которыя принесъ капитализмъ обществу въ этой войнѣ.

Характерно при этомъ, что духъ сектантской исключительности и самоувѣренности, который позволилъ небольшой группѣ идеалистовъ народниковъ опираться исключительно на свои субъективныя положенія и, не имѣя поддержки въ массахъ, разсчитывать перевернуть весь соціальный строй, потому что существующій строй и его развитіе не соотвѣтствовали идеаламъ данной группы, сохранился до настоящаго времени въ той же наивной и, иногда, курьезной формѣ.

Хотя разразившійся кризисъ принялъ международный характеръ, но махровые цвѣты сектантской исключительности произрастаютъ, конечно, въ Россіи. Образцомъ такого рода настроеній являются статьи въ „Лѣтописи“, принявшей на себя нелегкую задачу „очистить“ рабочее движеніе отъ зародившейся въ немъ скверны. Напр.

В. Базаровъ „констатируетъ“, что „въ моментъ катастрофы психологическими гегемонами всего (рабочаго) движенія въ цѣломъ становятся попутчики. Въ ихъ рукахъ оказывается инициатива... Небольшія группы „ортодоксовъ“, сохранившихъ вѣрность (Гм!) старому знамени, обнаруживаютъ на первыхъ порахъ полную растерянность“. (Лѣтопись, № 1, 1917 г.).

Это забавное превращеніе всего интернаціональнаго рабочаго движенія въ попутчиковъ В. Базарову характеризуетъ то умонастроеніе, которое проявляется у кружковъ, субъективное настроеніе которыхъ находится въ полномъ противорѣчіи съ объективной дѣйствительностью.

Элементарное, а потому и стихійное чувство національнаго самосохраненія, которое присуще массамъ и здоровое развитіе котораго неизбѣжно должно привести къ самоопредѣленію національностей и къ побѣдѣ демократическихъ принциповъ, чувство, которое при капитализмѣ проникло въ толпу народныхъ массъ и должно освободить ихъ отъ положенія слѣпого оружія въ рукахъ хищническихъ элементовъ общества, не соотвѣтствуетъ тѣмъ планамъ, которые начертаны въ головѣ В. Базарова и другихъ сектантовъ.

Можно было бы прійти въ отчаяніе, если бы „лѣтописное“ освѣщеніе дѣйствительности было правильно. Послѣ 50 лѣтъ европейскаго рабочаго движенія оно оказалось въ плѣну у „попутчиковъ“, а капитализмъ въ настоящее время несетъ только разрушительную миссію и творческіе его элементы уже исчерпаны. Гдѣ же выходъ? Весь міръ оказался въ такомъ положеніе, какое рисовалось народниками въ 80—90 годахъ. Міръ развивается неправильно и его спасутъ только „небольшія группы ортодоксовъ“ типа В. Базарова.

Но, „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“!

Намъ думается, что положеніе не такъ безнадежно, какъ рисуютъ новые субъективисты; намъ кажется, что охарактеризованный нами субъективизмъ является лишь признакомъ растерянности передъ неожиданными грозными событіями, что современные Іереміи типа В. Базарова, обличающіе пролетаріатъ въ подчиненіи буржуазной идеологіи, существуютъ уже со временъ Бакунина и новаго ничего не прибавили...

* * *

Мнѣ уже приходилось указывать на то, что война захватила европейскую демократію врасплохъ, совершенно не подготовленной

(„см. брошюру „Война и демократія"). Эта неподготовленность привела значительную часть демократіи къ противоположнымъ скороспѣлымъ выводамъ и рѣшеніямъ, одинаково вреднымъ прежде всего для самой демократіи.

Благодаря тому, что Германія въ этой войнѣ явилась агрессивной стороной, стороной нападающей, тамъ ошибочность и противорѣчивость этихъ выводовъ и рѣшеній проявились ярче, чѣмъ въ другихъ воюющихъ странахъ.

Германія дѣйствительно затѣяла войну въ имперіалистскихъ цѣляхъ, въ цѣляхъ расширенія своего эконономическаго вліянія путемъ оружія, такъ какъ тамъ правящіе классы находили, что Германіи мало мѣста „подъ солнцемъ" и нужно это мѣсто расширить.

И крайнее правое и крайнее лѣвое крыло германской демократіи не только приняли этотъ лозунгъ всерьезъ, но сдѣлали скороспѣлое обобщеніе, что современная „имперіалистическая" стадія капитализма вездѣ во всѣхъ странахъ требуетъ агресивной политики, дальнѣйшаго развитія милитаризма, превращенія національныхъ государствъ въ крупныя сверхнаціональныя „имперіалистическія" государства, поглощающія мелкія, что эта тенденція современнаго капитализма неодолима, такъ какъ объединяетъ всѣ слои буржуазіи, что капитализмъ безъ завоеваній не можетъ и существовать. Эти скороспѣлыя обобщенія, сдѣланныя въ Германіи во время войны крайнимъ правымъ и крайнимъ лѣвымъ крыломъ германской соціалъ-демократіи, привели къ двумъ противоположнымъ практическимъ выводамъ.

Правое крыло, исходя отъ неизбѣжности развитія капитализма въ указанномъ направленіи и не находя общество подготовленнымъ къ замѣнѣ капиталистическаго строя другимъ, соціалистическимъ строемъ, основанномъ на другихъ началахъ, дѣлаетъ логическій выводъ, что если капитализмъ не можетъ развиваться иначе, чѣмъ въ имперіалистической формѣ, если для его развитія необходимы колоніи, завоеванія, милитаризмъ и проч., то нужно все это поддерживать.

Крайнее лѣвое крыло, исходя изъ тѣхъ же скороспѣлыхъ обобщеній, дѣлаетъ другіе практическіе выводы: такъ какъ капитализмъ не можетъ развиваться иначе, чѣмъ въ „имперіалистической" формѣ, въ формѣ сверхнаціональныхъ государствъ, подавляющихъ болѣе слабыя государства и національности, необходимъ немедленный переходъ къ другому соціальному строю. При этомъ главное внима-

ніе въ аргументаціи обращается не на доказательство наличности условій, необходимыхъ для такого перехода, а на доказательство того, что для развитія капитализма нѣтъ иного пути, кромѣ того, какой ими начертанъ главнымъ образомъ на основаніи наблюденія соціальнаго строя Германіи.

Развитіе Германіи происходило такимъ путемъ, соотношеніе въ ней соціальныхъ силъ благодаря объединенію промышленниковъ, финансистовъ и аграріевъ было таково, что агрессивныя задачи могли быть поставлены безъ серьезнаго сопротивленія какого-либо изъ правящихъ классовъ. Это положеніе неизбѣжно должно было отразиться на идеологіи и германской демократіи, которая, будучи численно очень сильной, тѣмъ не менѣе не могла сколько-нибудь рѣшительно вліять на правительственную политику и находить въ буржуазной средѣ элементы, которые противостояли бы цѣлямъ, поставленнымъ аграріями или промышленными королями. Это обстоятельство и давало основаніе выводу о неизбѣжности агрессивнаго имперіализма.

Въ „Дѣлѣ“ достаточно много приводилось критическихъ замѣчаній къ тому прогнозу, который дѣлается какъ крайними правыми, такъ и крайними лѣвыми представителями германской соціалъ-демократіи.

При изложенныхъ нами обстоятельствахъ въ Германіи особенно труденъ анализъ и правильная оцѣнка современнаго имперіализма и тенденцій капиталистическаго развитія.

Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы можемъ отмѣтить, что ознакомившись съ работой Каутскаго *) по затронутому вопросу, недавно вышедшей и на русскомъ языкѣ, мы находимъ у него тѣ же идеи, которыя развивались и въ журналѣ „Дѣло“.

Послѣднія работы Каутскаго подкрѣпляютъ установившееся о немъ мнѣніе. Судя по предыдущимъ литературнымъ работамъ Каутскаго, его кругозоръ былъ достаточно широкъ, чтобы видѣть тенденціи развитія капитализма за предѣлами соціально-политическихъ отношеній Германіи; онъ настолько хорошо усвоилъ научный методъ марксизма, чтобы знать и понимать, что въ процессѣ общественнаго развитія развиваются противоположныя тенденціи и противоположныя силы, которыя чрезвычайно осложняютъ изученіе и пониманіе этихъ тенденцій.

---

*) Каутскій. Національное государство, изд. „Дѣло“.

Въ упомянутой нами брошюрѣ Каутскій останавливается на двухъ противоположныхъ тенденціяхъ общественнаго развитія, имѣющихъ огромное значеніе при рѣшеніи международныхъ вопросовъ.

Одна изъ этихъ тенденцій, проявившаяся вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма, это стремленіе націй къ самоопредѣленію, къ культурной, политической и экономической самостоятельности и къ демократизаціи общественнаго строя.

Другая тенденція, которую исключительно подчеркиваетъ и на которой основывается идеологія и крайняго праваго и крайняго лѣваго крыла германской соціалъ-демократіи,— это стремленіе представителей крупнаго капитала къ расширенію сферы его вліянія, къ расширенію государственной территоріи, къ расширенію зависимыхъ отъ государства странъ, гдѣ могъ бы оперировать растущій капиталъ.

И та и другая тенденціи развиваются въ рамкахъ капиталистическаго строя, присущи ему, какъ его основное противорѣчіе, какъ двѣ стороны одной и той же медали.

Въ одной сторонѣ, при однихъ условіяхъ выпячивается одна изъ этихъ сторонъ и даетъ оптимистамъ надежду, что въ рамкахъ капитализма возможно полное устраненіе противорѣчій капиталистическаго строя, что группа магнатовъ землевладѣнія и капитала добровольно отступитъ передъ демократіей. При другихъ условіяхъ, какъ теперь во время войны, сила имперіалистскихъ тенденцій, особенно въ Германіи, кажется такой неодолимой, что противоположной тенденціи, какъ будто, не существуетъ. Пробужденные войной первобытные инстинкты, вызванные внѣшней опасностью, проявились настолько сильно, что у многихъ вызываютъ опасенія полнаго одичанія европейскаго общества.

Заслугой Каутскаго въ указанной нами работѣ является то, что, анализируя сложившіяся международныя отношенія, онъ пользуется старымъ испытаннымъ методомъ марксистскаго анализа, вскрывая противорѣчивыя тенденціи въ развитіи капиталистическаго общества. И прежде всего онъ отмѣчаетъ указанныя нами противоположныя тенденціи въ національномъ вопросѣ.

Каутскій отмѣчаетъ, что „многіе соціалъ-демократы заявляютъ, что все, что мы знали до сихъ поръ, оказалось либо мишурой, либо устарѣвшимъ, что онъ не соотвѣтствуетъ болѣе существующимъ порядкамъ и что давно пора сдать это „либеральное наслѣдство“ въ „музей историческихъ рѣдкостей“. Къ этимъ отжившимъ взглядамъ отнесенъ также принципъ... „Всякій народъ имѣетъ право

на національное самоопредѣленіе". Этотъ принципъ встрѣчаетъ теперь возраженія со стороны нѣкоторыхъ товарищей".

Каутскій, конечно, не читалъ „Лѣтописи", а полемизируетъ противъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ германской рабочей партіи, гдѣ, благодаря указаннымъ нами условіямъ объединенія правящихъ классовъ, скорѣе возможно отождествленіе стремленій этихъ классовъ съ тенденціями экономическаго развитія.

Авторъ напоминаетъ, что рабочая партія унаслѣдовала отъ буржуазной демократіи стремленіе къ національному государству. „Мы, конечно, не буржуазные демократы, говоритъ Каутскій, но мы не отличаемся отъ нихъ отношеніемъ къ демократіи, какъ къ чему-то незначительному или безполезному. У пролетаріата, какъ у низшаго класса въ государствѣ, нѣтъ иныхъ путей къ достиженію себѣ правъ, какъ черезъ демократію. Но мы не раздѣляемъ иллюзій буржуазной демократіи, что демократія есть олицетвореніе всѣхъ правъ пролетаріата". „Идея демократіи и тѣсно связанная съ ней идея національнаго государства требуютъ, чтобы status quo не былъ измѣненъ безъ согласія заинтересованнаго населенія... никто такъ же рѣшительно, какъ соціалъ-демократія, не отклоняетъ права завоеваній, какъ метода измѣненія status quo".

Можно относиться различно къ стремленію націй къ самоопредѣленію, все сильнѣе и сильнѣе проявляющемуся по мѣрѣ ихъ культурнаго развитія, но игнорировать этого явленія нельзя, такъ же, какъ нельзя его уничтожить.

Нѣкоторыя группы населенія въ эгоистическихъ цѣляхъ используютъ національное чувство для угнетенія другихъ національностей; съ другой стороны, демократія стремится къ противоположному — сдѣлать пробужденіе національнаго самосознанія орудіемъ освобожденія угнетаемыхъ. Это пробужденіе, несомнѣнно, сыграло и сыграетъ еще огромную роль, несмотря на противоположныя стремленія империалистскихъ элементовъ современнаго общества. Не только въ прошломъ, но и въ настоящее время стремленіе націй къ самоопредѣленію является сильнѣйшимъ освободительнымъ орудіемъ. Колоніи Англіи, на империалистскія стремленія которой принято ссылаться, все болѣе и болѣе завоевываютъ правъ и даже несчастная Ирландія и Индія, такъ много претерпѣвшія, несомнѣнно, въ ближайшее время получатъ національную независимость именно благодаря пробужденному въ нихъ капитализмомъ національному самосознанію.

Каутскій правильно указываетъ, что Англія превращается въ Соединенные Штаты Британской имперіи, безъ элементовъ національнаго и территоріальнаго угнетенія, и что такое превращеніе, такой „имперіализмъ“ можно только привѣтствовать. Разумѣется, это не осуществленіе идеаловъ рабочаго класса, — это лишь этапъ развитія по пути демократизаціи общественнаго строя, и для „максималистовъ“ — пустяки, — но это шагъ впередъ, а не назадъ сравнительно съ положеніемъ вещей до настоящаго времени.

* * *

Въ своей книгѣ Каутскій, къ сожалѣнію, не останавливается на анализѣ тенденцій финансоваго капитала, принимая на вѣру положеніе, что финансовый капиталъ обладаетъ исключительно присущей ему тенденціей къ расширенію за предѣлы существующаго государства. Исторія колоніальной политики и колоніальныхъ войнъ въ то время, когда не было и рѣчи о „финансовомъ капиталѣ“, объ „имперіализмѣ“ и проч., могла бы съ достаточной ясностью показать, что, напротивъ, въ послѣдніе годы сильнѣе проявлялась тенденція обходить борьбу изъ-за колоній соглашеніями между колоніальными государствами. Но Каутскій справедливо указываетъ на односторонность, а слѣдовательно и неправильность выводовъ тѣхъ, кто говоритъ о неодолимости завоевательныхъ тенденцій современнаго капитализма. Они утверждаютъ, „что расширеніе государства за его современныя границы неодолимо и неизбѣжно, ибо въ противномъ-де случаѣ „дальнѣйшее экономическое развитіе, дальнѣйшее увеличеніе производительныхъ силъ невозможны болѣе“... „Крайняя правая и крайняя лѣвая нашей партіи, продолжаетъ Каутскій, въ одинъ голосъ заявляютъ, что имперіализмъ является необходимостью для современнаго способа производства. Изъ этого одни дѣлаютъ выводъ, что мы должны поддержать его. Другіе говорятъ, что, хотя при имперіалистической системѣ имперіализмъ неизбѣженъ, но такъ какъ мы его не хотимъ, то мы должны противопоставлять ему соціализмъ, т.-е. не только пропаганду его, въ которой мы уже полвѣка противопоставляемъ его всѣмъ формамъ капиталистическаго господства, а немедленное осуществленіе его“.

„Это звучитъ весьма радикально, но на практикѣ пригодно только къ тому, чтобы толкать всѣхъ, кто не вѣритъ въ немедленное практическое осуществленіе соціализма, въ лагерь имперіализма. Это вода на мельницу тѣхъ соціалистовъ, которые говорятъ:

„Мы хотимъ соціализма, но покуда мы его не имѣемъ, мы должны быть имперіалистами, ибо правовѣрный соціалистъ не долженъ сопротивляться общимъ тенденціямъ развитія“.

Каутскій недостаточно ярко и всесторонне аргументируетъ противъ современныхъ субъективистовъ, — русскій марксизмъ, въ теченіе десятилѣтія боровшійся съ такимъ же субъективизмомъ и съ той же идеологіей, болѣе всесторонне освѣщалъ этотъ вопросъ, — тѣмъ не менѣе и Каутскій съ достаточной убѣдительностью разъясняетъ противоположныя тенденціи капиталистическаго развитія и доказываетъ, что „имперіализмъ является только вопросомъ силы, а не экономической необходимости. Онъ не только не необходимъ для капиталистическаго способа производства, но неимовѣрно переоцѣнивается“.

Въ другомъ мѣстѣ (въ брошюрѣ „Экономическія причины войны“) мнѣ приходилось доказывать, что колоніальная политика задерживала развитіе капитализма въ европейскихъ странахъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, что Германія, не имѣя колоній, быстрѣе развивалась, имѣя меньше своихъ колоній, чѣмъ другія колоніальныя страны, что ея торговля съ чужими колоніями была въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ со своими, что она выигрывала, торгуя съ чужими колоніями и предоставляя расходы на ихъ управленіе ихъ метрополіямъ, что за исключеніемъ Англіи другія колоніальныя страны (Португалія, Испанія, Голландія и даже Франція) отставали въ своемъ экономическомъ развитіи.

Съ другой стороны, различныя отрасли промышленности, различныя группы буржуазіи не одинаково заинтересованы въ имперіалистской политикѣ. Въ агрессивной политикѣ заинтересована, главнымъ образомъ, тяжелая индустрія и вовсе не случайность, что Германія, гдѣ Вильгельмъ II является пайщикомъ Крупповскихъ заводовъ, вела наиболѣе агрессивную политику. Но неужели это объединеніе власти съ отраслью промышленности, руководители которой наиболѣе агрессивно настроены, является чуть ли не неодолимымъ „закономъ природы“?!

Было бы наивно ожидать, что „само самой“ всѣ международныя отношенія будутъ развиваться тамъ, какъ хотятъ „пацифисты“ или имперіалисты. Развитіе общества происходитъ какъ результатъ взаимоотношенія общественныхъ силъ и въ первую очередь находится въ зависимости отъ организованности и развитія самосознанія европейской демократіи. Въ этомъ направленіи работаетъ и Каутскій.

P. S. во время революціи

Статья „Неизбѣженъ ли имперіализмъ?“ была написана до революціи, когда приходилось говорить полупридушеннымъ голосомъ, когда приходилось только намеками указывать на тѣ цѣли, которыя ставятъ соціалисты, обсуждая вопросы имперіализма, вопросы обороны страны и т. д.

Теперь революція развязала нашъ языкъ и мы можемъ говорить полнымъ голосомъ. Часть двуединой задачи, на которую мы постоянно указывали, — въ связи съ обороной страны сверженіе стараго строя уже рѣшена. — самодержавіе разрушено демократіей рука объ руку съ той арміей, которая защищала страну отъ иноземнаго нашествія.

Въ Россіи устанавливается демократическій строй, оборона страны находится въ рукахъ демократіи и передъ нами стоитъ вопросъ, должна ли россійская демократія, рука объ руку съ французской, бельгійской и англійской, продолжать дѣло обороны страны, борясь со всякими завоевательными стремленіями, откуда бы они ни исходили, или предполагая, что имперіалистскія стремленія присущи этой войнѣ, считать ее дѣломъ постороннимъ, въ которомъ заинтересованы только имущіе классы, и считать оборонческую позицію „подчиненіемъ буржуазной идеологіи“? Должны ли мы считать бельгійскій, французскій и англійскій рабочій классъ измѣнившимъ дѣлу соціализма, или, напротивъ, теперь рабочій классъ и Россіи можетъ присоединиться къ борьбѣ противъ завоевательнаго имперіализма и съ успѣхомъ бороться съ нимъ, несмотря на существованіе капиталистическаго строя?

Мнѣ кажется, что на этотъ счетъ въ средѣ россійскаго рабочаго класса скоро не будетъ двухъ мнѣній. Теперь за оборону страны высказывается большинство и тѣхъ соціалистовъ, которые раньше были принципіальными противниками идеи оборончества, тѣ, которые оборончество разсматривали, подобно Базарову, какъ измѣну соціализму.

Теперь, когда для каждаго очевидно, что оборона страны является вмѣстѣ съ тѣмъ и обороной завоеваній революціи, едва ли можетъ быть споръ о ея пріемлемости и для бельгійцевъ, и для французовъ. Но этотъ огромной важности фактъ заставляетъ людей, принципіально отрицавшихъ оборону потому, что имперіализмъ при капиталистическомъ строѣ необходимъ и неизбѣженъ, пересмотрѣть и свой теоретическій багажъ. Ибо съ тѣмъ теоретическимъ багажомъ, который критикуетъ Каутскій, нельзя защищать и завоеваній революціи отъ внѣшней опасности, нельзя называть Вандервельде, защищающаго независимость Бельгіи, измѣнникомъ интернаціонализму, если мы сами защищаемъ свою свободу.

Выступая въ защиту революціонныхъ завоеваній противъ внѣшней опасности, высказываясь за оборону страны противъ завоевательныхъ плановъ Германіи, а также противъ завоеваній съ чьей бы то ни было другой стороны, принимая активное участіе въ оборонѣ, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что, оставаясь еще въ рамкахъ капиталистическаго строя, мы можемъ съ успѣхомъ оказать противодѣйствіе имперіалистическимъ планамъ господствующихъ классовъ, съ какой бы стороны они ни исходили.

Этимъ самымъ мы признаемъ, что вовсе не неизбѣжно образованіе сверхнаціональныхъ государствъ, а напротивъ, мы надѣемся итти по пути образованія всеевропейскихъ Соединенныхъ Штатовъ, что имперіалистическія поползновенія правящихъ классовъ Германіи могутъ быть подавлены внѣшнимъ сопротивленіемъ арміи и внутренней революціей возмущеннаго народа.

Гдѣ же мѣсто для политическихъ построеній о неизбѣжности сверхнаціональныхъ государствъ, о неизбѣжности имперіализма? Гдѣ тѣ принципіальныя возраженія противъ принципа обороны, противъ защиты національныхъ интересовъ противъ завоеваній съ чьей бы то ни было стороны? Гдѣ лозунги „долой войну", появившіеся въ началѣ революціи? Они исчезли, потому что теперь, когда одна изъ національныхъ задачъ оказалась осуществленной,- когда самодержавіе свергнуто, ярко выступила задача обороны страны вмѣстѣ со сдѣланными ею политическими завоеваніями.

Антиоборончество умерло потому, что рабочій классъ поставленъ передъ отвѣтственной задачей сохранить сдѣланныя имъ политическія завоеванія, но осталась и другая задача, — сохраняя эти завоеванія, бороться противъ агрессивнаго національзма, противъ завоевательныхъ плановъ нѣкоторыхъ группъ населенія.

Теперь не можетъ быть спора о томъ, нужна ли и пріемлема ли принципіально оборона, можно ли бороться съ имперіализмомъ и милитаризмомъ въ рамкахъ капиталистическаго строя. На это отвѣтъ дается рабочей демократіей почти единогласный: можно и должно. Правда, слова „оборона" многіе еще боятся, но дѣло не въ словахъ. Дни революціи уже настолько освѣжили головы, что оборона противъ Германіи, пока она не свергнетъ Вильгельма, сдѣлалась общимъ лозунгомъ рабочаго класса.

Если бы теперь кто-нибудь изъ бывшихъ нашихъ оппонентовъ перечиталъ, что писалось нами по поводу обороны, то, вѣроятно, удивился бы, о чемъ и почему былъ споръ.

Напр., годъ тому назадъ я писалъ: „Такъ какъ каждая нація имѣетъ право на самозащиту и такъ какъ очень трудно опредѣлить, гдѣ кончается самозащита и гдѣ начинается нападеніе, то лучшимъ судьей при рѣшеніи международныхъ отношеній является международное представительство демократіи. Стоя на точкѣ зрѣнія самозащиты и права національностей на самоопредѣленіе, международная демократія (интернаціоналъ) можетъ лучше всего опредѣлить не только границы самозащиты, но и условія заключенія мира, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ демократіи".

Теперь едва ли кто-нибудь изъ соціалистовъ осмѣлится оспаривать эти положенія. Но они исходятъ изъ опредѣленныхъ теоретическихъ предпосылокъ, которыя защищаетъ и Каутскій, а именно: имперіализмъ, сверхнаціональныя государства вовсе не неизбѣжны. Вѣра въ неизбѣжность при капитализмѣ образованія сверхнаціональныхъ государствъ, опирающихся на угнетеніе національностей, является ни на чемъ не обоснованной. Международная демократія пока еще не въ силахъ уничтожить капиталистическій строй, но она въ силахъ вмѣсто большихъ государствъ, основанныхъ на угнетеніи и подавленіи различныхъ національностей, создать, можетъ быть въ близкомъ будущемъ, нѣчто въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ Европы, основанныхъ на признаніи національныхъ интересовъ всѣхъ союзныхъ странъ. Во всякомъ случаѣ борьба въ этомъ направленіи необходима. А для осуществленія такой задачи необходима борьба съ завоевательными стремленіями нѣкоторыхъ группъ населенія въ каждой странѣ.

Освобожденіе Россіи упраздняетъ споры между „оборонцами" и „антиоборонцами", такъ какъ всѣ сознаютъ необходимость обороны страны. Но тѣмъ энергичнѣе придется бороться противъ всякихъ завоевательныхъ стремленій нѣкоторыхъ группъ общества, противъ попытокъ продолжить войну и тогда, когда задача обороны страны осуществится, когда Германія и Австрія откажутся отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ и вмѣстѣ съ этими планами выбросятъ изъ своихъ странъ и исполнителей этихъ плановъ, правящія тамъ династіи.

Разумѣется, наивно было бы ожидать, что заключеніе мира при демократизаціи европейскихъ государствъ уничтожить опасности, которыя могутъ угрожать европейскому миру при существованіи капиталистическаго строя. Но демократизація политическаго строя. послѣ тѣхъ страданій, которыя перенесла Европа благодаря войнѣ, поможетъ вырвать наиболѣе ядовитые зубы у современнаго капитализма, постоянныя арміи, содержаніе и увеличеніе которыхъ подготовило войну.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИЛИ СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ?

Революціонныя событія совершаются съ такой интенсивностью и головокружительной быстротой, значеніе ихъ такъ огромно, что въ настоящій моментъ свидѣтелямъ и участникамъ этихъ событій чрезвычайно трудно правильно учесть ихъ истинный смыслъ и значеніе, болѣе или менѣе точно опредѣлить возможности, которыя открываются въ дальнѣйшемъ для развитія и укрѣпленія сдѣланныхъ завоеваній въ сферѣ политическихъ и, въ особенности, въ области экономическихъ отношеній.

Тѣмъ не менѣе жизнь и совершающіяся событія настоятельно требуютъ отъ каждаго изъ насъ немедленнаго отвѣта на вопросъ, какія возможности открываются для страны въ сферѣ измѣненія экономическихъ отношеній, такъ какъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ опредѣляется тактика каждой партіи въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ.

Уклониться отъ рѣшенія его нельзя, несмотря на всю трудность этого рѣшенія въ настоящій моментъ и несмотря на всю отвѣтственность, которая падаетъ на всякаго политическаго дѣятеля, давшаго неправильный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

* * *

Обычно при опредѣленіи характера совершающейся революціи принято формулировать ея соціальное и политическое значеніе вопросомъ: буржуазная ли совершающаяся революція, или соціальная?

При такой постановкѣ вопроса соціальныя перемѣны, которыя могутъ произойти во время революціи, какъ бы противопоставляются политическому перевороту, при которомъ буржуазія захватываетъ власть отъ абсолютизма и дворянства. Эта постановка вопроса какъ

бы исключаетъ возможность такого революціоннаго переворота, при которомъ капитализмъ и буржуазія открываютъ себѣ возможности интенсивнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ значительный соціальный сдвигъ, значительныя измѣненія, если не въ области производства, то въ сферѣ распредѣленія національнаго дохода.

Пояснимъ эту мысль такой иллюстраціей. Во время великой французской революціи власть дворянства была свергнута не только путемъ политическаго переворота, но и тѣмъ, что экономическая основа власти дворянства была вырвана изъ его рукъ. Земли, принадлежавшія дворянству, были скуплены буржуазіей и крестьянствомъ. Произошло перемѣщеніе рентнаго дохода отъ дворянства къ буржуазіи. Произошло перемѣщеніе рентнаго дохода отъ дворянъ A, B, C къ буржуа D, E, F. Характеръ соціальной структуры, распредѣленія національнаго дохода остался прежнимъ, только изъ однѣхъ частныхъ рукъ онъ перешелъ въ другія.

Во время совершающейся теперь революціи въ Россіи возможно совершенно иное распредѣленіе рентнаго дохода отъ земли. Возможно, что всѣ, или главная доля рентныхъ доходовъ, получавшихся крупными и средними землевладѣльцами, изъ рукъ дворянства *и* буржуазіи перейдетъ въ распоряженіе общества и получитъ общественное назначеніе. Это передвиженіе значительной части національнаго дохода изъ рукъ частныхъ лицъ въ распоряженіе общества не есть соціалистическая революція, но есть соціальная революція въ томъ смыслѣ, что произойдетъ иное распредѣленіе національнаго дохода при неизмѣнной формѣ производства, которое останется капиталистическимъ.

Уже изъ приведеннаго нами примѣра видно, что происходящая революція, будучи буржуазной революціей, т.-е. сохраняющей всѣ основы капиталистическаго строя, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и неизбѣжно будетъ соціальной революціей, которая повлечетъ значительный сдвигъ экономическихъ отношеній не въ сферѣ организаціи производства, а въ сферѣ распредѣленія національнаго дохода между различными классами. Какое это имѣетъ значеніе и какія возможности въ этомъ направленіи открываетъ революція?

* * *

Соціалистическая теорія преимущественное вниманіе удѣляла организаціи производства, такъ какъ въ Западной Европѣ буржуазія

почти вездѣ уже захватила власть въ свои руки и буржуазной революціи ожидать уже не приходилось. Если тамъ и ожидаютъ революцію, то соціалистическую революцію, которая существенно измѣнитъ самыя основы организаціи производства. Измѣненій же въ сферѣ распредѣленія національнаго дохода считалось возможнымъ достигнутъ въ рамкахъ капиталистическаго строя не революціоннымъ путемъ, а путемъ исключительно финансоваго и соціальнаго законодательства, безъ какихъ-либо рѣзкихъ потрясеній.

Весьма возможно, что западно-европейскія страны мирнымъ путемъ, безъ остраго соціальнаго конфликта, не получатъ полнаго осуществленія программы-минимумъ, проведеніе которой возможно во время революціи въ Россіи; возможно, что когда въ Западной Европѣ назрѣетъ соціальный конфликтъ, въ результатѣ его произойдутъ уже значительныя перемѣны въ самой организаціи производства, но, какъ я замѣтилъ, перемѣны въ распредѣленіи національнаго дохода въ рамкахъ капиталистическаго строя мыслятся на Западѣ, какъ перемѣны, вытекающія изъ повседневной соціальной и политической борьбы. Этимъ, по моему мнѣнію, объясняется то, относительно, малое вниманіе, которымъ пользовалось среди западно-европейскихъ соціалистовъ перераспредѣленіе національнаго дохода въ рамкахъ капиталистическаго строя. Крупныхъ завоеваній въ этой области, благодаря существовавшему соотношенію общественныхъ силъ, не ожидали. Организованный капиталъ, предполагалось, не уступитъ значительной доли добычи, которую онъ получаетъ путемъ капиталистической эксплуатаціи. А когда соотношеніе силъ измѣнится въ пользу пролетаріата, тогда онъ сумѣетъ взять въ свои руки самое производство и ему нечего бороться за распредѣленіе національнаго дохода. Этотъ доходъ весь будетъ въ рукахъ народа, а не въ рукахъ бывшихъ организаторовъ производства—капиталистовъ. Поэтому вопросамъ распредѣленія національнаго дохода удѣлялось очень мало вниманія. Только сокращеніе продуктовъ и огромные расходы во время войны практически выдвинули на Западѣ и этотъ вопросъ.

Русская революція поставила всѣ эти вопросы совершенно иначе. Рабочій классъ въ Россіи не можетъ взять на себя организацію производства потому, что онъ представляетъ собою меньшинство населенія страны. Другіе классы даже численно значительно преобладаютъ. Но въ союзѣ съ малоимущими классами, заинтересованными въ перераспредѣленіи національнаго дохода, рабочій классъ составля-

етъ большинство и во время революціи вмѣстѣ съ ними составляетъ наибольшую силу въ странѣ. Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе и открываетъ весьма важныя перспективы не въ сферѣ организаціи производства, которое останется товарно-капиталистическимъ, а въ сферѣ распредѣленія національнаго дохода въ направленіи болѣе производительнаго его потребленія, въ болѣе выгодную для демократіи сторону.

* * *

При существованіи капиталистическаго строя наиболѣе выгоднымъ не только для всей демократіи, но и для развитія производительныхъ силъ страны было бы такое положеніе, при которомъ частный предприниматель-владѣлецъ предпріятія игралъ бы роль управляющаго предпріятіемъ, получая соотвѣтствующее вознагражденіе. Вся же прибыль шла бы на расширенное производство. При такихъ условіяхъ даже при существованіи капитализма непроизводительное потребленіе національнаго дохода свелось бы до минимума и производительныя силы страны могли бы развиваться съ наибольшей силой, возможной при капитализмѣ.

Разумѣется, полное осуществленіе такого распредѣленія національнаго дохода невозможно, но приближеніе къ нему при господствѣ демократіи вполнѣ возможно и это составляетъ ближайшую задачу демократіи въ моментъ наибольшаго ея вліянія на хозяйственный строй страны.

Мы уже упомянули, что переходъ среднихъ и крупныхъ частновладѣльческихъ земель въ распоряженіе общества, не измѣняя организаціи и формы производства, вмѣстѣ съ тѣмъ является огромнымъ шагомъ впередъ въ указанномъ нами направленіи, такъ какъ земельную ренту крупнаго и средняго землевладѣнія, растрачивавшуюся наименѣе производительно, передаетъ въ распоряженіе общества на производительное потребленіе.

Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія наиболѣе производительнаго перераспредѣленія національнаго дохода соціалистическая мысль, вообще, почти не разсматриваетъ экономическую политику и экономическую борьбу, хотя практически, поскольку соціализмъ выдвигалъ свои программныя требованія въ практической политикѣ, онъ шелъ по этому пути, по пути сокращенія непроизводительнаго потребленія. Его требованія прогрессивно-подоходнаго налога, его борьба противъ милитаризма и т. д. шли по пути сокращенія непро-

изводительнаго потребленія. Но принципіальная постановка сокращенія непроизводительнаго потребленія неизбѣжно выдвинула бы на первое мѣсто такія мѣропріятія, которыя или не выдвигались, или казались неважными. Если до сихъ поръ вопросъ о производительномъ потребленіи не ставился, то, главнымъ образомъ, потому, что, какъ замѣчено, соціалисты на эту сторону народно-хозяйственной жизни обращали слишкомъ мало вниманія и разработку вопроса предоставляли буржуазной финансовой наукѣ, которая свелась къ искусству взиманія налоговъ, а не къ веденію государственнаго хозяйства сообразно требованіямъ развитія производительныхъ силъ страны на счетъ непроизводительнаго потребленія.

Въ настоящее время для демократіи въ Россіи открываются возможности оказать давленіе на государственную власть, чтобы путемъ государственной организаціи измѣнить распредѣленіе національнаго дохода въ указанномъ нами направленіи, съ одной стороны, и, отчасти, повліять на распредѣленіе производительныхъ силъ страны наиболѣе цѣлесообразно—съ другой.

Эти возможности отчасти обусловливаются военнымъ временемъ. Подъ давленіемъ внѣшней опасности, подъ вліяніемъ потребностей войны и недостаточнаго производства, приходится добывать необходимыя средства отъ имущихъ классовъ, которые при такихъ обстоятельствахъ будутъ оказывать меньшее сопротивленіе, чѣмъ въ мирное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ производства побуждаетъ не оставлять организацію и распредѣленіе производительныхъ силъ (матеріаловъ и рабочихъ рукъ) между различными отраслями промышленности на произволъ и усмотрѣніе предпринимателей, такъ какъ анархія производства и жажда наживы предпринимателей могутъ грозить странѣ катастрофой. Эта опасность особенно велика будетъ по заключеніи мира во время демобилизаціи, когда рабочіе, при возвращеніи съ фронта, не найдутъ для себя мѣста въ дезорганизованной промышленности. Всей важности и значенія организаціи производительныхъ силъ въ настоящее время не сознаютъ ни Совѣты Рабочихъ Депутатовъ *), ни министерство, ни предприниматели. Ни

*) На мое обращеніе по этому поводу къ Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ Открытымъ письмомъ, авторъ статьи въ „Изв. Сов. Раб. Деп.“ по своей... неосвѣдомленности въ экономическихъ вопросахъ гордо отвѣчаетъ за Совѣты Рабочихъ Депутатовъ, что это обращеніе направлено не по адресу. Повидимому, отсутствіе яснаго представленія о значеніи этого вопроса, о возможной роли рабочаго класса въ немъ и является причиной того, что въ указанномъ направленіи ничего до сихъ поръ не сдѣлано.

тѣ, ни другіе еще не бьютъ тревоги по этому поводу. Между тѣмъ распредѣленіе производительныхъ силъ и ихъ организація являются однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, отъ котораго зависятъ и судьбы русской революціи.

Предполагая спеціально остановиться на этомъ вопросѣ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь я хочу указать лишь на то, что демократіи неизбѣжно придется вмѣшаться въ организацію распредѣленія производительныхъ силъ между различными отраслями промышленности, чтобы предотвратить, или ослабить предстоящій кризисъ.

* * *

Какія возможности представляются въ указанныхъ нами двухъ сторонахъ хозяйственной жизни страны, въ сферѣ распредѣленія національнаго дохода и въ сферѣ распредѣленія производительныхъ силъ?

Что касается первой стороны, то главнымъ орудіемъ перераспредѣленія національнаго дохода, помимо передачи крупной и средней земельной собственности въ распоряженіе общества, является финансовая политика, направленная на сокращеніе непроизводительнаго потребленія.

Съ этой точки зрѣнія, принципіально, на первомъ мѣстѣ должны стоять не методы фискальнаго обложенія, т.-е. не преимущества прямого или косвеннаго обложенія, а объекты обложенія, т.-е. обложеніе непроизводительнаго потребленія. Съ фискальной точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія величины суммъ, которыя могутъ быть взысканы съ потребленія предметовъ роскоши, обложеніе можетъ дать, сравнительно, небольшія суммы, но по своему народно-хозяйственному значенію оно имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ, сокращая непроизводительное потребленіе, ведетъ къ организаціи народнаго хозяйства въ томъ направленіи, на которое мы указали въ началѣ статьи, къ уменьшенію непроизводительнаго потребленія имущими классами. По своимъ финансовымъ результатамъ, т.-е. по количеству суммъ, которыя могутъ быть взысканы прогрессивнымъ поимущественнымъ, подоходнымъ налогами и налогомъ на приростъ цѣнностей и наслѣдство, они будутъ имѣть огромное значеніе, такъ такъ дадутъ большія суммы. Но по своему экономическому и соціальному значенію, какъ орудіе развитія производительныхъ силъ страны, различные виды прямыхъ и косвенныхъ налоговъ

на роскошь и непроизводительное потребленіе имѣютъ гораздо большее значеніе, такъ какъ направятъ развитіе народнаго хозяйства и его производительныя силы на производство предметовъ массоваго потребленія *). Поэтому построеніе системы налоговаго обложенія, исходящее изъ принципа наиболѣе производительнаго потребленія національнаго дохода и повышенія экономическаго и культурнаго уровня народныхъ массъ, должно начинаться съ сокращенія наиболѣе непроизводительнаго потребленія, и только постольку, поскольку общественныя и общегосударственныя потребности не могутъ быть удовлетворены обложеніемъ непроизводительнаго потребленія, налоги должны переходить и на другую долю прибавочной цѣнности, на прибыль, хотя бы она и шла не на личное потребленіе класса капиталистовъ и рантье.

Такъ какъ финансовая наука исходила изъ другихъ, прямо противоположныхъ принциповъ, стремясь свалить тягость налоговъ на производительные классы, то и самая техника обложенія въ указанномъ нами направленіи совершенно не разработана. Искусство брать съ тѣхъ, кто имѣетъ очень мало или ничего не имѣетъ, доведено до совершества, но искусства брать съ тѣхъ, кто тратитъ національный доходъ непроизводительно, еще нѣтъ. Этимъ финансовая наука не занималась, а соціалисты эту сторону вопроса, какъ мною замѣчено, игнорировали. Поэтому въ любомъ капиталистическомъ государствѣ каждое лицо можетъ „безданно. безпошлинно“ имѣть въ своемъ распоряженіи 20—30 комнатъ, 10—20 слугъ, расходовать на личныя потребности сотни тысячъ рублей и т. д. Между тѣмъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія не одно и то же, употребляется ли доходъ въ 100 тысячъ на личное потребленіе, или затрачивается на расширеніе производства. Особенность стараго, свергнутаго теперь, строя и заключалась въ томъ, что главная доля „чистаго“ національнаго дохода въ Россіи тратилась непроизводительно не только на армію, флотъ и т. д., но и на личное потребленіе паразитарныхъ элементовъ общества.

* * *

Указавши на задачи демократіи въ распредѣленіи національнаго дохода, мы должны посмотрѣть и на тѣ экономическія перспективы, которыя стоятъ передъ народнымъ хозяйствомъ въ настоящій моментъ.

---

*) О вліяніи характера потребленія на развитіе народнаго хозяйства, см. П. Масловъ. „Теорія развитія народнаго хозяйства“, гл. XVI.

Въ декабрѣ 1905 года, когда волна революціи достигла высшаго подъема, когда многіе соціалисты въ Россіи ожидали соціалистической революціи, мнѣ приходилось указывать *) на тѣ экономическія перспективы, которыя открываются въ случаѣ успѣха революціи. Возвращаясь къ этому вопросу теперь, черезъ 11 лѣтъ, приходится многое повторить, и я позволю себѣ процитировать то, что я писалъ тогда, такъ какъ пришлось бы это сказать и теперь. „Первый, наиболѣе сильный толчокъ для хозяйственнаго развитія,—писалъ я тогда,—дастъ измѣненіе хозяйственныхъ и правовыхъ отношеній въ деревнѣ. При этомъ революція дастъ тѣмъ больше творческихъ силъ, чѣмъ рѣшительнѣе она покончитъ со всѣми пережитками старыхъ феодальныхъ отношеній. Нечего, разумѣется, надѣяться на то, что революціонная эпоха можетъ внести рѣшительный переворотъ въ хозяйственныя отношенія. Самой радикальной революціонной мѣрой была бы экспропріація крупнаго землевладѣнія. Пролетаріатъ при современныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ не можетъ еще взять въ свои руки производство, такъ какъ не можетъ организовать соціалистическаго строя, но передачей земли въ руки демократіи онъ откроетъ себѣ широкую возможность вліять на хозяйственныя отношенія деревни. Нужно думать, что во время революціи въ различныхъ областяхъ Россіи крестьянство будетъ формировать свое хозяйство по тому же типу, какой существовалъ и раньше, лишь упраздняя существующія рядомъ помѣщичьи хозяйства и стремясь упрочить свое. Нужно думать, что промышленный кризисъ на время вытолкнетъ въ деревню ту часть городскихъ рабочихъ, которая съ ней болѣе или менѣе тѣсно связана.

Какъ увидимъ далѣе, передъ революціоннымъ правительствомъ будетъ стоять задача изыскивать средства для огромной массы рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ промышленнаго кризиса, и тутъ для демократіи могли бы сослужить значительную службу общественныя земли.

Въ деревнѣ, во всякомъ случаѣ, во время революціи никакого рѣзкаго измѣненія формы хозяйства не произойдетъ, кромѣ расширенія крестьянскихъ хозяйствъ. Но сокращеніе платежей крестьянъ, при переходѣ къ нимъ въ пользованіе помѣщичьихъ земель и при сокращеніи налоговъ, приведетъ сразу къ повышенію потребностей деревенскаго населенія. Впрочемъ, въ первое время, въ періодъ ре-

---

*) „Революція и народное хозяйство", журналъ „Правда", № 1, 1906 г.

волюціи, крестьянство будетъ прежде всего накоплять живой и мертвый инвентарь и лучше питаться.

Въ зависимости отъ того, какъ рѣшится аграрный вопросъ, опредѣлится и отношеніе крестьянъ къ революціи и къ демократіи. Можно навѣрное утверждать, что если въ ближайшее время организуется демократическій строй, то это будетъ возможно лишь при переходѣ крупнаго землевладѣнія въ руки демократіи, потому что этотъ переходъ создаетъ матеріальныя условія ея господства, а переходъ земли отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ руки демократіи возможенъ только при побѣдѣ демократіи. Одно безъ другого не можетъ быть.

Какія же матеріальныя условія создадутся въ деревнѣ при новыхъ условіяхъ?

Вслѣдствіе промышленнаго кризиса часть городскихъ рабочихъ, связанныхъ съ деревней, займется земледѣліемъ и деревенскими промыслами. Расширеніе крестьянскаго землепользованія и сокращеніе платежей увеличитъ, какъ я замѣтилъ, покупательную способность крестьянъ. Прежде всего она выразится въ увеличеніи сбыта издѣлій деревенскаго, такъ называемаго, „кустарнаго“ производства. При этомъ „кустарное“ производство будетъ превращаться въ капиталистическое по мѣрѣ повышенія заработной платы, такъ какъ кустарь конкурируетъ съ крупнымъ производствомъ посредствомъ пониженія заработка и удлиненія рабочаго дня. Но капитализація промысловъ совершается не сразу. Это процессъ длительный...

Расширеніе рынка приводитъ, какъ показываетъ анализъ кустарныхъ промысловъ *), къ тому, что кустари бросаютъ земледѣліе. Съ другой стороны, расширеніе землепользованія заставитъ многихъ крестьянъ бросить кустарные промыслы, такъ какъ малоземелье, недостаточность дохода отъ земледѣлія являются главной причиной совмѣщенія въ одномъ хозяйствѣ и кустарнаго промысла и земледѣлія. Слѣдовательно, первоначально въ деревнѣ произойдетъ такого рада дифференцировка: огромное количество кустарныхъ полупромышленныхъ, полуземледѣльческихъ хозяйствъ, вслѣдствіе увеличенія рынка, броситъ земледѣліе и займется исключительно промыс-

---

*) Въ книгахъ „Капитализмъ“ и „Теоріи разв. нар. хоз.“ при анализѣ кустарныхъ промысловъ я указывалъ на то, что спеціализація въ промыслѣ и капитализація его тѣсно связаны съ расширеніемъ рынка.

ломъ. Другая часть броситъ промыслы и займется только земледѣліемъ. Напримѣръ, лапотники, зарабатывающіе по 3 коп. въ день, бросятъ свой промыселъ, потому что только крайняя нужда заставляетъ ихъ вмѣстѣ съ земледѣліемъ заниматься и промысломъ. Съ другой стороны, сапожники, которые при недостаточности сбыта въ деревнѣ должны заниматься земледѣліемъ, при увеличеніи спроса на сапоги займутся исключительно сапожнымъ промысломъ. Такимъ образомъ, лапотники округлятъ свои хозяйства не только на счетъ деревенской бѣдноты, н о и на счетъ промысловыхъ хозяйствъ сапожниковъ.

Подъемъ промышленности начнется изъ деревни. Такіе кустарные промыслы, какъ ткачество, существуютъ лишь благодаря безысходной нуждѣ кустарей. При улучшеніи положенія крестьянъ кустарное ткачество превратится въ фабричное производство, потому что кустарь не согласится работать за 5 коп. въ день, и его замѣнитъ рабочій на фабрикѣ съ машиной.

Дальнѣйшее развитіе деревенскихъ промысловъ при расширеніи внутренняго рынка быстро приводитъ къ крупной индустріи, но мы не будемъ заглядывать въ далекое будущее, а анализируемъ лишь ближайшія послѣдствія современнаго положенія страны.

Итакъ, произойдетъ перераспредѣленіе производительныхъ силъ и смѣна типовъ мелкаго хозяйства: полуземледѣльческія, полупромышленныя хозяйства распадутся на хозяйства высшаго типа—на промышленныя и на земледѣльческія...

Полуземледѣльческое, полупромышленное крестьянское хозяйство является отсталымъ, средневѣковымъ противъ мелкаго же чисто промышленнаго или чисто земледѣльческаго товарнаго хозяйства.

Вмѣсто отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій, опирающихся на продовольственныя хозяйства, проявится масса хозяйствъ, которыя смѣнятъ нищенскія продовольственныя хозяйства. Поэтому образованіе чисто-промышленныхъ и чисто-земледѣльческихъ хозяйствъ будетъ огромнымъ шагомъ впередъ. Но оно будетъ сопровождаться, „округленіемъ" однихъ изъ нихъ на счетъ другихъ. Это неизбѣжно, такъ какъ и въ земледѣліи, и, въ особенности, въ индустріи увеличеніе производства потребуетъ увеличенія въ хозяйствѣ орудій и средствъ производства, а это недоступно для бѣдноты.

Процессъ разслоенія и дифференцировки имѣетъ огромное зна-

ченіе для экономическаго развитія страны, для развитія ея производительныхъ силъ, для дальнѣйшей концентраціи производства въ рукахъ крупнаго капитала, которому откроется обширнѣйшее поле дѣйствія. Но въ то же время этотъ процессъ наглядно покажетъ полную утопичность для ближайшаго момента надеждъ на соціалистическую революцію, потому что крупное производство въ первые годы революціи значительно не увеличится; въ то же время будетъ развиваться высшій типъ болѣе производительныхъ мелкихъ предпріятій (мелкое капиталистическое производство вмѣсто кустарнаго—полуземледѣльческаго). Разумѣется, большая часть крупныхъ предпріятій останется, много организуется новыхъ, но въ лучшемъ случаѣ возможенъ будетъ лишь переходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ общественную собственность, при чемъ эти предпріятія будутъ производить товары. Слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ можетъ произойти то же самое, что правительство отчасти сдѣлало съ производствомъ водки и съ нѣкоторыми желѣзными дорогами. Конечно, начала управленія предпріятіями могутъ быть иными, но производство будетъ товарнымъ.

Стоитъ только познакомиться съ преобладающимъ типомъ предпріятій въ земледѣліи и въ кустарномъ производствѣ, занимающемъ наибольшее число рукъ въ индустріи, чтобы притти къ заключенію, что революція не можетъ ввести соціалистическаго строя, пока капиталистическое производство не создастъ для него матеріальныя условія. Великая русская революція въ первые года только отколетъ индустрію отъ земледѣлія въ деревнѣ, отколетъ посредствомъ капитализма, а соціализмъ лишь „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“ снова соединитъ ихъ въ гармоническое цѣлое. Не отколовшись отъ земледѣлія въ мелкихъ хозяйствахъ, индустрія не можетъ технически сформироваться въ общественное производство, такъ какъ первобытная техника кустаря не можетъ сохраниться, а измѣненіе техники расколетъ полуземледѣльческое хозяйство. Творить же новыя предпріятія на новыхъ техническихъ началахъ изъ ничего даже и революція не въ состояніи, хотя она и обладаетъ огромными творческими силами.

Творческія силы революціи проявятся главнымъ образомъ въ перераспредѣленіи производительныхъ силъ страны. Это перераспредѣленіе выразится въ слѣдующемъ:

Огромныя суммы арендной платы, получаемой помѣщиками съ

крестьянъ, растрачивались или этими помѣщиками, или капиталистами на предметы ихъ потребленія. Еще большія суммы, получаемыя правительствомъ посредствомъ налоговъ, въ значительномъ количествѣ растрачивались другими „предпріимчивыми“ людьми въ видѣ предметовъ ихъ потребленія. Если крестьянскіе платежи сократятся, то сократится и потребленіе паразитарныхъ группъ населенія, и увеличится потребленіе массъ, крестьянства и рабочихъ. Сократится ввозъ и производство предметовъ роскоши, и расширится массовое производство, прежде всего „кустарное“ *), сократятся „непроизводительные“ классы, прислуга и т. п.

На счетъ сокращенія производства и ввоза предметовъ роскоши расширится не только личное потребленіе крестьянства, но главнымъ образомъ производство средствъ производства земледѣльческихъ и промышленныхъ мелкихъ хозяйствъ.

Мелкій земледѣлецъ или промышленникъ одинаково, при первой возможности, стремится упрочить свое хозяйство, пріобрѣсти инвентарь, орудія производства даже на счетъ личнаго потребленія. Если до сихъ поръ крестьяне затрачивали свои гроши на покупку земли, то теперь они будутъ затрачивать ихъ въ удесятеренномъ количествѣ на хозяйство, а промышленники—на орудія производства, на машины. Обогащеніе крестьянства выразится въ томъ, что „хозяйственные“ упрочатъ свое хозяйство, а „нехозяйственные“ увеличатъ личное потребленіе и, проѣвши свое хозяйство, будутъ продавать свой трудъ по болѣе повышенной цѣнѣ: революція, къ огорченію мелкихъ и крупныхъ буржуа, „избалуетъ“ рабочихъ, они пріучатся повышать свои требованія...

Производство средствъ производства для мелкихъ хозяйствъ въ огромной степени увеличитъ производительность ихъ предпріятій.

Повышеніе уровня потребностей рабочихъ и крестьянъ, на ряду съ производствомъ средствъ и орудій производства, въ концѣ-концовъ поведетъ къ образованію крупныхъ предпріятій для массоваго производства предметовъ потребленія крестьянъ и рабочихъ. Но организація такихъ предпріятій можетъ быть только послѣ того, какъ начнетъ проходить промышленный кризисъ.

---

*) Перераспредѣленіе производительныхъ силъ мы намѣчаемъ схематически. Въ дѣйствительности оно гораздо сложнѣе, такъ какъ, напр., землевладѣльцы не только ѣдятъ писаные пряники...

Этотъ періодъ, періодъ перелома, будетъ наиболѣе тягостнымъ, совпадетъ, вѣроятно, съ созывомъ Учредительнаго Собранія и, во всякомъ случаѣ, съ побѣдой революціи, и поставитъ будущему временному правительству одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ: что дѣлать съ массой безработныхъ, выброшенныхъ промышленнымъ кризисомъ? Эта задача очень трудна, и поэтому очень важно о ней теперь же подумать не только тѣмъ, кто будетъ у власти, но и тѣмъ, кто будетъ въ оппозиціи.

Многія предпріятія должны будутъ остановиться не только вслѣдствіе промышленнаго и финансоваго кризиса, а также и потому, что въ революціонный періодъ предметы ихъ производства будутъ не нужны. Напримѣръ, огромные казенные оружейные заводы едва ли будутъ функціонировать, когда правительству революціи будетъ дорогъ каждый рубль. Точно такъ же остановится много предпріятій вслѣдствіе финансоваго и промышленнаго кризиса.

Итакъ, будетъ масса безработныхъ, они завоюютъ свободу и, вѣроятно, на короткое время власть или огромное вліяніе на власть. Что же она имъ дастъ? Многимъ кажется рѣшеніе поставленнаго вопроса чрезвычайно простымъ: можно, дескать, экспропріировать остановившіяся фабрики и начать производство при посредствѣ революціоннаго правительства. Вопросъ рѣшился бы очень легко, если бы производство можно было бы начать, имѣя фабричныя стѣны и машины. Къ сожалѣнію, ни предприниматели, ни кто-либо другой, имѣя эти стѣны и машины, не могутъ продолжать производство, потому что нѣтъ средствъ производства. Конфискація фабричныхъ стѣнъ и машинъ еще не даетъ возможности вести производство такъ же, какъ и старому владѣльцу фабрики. А остановиться могутъ именно тѣ предпріятія, которыя требуютъ огромныхъ средствъ производства, потому что, въ противномъ случаѣ, они не остановились бы. Справиться съ *этой задачей, разрѣшить промышленный кризисъ не въ состояніи никакое временное правительство безъ участія и помощи демократическаго мѣстнаго самоуправленія* городовъ и областей. Разбросанные по всей странѣ безработные, вслѣдствіе промышленнаго кризиса, не могутъ быть привлечены къ производству безъ участія демократіи въ городахъ и въ земствѣ. Съ другой стороны, какъ указано выше, безъ перехода крупнаго землевладѣнія въ пользу демократическаго областного самоуправленія (т.-е. если останутся помѣщики) не будетъ его демократизаціи и

не будетъ тѣхъ огромныхъ фондовъ, которые облегчатъ задачу, которую можетъ поставить демократія: ликвидировать промышленный кризисъ постольку, поскольку возможно будетъ спасти отъ голода массу пролетаріата, завоевавшаго свободу и пострадавшаго отъ безработицы...

Пролетаріатъ, завоевавши для страны политическую свободу, не можетъ оставаться у власти, потому что всѣ основы капиталистическаго строя этому противорѣчатъ. Только въ періодъ революціи, въ эпоху упроченія демократической свободы пролетаріатъ можетъ не только упрочить демократію и ликвидацію стараго политическаго строя, но и ликвидацію тяжелыхъ послѣдствій безработицы. Соціалъ-демократія въ революціонный періодъ будетъ достаточно сильна, чтобы заставить демократическое самоуправленіе заняться этимъ вездѣ, гдѣ есть пролетаріатъ!..

Трудно теперь предвидѣть размахъ русской революціи. Возможно, что уступки, сдѣланныя крупной и мелкой буржуазіи, охладятъ ея революціонное пламя и изолируютъ пролетаріатъ. Возможно, что крестьянство будетъ обмануто обѣщаніями, частичными уступками и успокоится. Тогда процессъ перераспредѣленія производительныхъ силъ страны и ликвидація промышленнаго кризиса замедлится, будетъ происходить болѣзненнѣе, такъ какъ не исчезнутъ безслѣдно тѣ пережитки крѣпостныхъ отношеній, которые были основной причиной русской революціи. Острый кризисъ тогда смѣнился бы затяжнымъ и страна окончательно не освободилась бы отъ той язвы азіатчины, которая теперь терзаетъ ее".

Цитируя написанное мною въ концѣ 1905 года, я имѣлъ въ виду не только указать на то, что экономическія перспективы и тогда и теперь болѣе или менѣе сходны, но и на то, что въ моментъ революціи у многихъ представителей революціоннаго движенія и тогда, какъ и теперь, есть тенденція неправильно опредѣлять тѣ экономическія возможности, которыя открываются революціей. Тогда, какъ и теперь, приходилось указывать не только на невозможность въ настоящій моментъ соціалистическаго переворота, но и на крайнія затрудненія сохранить сдѣланныя соціально-политическія завоеванія.

Тогда, къ сожалѣнія, мои опасенія сбылись. Когда сбылись эти опасенія, то тѣ, кто говорилъ о соціальной революціи, утѣшались

тѣмъ, что буржуазія измѣнила и поэтому дѣло было проиграно. Не трудно видѣть, что это утѣшеніе плохое, что обязанность соціалистовъ строить планы политическаго и экономическаго строительства заключается прежде всего въ опредѣленіи и учетѣ тѣхъ силъ, которыя примутъ участіе въ этомъ строительствѣ.

Въ настоящее время есть больше возможностей закрѣпить политическія завоеванія революціи, но, съ другой стороны, является больше препятствій, вслѣдствіе экономической разрухи, наладить хозяйственную жизнь, и, въ особенности, устранить тѣ бѣдствія безработицы, которыя явятся результатомъ демобилизаціи, возвращенія съ фронта массы рабочихъ при полной дезорганизаціи промышленной жизни. Поэтому въ ближайшее время передъ демократіей Россіи стоитъ огромная и отвѣтственная задача на ряду съ политическимъ строительствомъ устроить распредѣленіе и организацію производительныхъ силъ страны такимъ образомъ, чтобы демобилизація не застала ее врасплохъ, чтобы рабочіе, вернувшись съ фронта, нашли свое мѣсто въ промышленности. Эта организація, разумѣется, не явится результатомъ соціалистической революціи. Если бы удалась попытка организовать производительныя силы страны, т.-е. организовать планомѣрное распредѣленіе матеріаловъ, сырья и рабочихъ рукъ, организовать необходимыя общественныя работы для демобилизованныхъ по заключеніи мира рабочихъ, то это только ослабило бы промышленный кризисъ и расчистило бы почву для развитія производительныхъ силъ страны на почвѣ капиталистическихъ отношеній.

Развитіе производительныхъ силъ и продовольственный вопросъ, какъ проблемы распредѣленія

I

Развитіе производительныхъ силъ

Огромное напряженіе народнаго хозяйства, вызванное войной, экономическая отсталость Россіи, особенно чувствительная во время войны, продовольственный кризисъ, вызванный тѣми же причинами,—все это обратило вниманіе различныхъ слоевъ общества на состояніе народнаго хозяйства и на выясненіе условій, которыя необходимы для болѣе быстраго его развитія. Нашлось и единоспасающее слово, опредѣляющее тотъ путь, которымъ страна можетъ выйти изъ бѣдъ, которыя связаны съ ея экономической отсталостью. Этотъ путь—„развитіе производительныхъ силъ".

О развитіи производительныхъ силъ пишутъ въ періодической печати, „о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи" выпускаетъ толстый томъ Совѣтъ Съѣздовъ представителей промышленности и торговли, тѣмъ же вопросомъ занята комиссія общества имени А. И. Чупрова при Московскомъ университетѣ, проектируется цѣлый рядъ изслѣдованій по тому же вопросу и даже ставитъ его правительство въ соотвѣтствующихъ комиссіяхъ. На ряду съ продовольственной проблемой, вопросъ о развитіи производительныхъ силъ пользуется теперь исключительнымъ вниманіемъ, какъ будто его значеніе теперь стало больше, чѣмъ 5, 10, 20 лѣтъ тому назадъ.

Любопытнѣе всего то, что при всемъ шумѣ, который поднятъ вокругъ этого вопроса, никѣмъ не дано даже опредѣленія того,

что разумѣется подъ спасительнымъ словомъ „развитіе производительныхъ силъ". Отсутствіе такого опредѣленія имѣетъ свои основанія, такъ какъ даетъ возможность каждой общественной группѣ вкладывать въ понятіе развитія производительныхъ силъ свое групповое и классовое содержаніе и предлагаетъ рецепты для развитія производительныхъ силъ, соотвѣтствующіе интересамъ данной группы.

Такъ, докладъ Совѣта Съѣздовъ представителей промышленности и торговли, выпущенный въ видѣ объемистаго тома, въ предисловіи утверждаетъ, что „точкой отправленія всѣхъ сужденій о будущей программѣ экономическаго развитія и достиженія хозяйственной независимости Россіи должно служить убѣжденіе, что въ странѣ бѣдной, но сложившейся въ могущественную міровую державу, на первый планъ должна быть поставлена задача достиженія равновѣсія (!) между хозяйственной слабостью и политической мощью. Поэтому вопросы накопленія, вопросы добычи, вопросы усиленія производительности народнаго труда должны стоять впереди вопросовъ распредѣленія народнаго богатства".

И дѣйствительно, какъ увидимъ далѣе, Совѣтъ Съѣздовъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, посредствомъ которыхъ промышленники могутъ опустошать карманы своихъ соотечественниковъ, мѣръ, которыя помогутъ отдѣльнымъ группамъ предпринимателей накоплять. Это, по мнѣнію Совѣта Съѣздовъ, поведетъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи.

Прежде, чѣмъ приступать къ оцѣнкѣ различныхъ мѣропріятій, которыя, по мнѣнію тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ, поведутъ къ развитію производительныхъ силъ страны, нужно опредѣлить, что такое „развитіе производительныхъ силъ" и чѣмъ оно обусловливается и вызывается.

Въ „Теоріи развитія народнаго хозяйства" я такъ формулировалъ понятіе производительныхъ силъ. „Состояніе производительныхъ силъ даннаго населенія опредѣляется суммой продуктовъ, производимыхъ въ странѣ для дальнѣйшаго производства, т.-е. для производительнаго потребленія. Слѣдовательно, производительными силами общества мы называемъ сумму затрачиваемаго живого труда и средствъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго производства. Какъ увеличеніе затратъ труда на производство, такъ и увеличеніе средствъ производства является увеличеніемъ производительныхъ силъ общества. Это увеличеніе можетъ происходить, какъ при неизмѣнной затратѣ труда, но при увеличеніи средствъ производства, благодаря

техническому прогрессу, такъ и при неизмѣнной техникѣ, но при увеличеніи (производительныхъ) затратъ живого труда *)".

Развитіе производительныхъ силъ населенія возможно при неизмѣнной производительности труда, если количество занятыхъ производительнымъ трудомъ рабочихъ увеличивается, и обратно, даже при увеличеніи производительности труда рабочихъ возможна остановка въ развитіи производительныхъ силъ населенія какой-либо области или страны. Напримѣръ, при сильномъ развитіи милитаризма, когда ограниченная часть населенія отвлекается отъ производства, когда большая часть производимыхъ продуктовъ потребляется въ видѣ „непроизводительнаго" потребленія на военныя потребности, производительныя силы населенія могутъ падать **), хотя производительность труда рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, можетъ увеличиваться.

При увеличеніи числа „непроизводительныхъ" рабочихъ, изготовляющихъ предметы роскоши, при увеличеніи числа прислуги и т. п. производительныя силы населенія сокращаются. Это особенно рѣзко проявляется въ военное время, когда „непроизводительное" (съ хозяйственной точки зрѣнія) потребленіе максимально увеличивается.

Напротивъ, при увеличеніи количества рабочихъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, производительныя силы увеличиваются даже при неизмѣнной производительности труда. Слѣдовательно, понятіе развитія производительныхъ силъ примѣнимо не къ отдѣльному предпріятію, а къ процессу измѣненія въ хозяйственномъ положеніи цѣлой области или страны.

Во время происходящей теперь войны производительность труда во многихъ предпріятіяхъ можетъ быть очень высокой, прибыль предпринимателей и накопленіе ея въ ихъ рукахъ можетъ достигать, согласно приведенному выше желанію Совѣта Съѣздовъ, огромныхъ

---

*) См. П. Масловъ. „Теорія развитія нар. хозяйства". Петр., 1910 г.

**) Изъ этого видно, что одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ моей книги (проф Sieveking) совершенно неправильно толкуетъ развитіе производительныхъ силъ, какъ результатъ роста населенія. Я указывалъ, что и при ростѣ населенія производительныя силы могутъ падать. См. „Теор. разв. нар. хоз.", стр. 16. Вопросъ о распредѣленіи производительныхъ силъ и національнаго дохода, какъ основная проблема экономической науки, поставленный въ цитированной книгѣ, пять лѣтъ тому назадъ, какъ теоретическій, теперь пріобрѣтаетъ огромное практическое значеніе.

размѣровъ, и тѣмъ не менѣе едва ли даже объединенные промышленники могутъ утверждать, что производительныя силы страны во время войны растутъ.

Уже въ цитированной выше книгѣ я указывалъ, что, напримѣръ, успѣхи техники въ какой-либо отрасли промышленности, созданные благодаря таможенному покровительству, могутъ сопровождаться задержкой общаго развитія производительныхъ силъ страны и повести къ остановкѣ развитія и покровительствуемой отрасли промышленности.

Въ настоящее время изготовленіе оружія, снарядовъ и т. д. во всѣхъ воюющихъ странахъ возросло въ огромныхъ размѣрахъ, но эти страны не богатѣютъ отъ такого прогресса, хотя предприниматели въ этихъ отрасляхъ производства, несомнѣнно, богатѣютъ.

Послѣ изложенныхъ соображеній достаточно ясно, что развитіе производительныхъ силъ страны ни въ какомъ случаѣ нельзя отождествлять ни съ ростомъ прибыли предпринимателей, ни даже съ увеличеніемъ производительности труда, съ техническимъ прогрессомъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ или отрасляхъ промышленности.

* * *

Итакъ, проблема развитія производительныхъ силъ страны сводится къ проблемѣ распредѣленія національнаго труда между производительной и непроизводительной его затратой. Какъ увидимъ, эта проблема въ свою очередь находится въ тѣсной связи съ проблемой распредѣленія національнаго дохода между различными классами населенія.

Напомнимъ, что развитіе производительныхъ силъ обусловливается суммой труда, а въ зависимости отъ этого и средствъ, затрачиваемыхъ на дальнѣйшее производство. Во время войны это становится особенно ясно. Для военныхъ потребностей изготовляется очень много предметовъ потребленія, оружія для арміи и т. д. Но всѣ эти предметы не идутъ на дальнѣйшее производство, а уничтожаются въ процессѣ войны. Благодаря распредѣленію производительныхъ рабочихъ силъ націи такимъ образомъ, что значительная ихъ часть затрачивается не для изготовленія предметовъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго производства, производительныя силы страны падаютъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ эпоху паденія Римской имперіи, благодаря сосредоточенію огромныхъ земельныхъ богатствъ въ рукахъ небольшой кучки землевладѣльцевъ, огромные доходы этихъ

землевладѣльцевъ потреблялись ими въ видѣ предметовъ роскоши, или на содержаніе огромнаго штата слугъ и т. д. Производительныя силы страны падали, потому что значительная часть національнаго дохода потреблялась непроизводительно именно потому, что доходы землевладѣльцевъ были высоки и затрачивались на ихъ прихоти.

Распредѣленіе производительныхъ силъ страны находилось въ зависимости отъ распредѣленія національнаго дохода между различными группами населенія. Такъ какъ огромная часть національнаго дохода попадала въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ и затрачивалась ими не на расширеніе дальнѣйшаго производства, а на ихъ потребности, производительныя силы страны не развивались.

Въ Ирландіи, благодаря тому, что огромная часть національнаго дохода отбиралась землевладѣльцами-лэндлордами, производительныя силы страны падали. Такимъ образомъ не только въ военное, но и въ мирное время развитіе производительныхъ силъ страны можетъ задерживаться и даже остановиться въ зависимости отъ того, какъ потребляется національный доходъ и на что затрачиваются производительныя силы страны. Чѣмъ бѣднѣе страна, чѣмъ ниже въ ней производительность труда, тѣмъ больше опасности путемъ непроизводительнаго потребленія задержать развитіе ея производительныхъ силъ.

При современномъ капиталистическомъ строѣ одной изъ самыхъ крупныхъ статей расходовъ изъ національнаго хозяйства является содержаніе государственнаго административнаго механизма. Чѣмъ болѣе отстала страна, чѣмъ она бѣднѣе, тѣмъ большей тягостью ложится на нее это содержаніе и тѣмъ труднѣе ей развивать свои производительныя силы при дорогомъ государственномъ механизмѣ. Поэтому развитіе капитализма въ первыхъ его стадіяхъ вызываетъ стремленіе удешевить этотъ механизмъ и сдѣлать его пригоднымъ для развитія производительныхъ силъ. Борьба за право народнаго представительства опредѣлять государственный бюджетъ вытекаетъ изъ этого стремленія.

Но, съ другой стороны, государственная власть оказываетъ вліяніе на распредѣленіе дохода между различными группами населенія. Таможенная и налоговая политика государства, поддержка крупнаго землевладѣнія и т. д. побуждаетъ заинтересованныя въ этомъ группы поддерживать и дорого стóящій государственный механизмъ, если его содержаніе падаетъ на плечи другихъ группъ и если боль-

шіе государственные расходы затрачиваются на поддержаніе относительно болѣе высокихъ доходовъ заинтересованныхъ группъ. Поэтому удешевленіе государственнаго механизма, сокращеніе непроизводительнаго потребленія не совершается легко и просто. Въ такихъ странахъ, какъ Швейцарія или Соединенные Штаты Сѣверной Америки, развивавшихся въ особыхъ условіяхъ, весь государственный механизмъ съ самаго начала стоилъ относительно дешевле и это, несомнѣнно, имѣло большое вліяніе на развитіе ихъ производительныхъ силъ. Въ началѣ развитія капитализма, когда огромную часть національнаго дохода получали крупные землевладѣльцы, которые, въ качествѣ рантье, потребляли его непроизводительно на личное потребленіе, на содержаніе челяди и т. д., среди экономически сильныхъ общественныхъ группъ совсѣмъ не было элементовъ, заинтересованныхъ въ сокращеніи непроизводительнаго потребленія. Развитіе производительныхъ силъ происходило крайне медленно и вопреки интересамъ господствующихъ классовъ. Развитіе производительныхъ силъ происходило лишь на счетъ сокращенія потребленія производительныхъ классовъ, дававшаго возможность „первоначальнаго накопленія" зарождавшейся буржуазіи. Это стремленіе къ накопленію за счетъ сокращенія производительнаго потребленія трудящейся массы населенія остается и въ настоящее время.

Отдѣльный предприниматель, такъ же, какъ и цѣлая группа предпринимателей какой-либо отрасли промышленности, въ условіяхъ своей хозяйственной дѣятельности не можетъ встать на общегосударственную точку зрѣнія, а по своей „практикѣ" неизбѣжно исходитъ изъ своихъ частно-хозяйственныхъ интересовъ. Въ качествѣ предпринимателя онъ можетъ успѣшно вести хозяйство, получая высокую прибыль, безразлично, откуда бы она ни получалась. А прибыль получается или отъ эксплуатаціи производителя, или отъ потребителя. Поэтому съ частно-хозяйственной точки зрѣнія развитіе производительныхъ силъ, отождествляемое предпринимателемъ съ уровнемъ его прибыли, происходитъ одинаково, получается ли прибыль отъ усиленной эксплуатаціи рабочихъ или потребителей, отъ производства ли предметовъ непроизводительнаго потребленія, или отъ производства орудій и средствъ для дальнѣйшаго производства. Поэтому предприниматели, стремясь повысить свою прибыль и отождествляя это повышеніе съ развитіемъ производительныхъ силъ страны, направляютъ свои усилія по линіи наименьшаго сопротивленія, въ томъ направленіи, въ какомъ имъ приходится дѣйствовать, въ

качествѣ предпринимателей: брать больше съ рабочаго и потребителя, сокращать потребленіе рабочихъ и не сокращать непроизводительнаго потребленія національнаго хозяйства, т.-е. дѣйствовать противъ развитія производительныхъ силъ.

Если, тѣмъ не менѣе, несмотря на такія тенденціи предпринимателей, происходитъ развитіе производительныхъ силъ, то не потому, что капиталистъ сознательно стремится къ такому развитію, а потому, что взаимная конкуренція и необходимость реализовать накопляющійся капиталъ въ средства производства для увеличенія прибыли вынуждаютъ каждаго предпринимателя къ расширенному воспроизводству продуктовъ, одинаково, идутъ ли эти продукты на производительное, или непроизводительное потребленіе. Поэтому среди промышленниковъ и среди экономистовъ, выражающихъ интересы предпринимателей, вопросъ о развитіи производительныхъ силъ, хотя поднимается и обсуждается, но не только не выясняется, но принимаетъ совершенно ложное освѣщеніе. Вниманіе общества отвлекается въ другую сторону на совершенно ложный путь.

* *
*

Обыкновенно, разсуждая о развитіи производительныхъ силъ Россіи, экономисты пишутъ: страна наша велика и обильна естественными богатствами, нужно только умѣло использовать ихъ. Нужно сполна использовать естественныя богатства и силы природы, и производительныя силы страны станутъ быстро развиваться. Предприниматели добавляютъ, что если принять мѣры къ тому, чтобы повысить ихъ прибыль путемъ покровительства той или другой группѣ предпринимателей, то и задача развитія производительныхъ силъ страны будетъ рѣшена.

Посмотримъ, такъ ли просто рѣшается вопросъ, какъ объ этомъ принято думать.

Національное хозяйство обладаетъ въ каждый моментъ опредѣленной суммой средствъ производства и опредѣленнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, которыя могутъ быть направлены на производство.

Эта наличная сумма рабочихъ рукъ и средствъ производства распредѣляется въ національномъ хозяйствѣ между различными отраслями хозяйственной дѣятельности сообразно распредѣленію національнаго дохода.

Для иллюстраціи этой мысли возьмемъ наиболѣе простое рас-

предѣленіе національнаго дохода въ Ирландіи. Допустимъ, что половина дохода отъ земледѣлія въ Ирландіи достается лэндлордамъ. Въ рукахъ земледѣльческаго населенія остается другая половина, которой недостаточно даже для удовлетворительнаго питанія этого населенія. Очевидно, несмотря на плодородіе острова Эрина, земледѣліе будетъ падать, потому что производительное потребленіе въ земледѣліи остается слишкомъ мало: улучшать средства и орудія производства земледѣльческое населеніе не можетъ за неимѣніемъ средствъ; рекомендація экономистовъ „использовать обширныя естественныя богатства" будетъ при такихъ условіяхъ пустой болтовней.

Другая половина дохода отъ земледѣлія будетъ оставаться въ рукахъ землевладѣльцевъ. Такъ какъ землевладѣльцы-рантье, въ качествѣ таковыхъ, не вынуждаются взаимной конкуренціей къ накопленію и затратѣ капиталовъ въ производство, то въ томъ или другомъ видѣ они будутъ ее потреблять. Для удовлетворенія потребностей всѣхъ тѣхъ непроизводительныхъ группъ населенія, которыя удовлетворяютъ потребности землевладѣльцевъ и примитивныя потребности крестьянъ, или будетъ существовать промышленность, въ которой будетъ происходить медленное накопленіе капитала, или въ обмѣнъ за вывозимые продукты земледѣлія будутъ привозиться продукты обрабатывающей промышленности. И въ томъ и въ другомъ случаѣ расширеніе производства будетъ происходить медленно, такъ какъ производительное потребленіе главной массы населенія— крестьянства не можетъ расширяться.

Мы упростили схему распредѣленія національнаго дохода въ Ирландіи для того, чтобы выяснить основныя тенденціи развитія хозяйства при такихъ условіяхъ.

Возьмемъ другую страну—Францію, богатую накопленнымъ капиталомъ, не эксплуатируемую въ такихъ размѣрахъ крупнымъ землевладѣніемъ.

Здѣсь значительная доля національнаго дохода затрачивается на содержаніе государственнаго механизма и, въ первую очередь, на армію. Изъ государственнаго бюджета только небольшая часть затрачивается производительно на образованіе, на всякаго рода техническія улучшенія и т. д.

Такъ какъ государственные налоги главной своей тяжестью ложатся на производительные классы, а не на капиталъ, то потребленіе этихъ классовъ мало расширяется, а въ связи съ этимъ мало

расширяется и производство средствъ производства для внутренняго рынка.

Переложеніе государственныхъ расходовъ на производительные классы и незначительная доля участія въ несеніи налоговъ крупнаго капитала облегчаетъ его накопленіе, но вызванное этимъ переложеніемъ относительное сокращеніе внутренняго рынка затрудняетъ накопляющемуся капиталу возможность реализоваться въ производствѣ, въ промышленности. Поэтому французскіе капиталисты значительную часть своего капитала и доходовъ помѣщаютъ въ рентныя бумаги, главнымъ образомъ во внѣшніе займы. Такимъ образомъ, несмотря на то, что капиталъ во Франціи накопляется довольно быстро, это накопленіе не ведетъ къ соотвѣтственно быстрому развитію народнаго хозяйства.

Капиталисты-рантье, получая фиксированный доходъ, затративши свой капиталъ въ рентныя бумаги, являются такими же рантье, какъ и англійскіе лорды въ Ирландіи. Ихъ личное непроизводительное потребленіе можетъ поглощать значительную долю національнаго дохода, но это потребленіе является минусомъ въ народномъ хозяйствѣ, такъ какъ сокращаетъ долю производительнаго (съ хозяйственной точки зрѣнія) потребленія.

Благодаря внутреннимъ и внѣшнимъ займамъ воюющихъ въ настоящее время странъ, мыслимо такое положеніе, при которомъ вся та доля національнаго дохода, которая раньше шла въ „фондъ накопленія" для расширеннаго воспроизводства, превратится въ денежную ренту, пойдетъ на уплату процентовъ и въ фондъ погашенія государственныхъ займовъ, т.-е. пойдетъ на непроизводительное потребленіе класса денежныхъ рантье. Если при этомъ, по заключеніи мира, не произойдетъ всеобщаго разоруженія, если воюющія теперь страны будутъ продолжать политику „вооруженнаго мира", то всѣ разсужденія о „развитіи производительныхъ силъ" лучше всего совсѣмъ прекратить, такъ какъ никакого развитія при такихъ условіяхъ не можетъ быть...

* * *

Съ точки зрѣнія частно-хозяйственной, распредѣленіе національнаго дохода не имѣетъ никакого значенія. Круппъ можетъ накоплять и накопляетъ капиталъ, расширяетъ свое производство тѣмъ больше, чѣмъ дальше тянется война, чѣмъ больше затрачивается снарядовъ и изнашивается пушекъ. Т.-е., съ точки зрѣнія Круппа,

развитіе производительныхъ силъ происходитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе непроизводительно затрачивается національный капиталъ. Такъ же разсуждаютъ и группы предпринимателей различныхъ отраслей промышленности. Страна можетъ разоряться, ея производительныя силы могутъ стремительно падать, а предприниматели могутъ получать повышенную прибыль (какъ теперь во время войны), накоплять и находить, что производительныя силы страны быстро растутъ.

Точка зрѣнія промышленниковъ очень хорошо формулирована въ цитированномъ выше объемистомъ томѣ—докладѣ о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Указавши въ предисловіи, что „вопросы накопленія" должны стоять „впереди вопросовъ распредѣленія народнаго богатства", что „свобода организаціи отдѣльныхъ лицъ въ кооперативы и хозяйственные союзы и свобода организаціи промышленныхъ предпріятій въ синдикаты должна составлять первую формальную задачу новаго экономическаго строя", докладъ переходитъ къ обсужденію мѣропріятій для развитія отдѣльныхъ отраслей промышленности.

Для развитія сельскаго хозяйства предлагается правительству и земству затратить значительныя средства на агрономическую и просвѣтительную дѣятельность. Если не принимать эти предложенія за пустую словесность, а вскрыть его содержаніе, чего не дѣлаетъ Совѣтъ Съѣздовъ, то содержаніе предложенія противорѣчитъ приведенной выше формулѣ объ отношеніи къ вопросамъ распредѣленія. Вѣдь для развитія сельскаго хозяйства рекомендуется болѣе производительное употребленіе государственныхъ и земскихъ доходовъ; возможное при сокращеніи непроизводительнаго ихъ употребленія.

Другая мѣра, рекомендуемая промышленниками,—интенсификація сельскаго хозяйства вмѣсто расширенія крестьянскаго землевладѣнія, вытекаетъ изъ непониманія авторами доклада условій, опредѣляющихъ систему сельскаго хозяйства. Для интенсификаціи хозяйства прежде всего нужно развитіе производительныхъ силъ страны, развитіе потребностей крестьянскаго населенія и повышеніе ихъ экономическаго уровня. А для этого опять-таки нужно иное распредѣленіе національнаго дохода, и, прежде всего, чтобы крестьянство не разорялось, а обогащалось, чтобы то, что получается въ видѣ налоговъ съ земледѣльческаго населенія, возвращалось для удовлетворенія потребностей того же сельскаго населенія, для развитія его производительныхъ силъ. Рекомендовать же просто интенсификацію сельскаго хозяйства по меньшей мѣрѣ странно...

Для развитія мукомольной промышленности Совѣтъ Съѣздовъ въ первую очередь рекомендуетъ организацію синдиката мукомоловъ. „Безъ органа, объединяющаго интересы всей мукомольной промышленности Россіи, немыслимы какія-либо мѣропріятія по борьбѣ съ конкуренціей на иностранныхъ рынкахъ по усиленію экспорта муки и вообще по завоеванію внѣшнихъ рынковъ для русскаго мукомолья". Мукомолы и вмѣстѣ съ ними Совѣтъ Съѣздовъ не заботятся о расширеніи внутренняго рынка; онъ не упоминаетъ о томъ, что ихъ иностранные конкуренты окрѣпли на развитіи внутренняго рынка. Напротивъ, при недостаточномъ производствѣ для внутренняго рынка мукомолы заботятся только о завоеваніи внѣшняго. Поэтому вторымъ пунктомъ—послѣ организаціи синдиката,—Совѣтъ выставляетъ требованіе: „Установленіе вывозныхъ премій за вывозъ муки на иностранные рынки. Источникомъ премій могутъ служить вывозныя пошлины на отруби", а горожане, при недостаткѣ муки, могутъ питаться и отрубями...

Изъ этой „программы" видно, что Совѣтъ Съѣздовъ лукавитъ, отводя „вопросы распредѣленія." „Накопленіе" Совѣтъ Съѣздовъ рекомендуетъ усилить путемъ „распредѣленія", путемъ субсидированія мукомоловъ за вывозъ муки за счетъ внутренняго потребленія.

Тотъ же принципъ „распредѣленія" проводится Совѣтомъ и въ мѣрахъ содѣйствія винокуренной промышленности. „Первою неотложною обязанностью правительства является выработка способовъ и мѣръ воспособленія владѣльцамъ тѣхъ винокуренныхъ заводовъ, которые при вновь создающихся условіяхъ потребленія спирта должны будутъ закрыть свои заводы". „Эти мѣры должны быть причислены къ расходамъ по ликвидаціи всего казеннаго винно-монопольнаго хозяйства". Далѣе „все дѣло сбыта спирта для техническихъ надобностей должно быть поручено организованнымъ винокуреннымъ заводчикамъ"... „Должна быть оказана финансовая поддержка для образованія особаго общества для изготовленія спиртовыхъ приборовъ" и т. д. Совѣтъ Съѣздовъ не такъ наивенъ, чтобы считать средства казны неисчерпаемымъ источникомъ, чтобы не понимать, что субсидіи являются средствомъ распредѣленія національнаго дохода, что организаціи мукомоловъ, винокуренныхъ заводчиковъ и т. д. прежде всего ставятъ цѣлью усиленіе эксплуатаціи потребителей, т.-е. также распредѣленіе національнаго дохода въ свою пользу.

Для кожевенной промышленности „единственная истинная

помощь, которая можетъ быть здѣсь оказана—это рѣшительное таможенное покровительство; все остальное явится лишъ полумѣрами“. И здѣсь походъ противъ потребителя...

Сахарная промышленность. Указывая на недостатокъ производства для внутренняго рынка, Совѣтъ Съѣздовъ приходитъ къ неожиданному заключенію: „перспективы будущаго позволяютъ надѣяться, что, если ближайшія затрудненія,—именно, нарушеніе правильнаго желѣзнодорожнаго движенія и недостатокъ топлива—будутъ устранены, русская сахарная промышленность займетъ видное мѣсто на международномъ рынкѣ“. Результаты организаціи сахарозаводчиковъ и исключительнаго имъ покровительства, выразившiеся въ сахарномъ голодѣ, не смущаютъ промышленниковъ и заботы ихъ сводятся къ тому, чтобы больше вывозить...

Для лѣсного хозяйства: 1) „Создать условія, благопріятныя для развитія крупныхъ лѣсопромышленныхъ предпріятій. 2) Должны быть отмѣнены въ Германіи (!?) высокія пошлины на разработанный лѣсъ“. Эти глубокомысленныя требованія для развитія производительныхъ силъ Россіи настолько остроумны, что не требуютъ комментарій.

Для развитія каменноугольной промышленности, по мнѣнію Совѣта, необходимы слѣдующія мѣропріятія (мы перечисляемъ только главныя): 1) „Сохраненіе въ силѣ существующихъ таможенныхъ пошлинъ на уголь и коксъ и повышеніе ставокъ на ввозимые къ намъ побочные продукты нѣдръ земли (2-й пунктъ) и то же расширеніе права горнопромышленниковъ на нѣдра въ интересахъ предоставленія большей свободы горной промышленности. 3) Вмѣшательство государственной власти въ арендныя отношенія между собственниками земель и углепромышленными предпріятіями въ Донецкомъ бассейнѣ въ цѣляхъ принудительнаго регулированія этихъ отношеній“.

Если вдуматься въ эти три первые пункта „программа для развитія производительныхъ силъ Россіи“, то не трудно увидѣть, что она сводится къ перераспредѣленію дохода между населеніемъ и горнопромышленниками въ пользу послѣднихъ. А именно: обложеніе потребителей въ пользу горнопромышленниковъ (1-й пунктъ) путемъ таможенныхъ пошлинъ, расширеніе права горнопромышленниковъ на ренту отъ эксплуатаціи нѣдръ земли (2-й пунктъ) и тоже расширеніе права горнопромышленниковъ на счетъ землевладѣльцевъ Донецкаго района.

Передача ренты за право собственности на нѣдра земли мѣстному самоуправленію или государству имѣла бы большое значеніе для развитія производительныхъ силъ страны, если бы эта рента пошла на культурныя потребности, но передача ренты отъ землевладѣльцевъ горнопромышленникамъ явится просто замѣной одного рантье другимъ.

Въ нефтяной промышленности „одинъ вопросъ является назрѣвшимъ и насущнымъ и требующимъ незамедлительнаго разсмотрѣнія. Вопросъ этотъ земельный и сводится къ задачѣ снабженія нефтяной промышленности имѣющимися въ распоряженіи казны нефтяными землями для добычи нефти и подготовки, путемъ развѣдокъ того нефтяного земельнаго фонда, который долженъ обезпечить дальнѣйшее развитіе промышленности". И здѣсь повторяется старый рецептъ для „развитія производительныхъ силъ", чтобы нефтепромышленникамъ было „дадено".

Для расширенія добычи мѣди „основнымъ, хотя и косвеннымъ условіемъ для успѣшнаго развитія мѣдной промышленности слѣдуетъ признать достаточную таможенную защиту отраслей, для которыхъ мѣдь является главнымъ сырымъ матеріаломъ".

Для металлургической промышленности необходимы слѣдующія важнѣйшія мѣры:

1) „Строго покровительственная система и охрана соотвѣтствующими таможенными пошлинами какъ сырья, такъ и готоваго продукта".

2) „Геологическія обслѣдованія за счетъ государства мѣсторожденій желѣзной руды и углей".

3) „Развитіе рельсовыхъ и водныхъ путей" и т. д.

Для машиностроенія, кромѣ указанныхъ мѣръ для развитія металлургіи, повышеніе таможенныхъ ставокъ, основанныхъ на принципѣ дифференціаціи пошлинъ по вѣсу машинъ, поддержка правительствомъ планомѣрными заказами и кредитомъ, реорганизація техническаго образованія, спеціализація производства заводовъ и установленіе типа машинъ для массоваго производства.

Для льняной и хлопчатобумажной промышленности, для химической промышленности рекомендуется таможенная защита.

Для писчебумажной промышленности: 1) обложеніе вывозною пошлиною въ большемъ размѣрѣ чѣмъ въ настоящее время необработаннаго лѣса. 2) „Улучшить" условія пользованія казен-

ными лѣсами увеличеніемъ срока аренды и пониженіемъ таксы на дерево. 3) Улучшить водные пути и т. д.

Мы не будемъ далѣе перечислять различныя отрасли промышленности, такъ какъ всюду слѣдуетъ однообразное повтореніе мотива взять что-нибудь или отъ казны, но главнымъ образомъ отъ потребителя путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ, субсидированія казной, казенными заказами и т. д., т.-е. путемъ распредѣленія національнаго дохода въ пользу промышленниковъ.

* *

Чѣмъ же объясняется очевидное противорѣчіе предисловія къ докладу Совѣта Съѣздовъ, гдѣ говорится, что вопросы накопленія стоятъ впереди вопросовъ распредѣленія народнаго богатства, съ содержаніемъ самаго доклада, въ которомъ только и говорится о распредѣленіи народнаго богатства въ пользу промышленниковъ?

Не трудно догадаться, что это противорѣчіе объясняется нежеланіемъ авторовъ доклада вскрыть истинную природу тѣхъ требованій, которыя предъявляются для развитія производительныхъ силъ страны.

Несомнѣнно, что для развитія производительныхъ силъ страны требуется увеличеніе производительныхъ расходовъ, увеличеніе затратъ на производительное потребленіе, на заработную плату, на увеличеніе средствъ и орудій производства, перевозки продуктовъ и т. д. Но изъ даннаго наличнаго національнаго богатства увеличеніе производительнаго потребленія возможно только путемъ сокращенія непроизводительнаго потребленія, перераспредѣленія національнаго дохода въ этой области соціальныхъ отношеній. Для промышленниковъ этотъ путь неудобенъ не только потому, что онъ можетъ затронуть значительную часть ихъ доходовъ, затрачиваемыхъ непроизводительно, но и потому, что онъ требуетъ пересмотра существующихъ соціально-политическихъ отношеній.

Гораздо легче, если не для развитія производительныхъ силъ, то для повышенія прибыли предпринимателей другой путь, путь перераспредѣленія національнаго дохода въ пользу предпринимателей, проводимаго подъ чрезвычайно удобнымъ предлогомъ развитія производительныхъ силъ страны.

Такъ какъ обложеніе потребителя въ пользу предпринимателей, лежащее въ основѣ требованій промышленниковъ, ведетъ къ сокращенію внутренняго рынка, такъ какъ этотъ испытанный путь уже

привелъ къ тому, что теперь особенно настойчиво ставится вопросъ о развитіи производительныхъ силъ, такъ какъ, несмотря на покровительство промышленности путемъ обложенія потребителей, страна пришла къ тупику, къ опасности полной остановки ея хозяйственнаго развитія, то призывы продолжать итти тѣмъ же путемъ, очевидно, не имѣютъ цѣлью содѣйствовать экономическому развитію страны, а ставятъ другую цѣль—сохранить и даже повысить норму прибыли предпринимателей итти старымъ путемъ и больше ничего. По крайней мѣрѣ, ничего не даетъ докладъ Совѣта Съѣздовъ, такъ какъ онъ не указываетъ, какимъ образомъ возможно увеличить производительное потребленіе на счетъ непроизводительнаго.

На этотъ старый путь призываетъ Совѣтъ Съѣздовъ и своимъ утвержденіемъ, что государство русское призвано къ міровымъ политическимъ задачамъ, поглощающимъ его дѣятельность, т.-е. къ тѣмъ завоевательнымъ задачамъ, къ которымъ призываетъ воинствующій націонализмъ, къ завоеванію новыхъ территорій и къ расширенію иностранныхъ рынковъ. На расширеніи иностраннаго рынка настаиваютъ „программы“ почти каждой изъ перечисленныхъ группъ промышленниковъ. Даже предъявляется требованіе, чтобы Германія понизила пошлины...

Это стремленіе къ расширенію внѣшняго, вмѣсто огромнаго внутренняго рынка, неизбѣжно требуетъ увеличенія непроизводительныхъ расходовъ, постоянной и напряженной агрессивной политики. „Великодержавность“ въ устахъ промышленниковъ, — это милитаризмъ и связанные съ нимъ расходы, ибо только такимъ путемъ промышленники могутъ „расширять“ внѣшній рынокъ для продуктовъ отсталой промышленности, не базирующей на развитой внутренній рынокъ. А о развитіи внутренняго рынка промышленники и не упоминаютъ, ибо это противорѣчило бы всей ихъ программѣ, основанной на сокращеніи покупательной способности населенія, на обложеніи его новыми данями ради повышенія предпринимательской прибыли. И предприниматели, какъ таковые, не могли иначе ставить вопроса...

Но современное хозяйство страны находится въ такомъ положеніи, что ради самосохраненія, ради сохраненія промышленности, приходится думать о дѣйствительномъ развитіи производительныхъ силъ, а не о повышеніи прибыли отдѣльныхъ группъ предпринимателей за счетъ потребителей или рабочихъ. Требуется широкій кругозоръ и правильное пониманіе интересовъ развитія народнаго хозяй-

ства. Этого пониманія нѣтъ у промышленниковъ, даже съ точки зрѣнія ихъ интересовъ не какъ узкихъ группъ, заинтересованныхъ въ повышеніи прибыли своихъ предпріятій, а какъ представителей крупной буржуазіи. Въ экономической литературѣ, къ сожалѣнію, также не видно широкой и правильной постановки этого вопроса, хотя онъ и сталъ теперь самымъ „моднымъ".

* *
*

Мы разсмотрѣли точку зрѣнія промышленниковъ на развитіе производительныхъ силъ и нашли ее несостоятельной, такъ какъ ею совершенно не затрагивается современный процессъ распредѣленія національнаго дохода и, подъ вліяніемъ его, процессъ распредѣленія производительныхъ силъ страны. Значеніе распредѣленія національнаго дохода и, въ связи съ нимъ распредѣленія производительныхъ силъ страны, недостаточно оцѣнивалось не только буржуазными экономистами, но и соціалистами, поскольку они исходили изъ анализа развитія капитализма въ первую эпоху его развитія.

Классическая политическая экономія, а вслѣдъ за ней и соціалисты, разсматривали развитіе хозяйства въ процессѣ развитія индустріи, при условіи, что накопляющійся капиталъ идетъ на расширенное воспроизводство. Взаимная конкуренція предпринимателей волей-неволей побуждаетъ ихъ затрачивать накопленный капиталъ на расширенное воспроизводство, т.-е. содѣйствовать развитію производительныхъ силъ, а содержаніе государственнаго механизма, государственный бюджетъ еще не ложился такой тяжестью на народное хозяйство, какъ въ настоящее время. Классъ денежныхъ рантье еще игралъ ничтожную роль и ихъ доля въ національномъ доходѣ была незначительной. Конкуренція предпринимателей была единственной движущей силой, которая толкала общество къ развитію его производительныхъ силъ.

Эта сторона капиталистическаго строя давала основаніе защитникамъ капитализма доказывать, что капитализмъ благодаря конкуренціи лучше, чѣмъ какая-либо другая организація хозяйства, обезпечиваетъ развитіе производительныхъ силъ страны, а слѣдовательно и ея экономическое развитіе. Исходя изъ этого, и соціалисты полагали, что не то или другое распредѣленіе національнаго дохода обезпечиваетъ экономическое развитіе страны, а механическій процессъ накопленія капитала въ производствѣ. Потому что производство для непроизводительнаго потребленія въ первой половинѣ XIX столѣтія

играло меньшую роль, чѣмъ въ концѣ XIX и въ началѣ текущаго столѣтія, и, въ особенности, чѣмъ теперь во время войны.

Выше мы упоминали, что до второй половины XIX вѣка процессъ накопленія капитала и увеличеніе производительной его затраты производились буржуазіей, между тѣмъ какъ земельное дворянство, получая земельную ренту, затрачивало ее непроизводительно. Накопленіе капитала въ рукахъ буржуазіи, такимъ образомъ, дало толчокъ развитію производительныхъ силъ и это развитіе происходило тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большая доля изъ національнаго дохода изъ рукъ дворянства переходила въ руки или промышленной буржуазіи, или крестьянства. Борьба за власть буржуазіи и дворянства въ Западной Европѣ была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой и за распредѣленіе національнаго дохода, за стремленіе буржуазіи частично сократить непроизводительные расходы.

Поэтому демократія поддерживала и поддерживаетъ буржуазію, поскольку она шла этимъ путемъ. Въ программѣ классовой демократіи вопросъ о распредѣленіи національнаго дохода имѣлъ извѣстное мѣсто—напримѣръ, требованіе прогрессивнаго подоходнаго налога, борьба за повышеніе заработной платы и вообще за улучшеніе положенія рабочихъ,—но онъ не стоялъ въ той плоскости, въ какую теперь ставится благодаря росту непроизводительнаго потребленія. Тогда опасности замедленія и даже остановки экономическаго развитія отъ роста непроизводительнаго потребленія еще не было, буржуазія, казалось, сама исполнитъ задачу экономическаго развитія страны, благодаря экономическимъ условіямъ капиталистическаго строя, благодаря закону конкуренціи.

Программныя требованія даже въ плоскости распредѣленія національнаго дохода представлялись требованіями защиты одного класса, а не защиты самыхъ основъ общественнаго прогресса, хотя они попутно вели къ тому же. Теперь вопросъ о распредѣленіи національнаго дохода, о сокращеніи непроизводительнаго потребленія встаетъ какъ вопросъ всей демократіи, какъ вопросъ ея самосохраненія.

Уроки войны пока ничему не научили представителей интересовъ капитала и всѣхъ защитниковъ современнаго экономическаго уклада жизни.

Даже представители демократіи, разсуждая о развитіи производительныхъ силъ, не видятъ тѣхъ главныхъ препятствій, которыя стоятъ на пути этому развитію. Вполнѣ правильно указывается да-

же Совѣтомъ Съѣздовъ, а болѣе демократическими элементами особенно подчеркивается—что необходимо развитіе образованія, необходимо улучшеніе техники и вообще увеличеніе производительныхъ затратъ со стороны государства и общественныхъ организацій. Но откуда это взять? Вѣдь изъ имѣющагося въ странѣ національнаго дохода можно увеличить производительное потребленіе только на счеть непроизводительнаго, такъ какъ можно брать только изъ того, что имѣется. Дальнѣйшее сокращеніе потребленія широкихъ массъ невозможно, такъ какъ это ведетъ къ паденію производительныхъ силъ.

Война пока вызвала въ широкихъ кругахъ населенія желаніе, чтобы на будущее время не повторялись такіе же ужасы, вызвала желаніе предотвратить на будущее время войны. Но непроизводительное потребленіе начало расти задолго до войны, а въ дальнѣйшемъ при колоссальныхъ государственныхъ долгахъ и при сохраненіи „вооруженнаго мира" непроизводительное потребленіе грозитъ поглотить весь приростъ національнаго дохода, грозитъ создать положеніе, которое было накакунѣ развитія капитализма.

Такимъ образомъ, вопросъ о развитіи производительныхъ силъ въ рамкахъ капиталистическаго строя ставитъ на очередь вопросъ, во 1) о максимальномъ сокращеніи рентныхъ доходовъ не только землевладѣнія, но и денежнаго капитала, поскольку эти доходы не базируются на производствѣ *); 2) о максимальномъ обложеніи непроизводительныхъ частныхъ расходовъ и 3) о сокращеніи непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ, въ особенности связанныхъ съ завоевательными стремленіями тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ, т.-е. вопросъ о разоруженіи.

Между тѣмъ даже пацифисты, ведущіе горячую агитацію противъ войны, не говорятъ или говорятъ неохотно о всеобщемъ разоруженіи, которое, сокративши непроизводительное потребленіе, можетъ спасти Европу отъ экономическаго регресса и отъ всеобщаго варварства, а предлагаютъ устранить войны путемъ установленія международнаго трибунала. Тѣмъ не менѣе противъ воли кого бы то ни было вопросъ о распредѣленіи національнаго дохода былъ поставленъ войной. Первый опытъ государственнаго вмѣшательства

*) Съ этой точки зрѣнія, вопросы о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, о повышеніи заработной платы, объ улучшеніи положенія труда и т. д. являются частицами общаго вопроса о распредѣленіи національнаго дохода и болѣе производительнаго его потребленія.

въ хозяйственную жизнь въ сторону перераспредѣленія національнаго дохода и перераспредѣленія производительныхъ силъ, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ правящимъ классамъ.

Въ сущности, какъ при зарожденіи капиталистическаго строя, такъ и въ эпоху наибольшаго обостренія частнопредпринимательной конкуренціи вмѣшательство государства въ распредѣленіе національнаго дохода не прекращалось. Прежде всего самое веденіе государственнаго хозяйства, система обложенія налогами и т. д. являлись организаціей перераспредѣленія національнаго дохода въ сторону непроизводительнаго потребленія. Ростъ милитаризма и, наконецъ, война доводятъ непроизводительное потребленіе до такихъ размѣровъ, что въ настоящее время является опасность остановки развитія производительныхъ силъ.

Съ другой стороны, организаціи предпринимателей, стараясь устранить взаимную конкуренцію, увеличить свою прибыль, не столько на счетъ расширенія производства и внутренняго рынка, сколько на счетъ эксплуатаціи потребителей, также угрожаютъ развитію производительныхъ силъ. Уже теперь нерѣдко организованные предприниматели сокращаютъ производство и даже уничтожаютъ товары, чтобы повысить свою предпринимательскую прибыль.

Наконецъ, совмѣстными усиліями государства и предпринимателей развитіе производительныхъ силъ задерживается для увеличенія нормы прибыли путемъ запретительныхъ пошлинъ, нормировки производства и т. д. и т. д. Послѣдній шагъ Германіи на этомъ пути,— введеніе принудительнаго труда, мобилизація всѣхъ рабочихъ силъ,— каторжный соціализмъ является завершеніемъ системы вмѣшательства государственной власти въ распредѣленіе національнаго дохода и производительныхъ силъ страны въ сторону расширенія непроизводительнаго потребленія *). Передъ народнымъ хозяйствомъ европейскихъ странъ стоитъ опасность затрачивать непроизводительно путемъ уплаты ренты за займы и на милитаризмъ всю ту часть національнаго дохода, которая раньше шла на расширенное воспроизводство. Чтобы избѣжать этого, приходится расширять производство на счетъ сокращенія потребленія производительныхъ классовъ и на счетъ усиленія ихъ эксплуатаціи. Такую тенденцію проявляютъ, напримѣръ,

*) Изъ этихъ краткихъ замѣчаній видно, что опасность для народнаго хозяйственнаго развитія грозитъ не съ той стороны, на которую указываетъ Гильфердингъ, хотя указанныя имъ опасности составляютъ часть того явленія, на которое мы указали.

русскіе промышленники въ лицѣ Совѣта Съѣздовъ, разсчитывающіе увеличить прибыль путемъ увеличенія вывоза на счетъ сокращенія внутренняго потребленія. Въ Германіи каторжный соціализмъ въ видѣ принудительнаго труда является попыткой расширить производство принудительнымъ трудомъ, сохраняя колоссальное непроизводительное потребленіе. Эта попытка теперь господствующими классами оправдывается тамъ военными потребностями, при чемъ „жертвы“ требуются отъ всего населенія, кромѣ предпринимателей, которые отъ этихъ жертвъ получаютъ огромныя прибыли.

Совѣтъ Съѣздовъ требуетъ жертвъ съ стороны государства и всего населенія въ пользу предпринимателей, даже не во имя потребностей военнаго времени, а послѣ войны, во имя развитія производительныхъ силъ. Очень удобно это модное теперь слово!.

* * *

Что же противопоставляютъ охарактеризованнымъ нами тенденціямъ промышленныхъ круговъ представители демократіи? Выше мимоходомъ мы указали, что соціалистическіе писатели разсматривали развитіе производительныхъ силъ какъ стихійный процессъ, вытекающій изъ существа капиталистическихъ отношеній. Предполагали, что этотъ процессъ приведетъ къ крушенію капитализма, такъ какъ развитіе производительныхъ силъ встанетъ въ противорѣчіе съ тѣми рамками, въ которыхъ онъ происходитъ. Поэтому организованнаго вмѣшательства въ процессъ распредѣленія національнаго дохода не проектировалось, хотя частичное вмѣшательство программа минимумъ и допускала. Процессъ назрѣванія противорѣчій капиталистическаго строя развитію производительныхъ силъ предоставлялся самому себѣ.

Теперь когда существуетъ опасность остановки хозяйственнаго развитія или его замедленія подъ вліяніемъ неблагопріятнаго распредѣленія національнаго дохода, естественно ставится вопросъ, назрѣли ли противорѣчія капитализма до такой степени, что онъ неизбѣжно теперь же смѣнится другими экономическими отношеніями, или капитализмъ и при такихъ условіяхъ можетъ нѣкоторое время существовать? Если въ Германіи, допустимъ, эти условія назрѣли, то можно ли то же сказать о болѣе отсталыхъ странахъ? А вѣдь въ нихъ также распредѣленіе національнаго дохода угрожаетъ ихъ дальнѣйшему экономическому развитію.

Это послѣднее положеніе не даетъ возможности уклоняться отъ рѣшенія вопроса въ рамкахъ современнаго экономическаго строя, ссылаясь на то, что строй этотъ отжилъ и смѣнится другимъ. Поэтому перечисленные нами вопросы о сокращеніи непроизводительнаго потребленія, о разоруженіи Европы, о сохраненіи всѣхъ видовъ ренты и сокращеніи государственныхъ непроизводительныхъ расходовъ опредѣляютъ возможность дальнѣйшаго прогресса, дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ.

Непроизводительное потребленіе огромной части національнаго дохода въ воюющихъ странахъ во время войны неизбѣжно поставило вопросъ о непроизводительномъ потребленіи и о распредѣленіи національнаго дохода въ видѣ продовольственной проблемы. Поэтому проблема перераспредѣленія національнаго дохода встала передъ населеніемъ, какъ вопросъ о его существованіи. То, что теоретически мыслимо, какъ опасность дальнѣйшему прогрессу человѣчества, встаетъ передъ населеніемъ въ видѣ продовольственной проблемы, къ которой мы и перейдемъ.

II

Продовольственный вопросъ

Съ самаго начала своего возникновенія война поставила передъ правящими классами воюющихъ странъ очень трудную, почти неразрѣшимую, задачу, покрыть огромные расходы, вызванные войной, безъ уменьшенія не только основного капитала, находящагося въ рукахъ этихъ классовъ, но и безъ уменьшенія прибыли, получаемой капиталомъ.

Въ извѣстной степени эта трудная задача была рѣшена. Основной капиталъ наиболѣе крупныхъ предпріятій и въ земледѣліи и въ индустріи едва ли значительно сократился, а военная прибыль даже въ огромной степени возросла.

Если бы война продолжалась недолго, то, вѣроятно, рѣшеніе указанной задачи ничѣмъ не осложнилось бы. Какъ въ мирное время главную тяжесть милитаризма и государственныхъ расходовъ несла на себѣ масса населенія, облагаемая косвенными налогами, такъ и экстраординарные расходы войны могли быть переложены и перелагались на тѣхъ же плательщиковъ, хотя и въ иной формѣ. Но продолжительность войны и огромные расходы, связанные съ нею,

затруднили указанную нами задачу; ея предстоящее рѣшеніе не такъ просто, какъ кажется на первый взглядъ.

Какъ выше замѣчено, методъ рѣшенія задачи покрытія огромныхъ государственныхъ расходовъ, связанныхъ съ войной, по существу остался тотъ же, что и до войны, хотя по формѣ рѣзко отличался.

Во всѣхъ воюющихъ странахъ государство затрачивало на военныя потребности прежде всего тѣ средства, которыя получались и въ мирное время съ массы населенія, главнымъ образомъ, въ видѣ налоговъ. Такъ какъ этихъ средствъ было слишкомъ недостаточно, то для покрытія военныхъ расходовъ предстояло или обложить имущіе классы дополнительными очень высокими налогами — повысить обложеніе неимущихъ классовъ было невозможно, такъ какъ ихъ налогоплатежная способность была исчерпана уже въ мирное время— или покрывать расходы займами и выпусками бумажныхъ денегъ.

Обложеніе имущихъ классовъ, т.-е. самообложеніе правящихъ классовъ, не могло значительно повыситься, такъ какъ это противорѣчило бы всему современному укладу экономической и политической жизни. Оно не только поглотило бы значительную часть прибыли и ренты, но отчасти захватило бы и основной капиталъ имущихъ классовъ.

Поэтому во всѣхъ воюющихъ странахъ покрытіе военныхъ расходовъ производилось вторымъ путемъ, путемъ внутреннихъ займовъ и выпускомъ бумажныхъ денегъ.

Покрываются ли расходы на войну займами, выпускомъ ли бумажныхъ денегъ, или прямыми налогами на имущество и на доходъ—одинаково, изъ народнаго хозяйства берется настолько большая сумма матеріальныхъ цѣнностей, что происходитъ сокращеніе не только обращающихся на рынкѣ товаровъ, но и основного капитала невозобновляемаго производствомъ. Но при прямомъ обложеніи имущіе классы безвозвратно потеряли бы огромную часть своего дохода и, можетъ быть, даже ту часть основного капитала, которая изнашивается; между тѣмъ какъ благодаря внутреннимъ займамъ они возмѣщаютъ эту потерю правомъ на будущіе государственные доходы, правомъ на значительную часть національнаго дохода, изъ котораго будетъ получаться рента.

Но выпускъ бумажныхъ денегъ, повышая цѣны товаровъ, вслѣдствіе относительнаго увеличенія денежныхъ знаковъ, при сокращеніи товаровъ уже въ настоящее время увеличиваетъ долю владѣльцевъ

товаровъ и всякихъ реальныхъ цѣнностей, различнаго имущества на счетъ потребителей.

Если бы даже не было выпуска бумажныхъ денегъ, то и тогда интенсивное истребленіе войной товаровъ, непроизводительное ихъ потребленіе, увеличивало бы отношеніе металлическихъ денежныхъ знаковъ къ суммѣ товаровъ (золото и серебро не истребляются войной).

Благодаря такой формѣ покрытія военныхъ расходовъ, доходы имущихъ классовъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ категорій не только не сокращаются, но даже увеличиваются на счетъ потребителей. Масса потребителей не только покрываетъ всѣ военные расходы, сокращая свое потребленіе и переплачивая за то, что потребляетъ, но и покрываетъ повышенную прибыль предпринимателей. Чѣмъ больше находится въ обращеніи денегъ, чѣмъ больше новыми денежными знаками покрываются государственные расходы, тѣмъ больше потребители выплачиваютъ не только за эти расходы, но и предпринимателямъ, владѣльцамъ реальныхъ цѣнностей и т. д. Ибо ростъ денежной заработной платы, жалованья, всегда отстаетъ отъ роста цѣнъ. Всѣ общественные классы, которые имѣютъ фиксированный денежный доходъ въ видѣ ли заработка, или въ видѣ денежной ренты, теряютъ, какъ потребители, уплачивая за предметы потребленія болѣе высокія цѣны. Поэтому происходитъ не только сокращеніе потребленія неимущихъ классовъ, но и обѣднѣніе среднихъ классовъ, денежные доходы которыхъ не увеличились.

Постепенное повышеніе цѣнъ товаровъ побуждаетъ товаровладѣльцевъ воздерживаться отъ продажи, такъ какъ удержаніе товаровъ въ своихъ рукахъ уже само по себѣ даетъ прибыль.

Если цѣна товаровъ въ теченіе мѣсяца повышается на 5 %, то удержаніе ихъ и даетъ соотвѣтствующую прибыль. Такимъ образомъ изложенная нами система покрытія военныхъ расходовъ создаетъ на рынкѣ безтоварье, даже при наличности товаровъ въ странѣ. Чѣмъ меньше военные расходы падаютъ на предпринимателей и владѣльцевъ товаровъ, тѣмъ меньше они вынуждаются реализовать свои товары въ деньги, тѣмъ острѣе создается безтоварье.

* * *

Въ Россіи значительная часть косвенныхъ налоговъ падала на крестьянъ. Прекращеніе во время войны продажи питей, а также обезцѣненіе денегъ и повышеніе цѣнъ сельскохозяйственныхъ про-

дуктовъ облегчило налоговое бремя, лежавшее на тѣхъ крестьянахъ, которые являются продавцами сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Теряя, какъ потребители-покупатели, крестьяне выигрываютъ, какъ продавцы.

Слѣдовательно, та часть крестьянъ, которая больше продаетъ, чѣмъ покупаетъ для личнаго потребленія, выигрываетъ отъ вздорожанія жизни такъ же, какъ и другіе собственники. Напротивъ, тѣ крестьяне, которые продаютъ незначительную часть своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и пополняютъ свой бюджетъ заработками, теряютъ отъ вздорожанія и покрываютъ прибыли болѣе крупныхъ собственниковъ, такъ же, какъ и городскіе потребители.

Создается своеобразная система распредѣленія тягостей войны между различными категоріями населенія.

При увеличеніи государственныхъ расходовъ часть населенія, несомнѣнно, обогащается, при чемъ на ряду съ промышленниками и землевладѣльцами происходитъ обогащеніе и нѣкоторой части крестьянства.

Сельскохозяйственная перепись показала, что, несмотря на колоссальное потребленіе арміей хлѣба, мяса и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, предметовъ продовольствія въ странѣ имѣется достаточно. Благодаря прекращенію вывоза хлѣба — увеличеніе потребленія арміи, повидимому, покрывается той долей, которая вывозилась.

Абсолютное количество рогатаго скота увеличилось въ странѣ при интенсивномъ ростѣ числа телятъ.

Что это значитъ? Это значитъ, что крестьяне и землевладѣльцы выкармливаютъ и выпаиваютъ молокомъ телятъ въ тотъ моментъ, когда увеличивается спросъ на молоко, масло и сыръ. Воспитаніе телятъ происходитъ на счетъ воспитанія дѣтей горожанъ. Землевладѣльцы и крестьяне меньше сбываютъ на рынокъ молока, масла и сыру, потому что больше потребляютъ телята. Создается во время войны то парадоксальное положеніе, которое гораздо раньше отмѣчалось въ Германіи. Тамъ свиньи потребляли тотъ картофель, котораго недоставало людямъ. У насъ телята выпиваютъ то молоко, котораго недостаетъ дѣтямъ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ парадоксальное положеніе, созданное чрезвычайными обстоятельствами, оправдывалось необходимостью сохранить неприкосновеннымъ основной капиталъ, тотъ фондъ сельскохозяйственнаго производства, который необходимъ для дальнѣйшаго экономическаго развитія. Но, благодаря изложен-

ному выше распредѣленію національнаго дохода, со стороны обогащающейся части сельскохозяйственнаго населенія происходитъ не только возстановленіе этого фонда, но и увеличеніе его, такъ какъ абсолютное количество скота возросло, и возросло за счетъ потребленія населенія, главнымъ образомъ, городского.

Борьба за новое повышеніе твердыхъ цѣнъ является борьбой за дальнѣйшее перемѣщеніе національнаго дохода въ указанномъ направленіи, за дальнѣйшее расширеніе воспитанія телятъ на счетъ ребятъ, которое неизбѣжно обострить кризисъ.

Очевидно, въ основѣ продовольственнаго кризиса лежитъ процессъ распредѣленія національнаго дохода, а не та или другая система организаціи обмѣна, или распредѣленія продовольственныхъ продуктовъ.

Напримѣръ, весной 1916 года твердыя цѣны на мясо были назначены не только много выше рыночныхъ на него цѣнъ, но значительно превышали высокій ростъ цѣнъ на другіе сельскохозяйственные продукты, напримѣръ, на рожь. Такимъ образомъ, было нарушено существовавшее раньше соотношеніе цѣнъ между сельскохозяйственными продуктами, и выкормка скота оказалась наиболѣе выгодной изъ другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Благодаря этому, крестьянами и сельскими хозяевами въ районахъ, сбывавшихъ молоко, начинается усиленное воспитаніе телятъ на счетъ сокращенія сбыта молока въ города. Предложеніе молока для дѣтей сокращается и выкормка телятъ начинаетъ происходить на счетъ „выкормки" ребятъ.

Сторонниками „развитія производительныхъ силъ сельскаго хозяйства" такое направленіе распредѣленія національнаго дохода оправдывается тѣмъ, что размноженіе скота необходимо для интенсификаціи земледѣльческаго хозяйства. Съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяина, это, конечно, справедливо, но съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ страны удобреніе земли путемъ увеличенія дѣтской смертности вовсе не выгодно и люди, съ этой точки зрѣнія, цѣннѣе телятъ...

Распредѣленіе имѣющихся налицо продовольственныхъ продуктовъ имѣетъ, разумѣется, большое значеніе, но оно вноситъ лишь нѣкоторое смягченіе въ продовольственный кризисъ, созданный даннымъ распредѣленіемъ національнаго дохода. Продовольственныя карточки, напримѣръ, на молоко, сыръ и масло, конечно, будутъ полезны для распредѣленія того, что остается отъ потребленія те-

лять; но, если полагать надежды на карточки, то, для уравненія правъ на потребленіе дѣтей съ телятами, слѣдуетъ и послѣднихъ снабжать карточками. Ибо безъ этого грозитъ опасность, что все молоко будетъ скармливаться телятамъ, размноженіе которыхъ въ настоящее время превышаетъ размноженіе дѣтей...

Повидимому, иной характеръ имѣетъ кризисъ, вызванный недостаткомъ предметовъ добывающей и обрабатывающей промышленности, недостатокъ сахару, одежды, обуви и т. д. Такъ какъ предметы обрабатывающей промышленности не вывозились, то увеличеніе непроизводительнаго потребленія, вызваннаго войной, должно было повести къ абсолютному недостатку предметовъ обрабатывающей промышленности.

Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, существуетъ значительная разница между недостаткомъ перечисленныхъ товаровъ и продовольственнымъ кризисомъ.

Въ области потребленія продуктовъ добывающей и обрабатывающей промышленности, при абсолютномъ сокращеніи товаровъ могло бы имѣть большое значеніе уравнительное распредѣленіе потребленія, хотя производство ихъ могло быть расширено при иномъ распредѣленіи производительныхъ силъ и національнаго дохода (напр., при сокращеніи непроизводительныхъ затратъ труда прислуги и т. п.). Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности абсолютный недостатокъ товаровъ былъ выгоденъ для предпринимателей именно благодаря тому, что повышеніе цѣнъ вслѣдствіе этого недостатка давало большую прибыль. Уже въ 1915 году было констатировано сокращеніе добычи угля углепромышленниками въ цѣляхъ вздутія цѣнъ на каменный уголь. А недостатокъ топлива отразился и на другихъ отрасляхъ промышленности.

При иномъ распредѣленіи національнаго дохода, если бы ставились задачи расширеннаго производства тѣхъ продуктовъ, которыхъ теперь недостаточно, имѣющіяся наличныя рабочія силы могли бы удовлетворить наличную потребность въ тѣхъ продуктахъ, которыхъ недостаетъ. У насъ въ настоящее время нѣтъ статистики лицъ, которыя заняты въ Россіи личными услугами отдѣльнымъ лицамъ и семействамъ, но, во всякомъ случаѣ, ихъ число превышаетъ милліонъ душъ обоего пола. Это огромное количество рабочихъ рукъ не находитъ мѣста въ производствѣ, исключительно благодаря распредѣленію національнаго дохода такимъ образомъ, что для прислуги работать въ предпріятіяхъ менѣе выгодно, чѣмъ въ услуженіи у част-

ныхъ лицъ. Если бы даже лица, пользующіяся личными услугами спеціально нанятыхъ ими людей, платили за это повышенный налогъ, то и при такихъ условіяхъ количество производительнаго труда рѣзко увеличилось бы на счетъ непроизводительнаго. Т.-е. относительный недостатокъ продуктовъ обрабатывающей промышленности, вызванный яко бы недостаткомъ рабочихъ рукъ, въ сущности обусловливается охарактеризованнымъ нами распредѣленіемъ національнаго дохода.

Мы далеки отъ утопій, далеки отъ ожиданія того, чтобы при современныхъ условіяхъ какими-нибудь мѣрами, или путемъ убѣжденія можно было заставить патріотичныхъ богатыхъ дамъ отпустить прислугъ на производительную работу, а самимъ встать въ хвостахъ передъ продовольственными лавками, или ожидать, чтобы предпринимателей можно было заставить при настоящихъ условіяхъ расширить производство путемъ привлеченія лицъ, занятыхъ непроизводительнымъ трудомъ.

Мы имѣли въ виду лишь найти причины продовольственнаго кризиса, которыя коренятся не только въ томъ, что война требуетъ огромнаго непроизводительнаго потребленія, но и въ распредѣленіи національнаго дохода, а въ связи съ нимъ и производительныхъ силъ, не отвлеченныхъ войной.

Во всякомъ случаѣ въ области потребленія не продовольственныхъ продуктовъ, а продуктовъ обрабатывающей промышленности, гдѣ имѣется абсолютный ихъ недостатокъ, правильное и равномѣрное распредѣленіе между потребителями должно бы играть большую роль. Но какъ разъ въ сферѣ распредѣленія этихъ продуктовъ (за исключеніемъ сахара, который относится къ предметамъ продовольствія) совершенно не дѣлается попытокъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія, въ расчетѣ, что потребители ограничатъ свои потребности. И, дѣйствительно, непродовольственныя потребности очень доступны сжиманію и недостатокъ обуви, одежды и проч. не такъ чувствителенъ, какъ недостатокъ продовольствія, создаваемый существующимъ распредѣленіемъ національнаго дохода.

Одинъ изъ ораторовъ Государственной Думы, г. Шингаревъ, говоря о продовольственномъ дѣлѣ, замѣтилъ: „война сама по себѣ есть великое принудительное начало и чѣмъ шире оно идетъ, тѣмъ шире и неизбѣжнѣе начало принужденія... Насталъ моментъ „съ этого мѣста сказать народу: насталъ моментъ жертвовать“... и народъ способенъ жертвовать.

Но этотъ же ораторъ, защищая выпускъ бумажныхъ денегъ, предъявлялъ и предъявляетъ свои требованія къ неимущимъ и малоимущимъ классамъ.

Передъ народнымъ хозяйствомъ, дѣйствительно, стоитъ опасность — она еще стояла задолго до войны, вслѣдствіе непроизводительныхъ затратъ,—остановки экономическаго развитія страны. Въ настоящее время эта опасность обострилась продовольственнымъ кризисомъ и возможностью увеличенія непроизводительныхъ затратъ послѣ войны путемъ превращенія государственнаго дохода въ денежную ренту непроизводительныхъ классовъ. Совершенно справедливо, что послѣдствія сложившагося распредѣленія національнаго дохода, сдѣлавшіяся осязательными, теперь, во время войны, требуютъ „принудительнаго начала", но не по отношенію къ неимущимъ, трудовымъ элементамъ общества, а прежде всего въ области распредѣленія національнаго дохода, по отношенію къ тѣмъ группамъ населенія, для которыхъ война послужила средствомъ обогащенія.

Мы уже указали (см. № 1 „Эконом. Обозр."—Запросы жизни"), что обогащаются не только „мародеры тыла", на которыхъ принято сваливать всѣ недостатки распредѣленія національнаго дохода, а обогащаются, вслѣдствіе обезцѣненія денегъ, „механически" всѣ владѣльцы реальныхъ цѣнностей на счетъ потребителей, на счетъ всѣхъ видовъ наемнаго труда и на счетъ владѣльцевъ денежныхъ капиталовъ.

Если бы теперь учесть приростъ цѣнности только недвижимаго капитала, хотя бы сравнительно съ послѣдними его оцѣнками, если бы г. Шингаревъ обратился съ предложеніемъ пожертвовать этимъ незаслуженнымъ приростомъ цѣнностей, который можно считать милліардами рублей, если бы онъ потребовалъ „принудительнаго начала" во имя національной опасности въ этомъ направленіи, то его, конечно, центръ Государственной Думы не одобрилъ бы аплодисментами. Опасность для страны заключается не въ томъ, что продовольственныхъ продуктовъ мало, даже не въ томъ, что организація продовольственнаго дѣла очень плоха,—послѣднее легче наладить. Гораздо опаснѣе то, что въ странѣ не только мало общественныхъ элементовъ, которые сознаютъ опасности, грозящія экономическому ея развитію, и понимаютъ причины, вызвавшія экономическую отсталость страны и современный продовольственный кризисъ, но и совершенно отсутствуетъ освѣщеніе указанной нами стороны народнаго хозяйства, процесса распредѣленія ея національнаго дохода и производительныхъ силъ.

За естественнымъ стремленіемъ экономически сильныхъ общественныхъ группъ отвернуться отъ этого вопроса идутъ и тѣ общественные элементы, въ томъ числѣ и экономическая наука, которые непосредственно не заинтересованы въ существующемъ распредѣленіи національнаго дохода. Пока сознаніе первостепенной важности этой стороны хозяйственной жизни страны не утвердится въ общественномъ мнѣніи ея демократическихъ элементовъ, до тѣхъ поръ вопросъ о разрѣшеніи продовольственнаго кризиса и о развитіи производительныхъ силъ страны не можетъ быть поставленъ на надлежащую почву.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА *)

Въ западно-европейскихъ воюющихъ теперь государствахъ очень большое и серьезное вниманіе привлекаетъ вопросъ о тѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, которыя создаются внутри каждаго государства послѣ войны.

Различные классы общества, сообразно своимъ собственнымъ интересамъ, стремятся подготовиться къ ликвидаціи войны и подготовить соотвѣтствующія соціально-политическія и экономическія отношенія. По мѣрѣ своего разумѣнія общественныя группы стремятся организовать ликвидацію войны, такимъ образомъ, чтобы эта ликвидація не застала врасплохъ страну, не подготовленной, чтобы разрушенія, внесенныя войной въ народно-хозяйственную жизнь, страна пережила по возможности легче. Въ этомъ направленіи общественная мысль въ Германіи и, въ особенности, въ Англіи, повидимому, работаетъ очень интенсивно.

Въ Англіи съ одной стороны рабочіе союзы, съ другой стороны предприниматели и экономисты предвидятъ всѣ трудности для народнаго хозяйства, сопряженныя съ ликвидаціей войны.

Рабочіе во время войны не только увидѣли значеніе рабочаго класса въ общей государственной экономической жизни страны, но и необходимость немедленной перестройки соціально-экономическихъ отношеній въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя: національзація предпріятій въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, контроль рабочихъ въ веденіи частныхъ предпріятій и т. д., ставятся въ ближайшую очередь.

---

*) Статья была написана до революціи.

Даже экономисты, обыкновенно отождествляющіе интересы промышленности съ интересами промышленниковъ, какъ увидимъ, заняты вопросомъ о томъ, чтобы ликвидація войны не отразилась слишкомъ тяжело на положеніи рабочаго класса.

Для характеристики англійскихъ настроеній можетъ служить записка „учрежденія Гартона", во главѣ котораго стоятъ лица, которыхъ нельзя заподозрить въ принадлежности къ пролетаріату: Вальфуръ, лордъ Эшеръ и сэръ Ричардъ Гартонъ, глава крупной промышленной фирмы, пожертвовавшій капиталъ на „учрежденіе" по изученію междугосударственныхъ и междуклассовыхъ отношеній.

Записка предвидитъ, что послѣ заключенія мира, хотя и будетъ много работы, но все же будетъ и страшная безработица вслѣдствіе перемѣщенія промышленной предпріимчивости изъ одной отрасли труда въ другую, въ то время, какъ число лицъ, которыя будутъ искать работы, будетъ на нѣсколько милліоновъ больше, чѣмъ во время войны. Излишекъ рабочихъ рукъ окажется не только вслѣдствіе возвращенія солдатъ, но и потому, что за время войны хозяева научились справляться съ меньшимъ числомъ рабочихъ, сдѣлавъ трудъ интенсивнѣе и вводя разную экономію *).

Составители записки предвидятъ, что при дороговизнѣ продуктовъ, которая не исчезнетъ съ прекращеніемъ войны, при огромномъ увеличеніи государственнаго бюджета и повышеніи налоговъ должно возникнуть недовольство среди народныхъ массъ и предстоятъ серьезные конфликты между трудомъ и капиталомъ.

Въ интересахъ самосохраненія и въ интересахъ дальнѣйшаго развитія народнаго хозяйства авторы записки ищутъ путей къ ослабленію предстоящаго кризиса.

Для ослабленія острой безработицы во время демобилизаціи проектируется организація мѣстныхъ комитетовъ, состоящихъ изъ представителей труда, капитала и министерства промышленности.

Эти комитеты должны взятъ на себя, вмѣстѣ съ центральной организаціей, задачу регулировать и распредѣлять рабочія руки, по мѣрѣ демобилизаціи арміи.

Чтобы избытокъ рабочихъ рукъ не понизилъ заработной платы записка совѣтуетъ правительству воспрещать предпринимателямъ нанимать уволенныхъ солдатъ за болѣе низкую плату противъ зара-

*) С. И. Раппопортъ. Англія послѣ войны „Вѣстн. Фин." № 49, 1916 г.

ботной платы прежнихъ рабочихъ и такимъ образомъ установить минимумъ заработной платы.

Записка проектируетъ цѣлый рядъ государственныхъ мѣръ для ослабленія безработицы, настаиваетъ на расширеніи фабричнаго законодательства для улучшенія положенія рабочихъ.

Записка ставитъ физическое здоровье населенія основой національнаго прогресса промышленнаго и соціальнаго, указывая на необходимость обезпеченія семей рабочихъ извѣстнымъ минимумомъ, дающимъ возможность сохранить здоровье дѣтей, ихъ питаніе и т. д.

Для каждой отрасли промышленности проектируется „объединенный совѣтъ" изъ представителей обществъ хозяевъ и рабочихъ союзовъ, или два отдѣльныхъ союза изъ представителей рабочихъ и представителей промышленниковъ съ третьимъ „высшимъ совѣтомъ контроля", который долженъ превратиться въ высшій національный совѣтъ.

Проектъ, опубликованный „учрежденіемъ Гартона" представляетъ интересъ тѣмъ, что, разсматривая торговопромышленную дѣятельность не какъ частное, а какъ общенаціональное дѣло, исходитъ не изъ рабочихъ круговъ, а изъ круговъ предпринимательскихъ. Признаніе участія представителей рабочихъ въ организаціи, какъ всей національной промышленности, такъ и каждаго отдѣльнаго предпріятія, участія рабочихъ въ организаціи распредѣленія труда во время демобилизаціи и т. д. указываетъ на огромный шагъ впередъ общественнаго мнѣнія въ области соціально-экономическихъ отношеній.

Заботы объ устраненіи тяжелыхъ сторонъ процесса демобилизаціи указываютъ, опять-таки, на то, что промышленные круги Англіи, исходя изъ своихъ интересовъ, стараются избѣжать кризиса, который будетъ вызванъ демобилизаціей.

Разумѣется, эти заботы ничуть не служатъ показателемъ ослабленія классоваго эгоизма, но показываютъ, что предприниматели и экономисты Англіи въ интересахъ экономическаго развитія страны, въ своихъ же собственныхъ интересахъ могутъ встать выше минутныхъ интересовъ отдѣльныхъ предпринимательскихъ группъ, если это угрожаетъ сильными потрясеніями всему народному хозяйству.

* * *

Если принять во вниманіе, что въ Англіи во время войны путемъ прямого обложенія имущихъ классовъ получились огромныя суммы, то нужно признать, что тамъ правящіе классы, подъ да-

вленіемъ рабочихъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, умѣютъ ограничивать свои аппетиты и стараются ослабить то тяжелое положеніе, которое создается войной. Потому что кризисъ, который могъ быть созданъ, напримѣръ, безграничнымъ выпускомъ денегъ или финансовыми затрудненіями, отразился бы на промышленности страны и на ея экономической устойчивости.

У насъ въ Россіи въ этомъ отношеніи общество и въ особенности экономисты проявляютъ необычайную беззаботность.

Единственная общественная группа, которая обнаружила заботу о результатахъ предстоящей демобилизаціи, это органъ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, но эта своеобразная забота указываетъ только, что жажда наживы у нашихъ промышленниковъ побуждаетъ ихъ дѣлать шаги, опасные не только для общества, но и для нихъ же самихъ.

Я указывалъ еще въ августѣ 1916 года *), что по заключеніи мира предстоитъ острый, неизбѣжный кризисъ, вызванный избыткомъ незанятыхъ рабочихъ рукъ. А совѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи предполагаетъ широко организовать доставку желтыхъ рабочихъ для нуждъ промышленности юга, „чтобы, заблаговременно приспособивъ ихъ къ горнымъ работамъ, встрѣтить подготовленнымъ рабочій кризисъ, котораго неминуемо слѣдуетъ ждать послѣ войны **)“. Такимъ образомъ промышленники, при освобожденіи съ фронта милліоновъ рабочихъ рукъ, которымъ придется искать приложенія въ народномъ хозяйствѣ, ожидаютъ недостатка рабочихъ и „предусмотрительно“ заботятся о ввозѣ желтаго труда, заботятся объ искусственномъ сокращеніи мѣста для приложенія труда освободившихся демобилизованныхъ рабочихъ въ русской промышленности.

Запасаться „желтымъ трудомъ“ промышленники находятъ необходимымъ въ виду того, что по заключеніи мира военноплѣнные изъ Россіи будутъ отправлены на свою родину. Такимъ образомъ количество рабочихъ, по мнѣнію промышленниковъ, должно сократиться.

Промышленники при этомъ забыли, что въ Австріи и Германіи имѣются русскіе плѣнные, которые вернутся на родину въ обмѣнъ на австрійскихъ и германскихъ подданныхъ, что съ фронта вернутся

*) См. „Дѣло“ № 2, 1916 г. Неизбѣжный кризисъ.
**) „Промышленность и Торговля“ № 22—23, 1916 г.

рабочіе, которые также будутъ нуждаться въ заработкѣ; что вернувшись на родину съ военной службы и встрѣтивши выписанныхъ дешевыхъ желтыхъ рабочихъ, въ качествѣ конкурентовъ, они будутъ находиться въ самомъ тяжеломъ положеніи.

Даже безъ желтыхъ рабочихъ возвращеніе на родину колоссальнаго количества рабочихъ потребуетъ огромной организаціонной работы для ослабленія предстоящаго рабочаго кризиса.

Кто же у насъ объ этомъ думаетъ и заботится?

Въ настоящее время, во время войны производство базируется въ значительной своей части на военнообязанныхъ и военноплѣнныхъ, т.-е. на подневольномъ трудѣ, который не можетъ повысить заработную плату сообразно вздорожанію жизни. Но что сдѣлано и предполагается сдѣлать для регулированія рабочаго рынка тогда, когда явятся рабочіе по заключеніи мира, когда будетъ неизбѣженъ рабочій кризисъ, вызванный избыткомъ предложенія труда?

Англійскіе промышленники, какъ мы видѣли, стремятся ослабить этотъ кризисъ различными мѣропріятіями. Наши промышленники опасаются другого. Они боятся, что военнообязанные, которые при относительно низкой заработной платѣ работаютъ на фабрикахъ, по заключеніи мира уйдутъ. Поэтому предприниматели стараются обезпечить себя желтымъ трудомъ и такимъ путемъ создать конкурентовъ тѣмъ рабочимъ, которые придутъ съ фронта, и обострить рабочій кризисъ.

Съ каждымъ мѣсяцемъ страна приближается къ моменту демобилизаціи, между тѣмъ въ противовѣсъ безумію предпринимателей, вызванному жаждой высокихъ прибылей, противъ мѣръ, ведущихъ къ обостренію предстоящаго кризиса, со стороны экономистовъ не раздается никакого протеста, не раздается ни одного отрезвляющаго слова. Печать почтительно молчитъ передъ группой промышленниковъ, подготовляющихъ обостреніе кризиса, и ни слова не говоритъ о мѣрахъ, которыя его ослабили бы.

Близорукость русскихъ промышленниковъ, мало задумывающихся надъ дальнѣйшими послѣдствіями своей экономической политики, понятна. Наши промышленные круги не обладаютъ настолько широкимъ кругозоромъ, чтобы предвидѣть послѣдствія кризиса, который они стремятся обострить.

Дешевизна рабочихъ рукъ, вызванная безработицей, увеличитъ прибыль—это понятно. Но что широкіе размѣры безработицы могутъ вызвать осложненія въ хозяйственной жизни страны и, въ ко-

нечномъ счетѣ, отразиться на развитіи производства,—эта мысль еще недоступна предпринимателямъ, сосредоточившимъ все свое вниманіе на томъ, чтобы побольше урвать прибылей. А какъ высказывается по этому вопросу экономическая наука? Никакъ.

Въ послѣднее время, по свѣдѣніямъ газетъ, промышленники, наконецъ „поняли" опасности предстоящей демобилизаціи и на ряду съ ввозомъ желтаго труда проектируютъ крайне своеобразные методы для предотвращенія недовольства рабочихъ предстоящимъ рѣзкимъ пониженіемъ заработной платы. Промышленники находятъ необходимымъ сдѣлать пониженіе заработной платы постепеннымъ!

Какъ извѣстно, уже въ настоящее время вслѣдствіе недостатка средствъ производства, главнымъ образомъ, топлива и недостатка перевозочныхъ средствъ, происходитъ сокращеніе производства во многихъ отрасляхъ промышленности. Т.-е. въ настоящее время, когда милліоны рабочихъ рукъ отвлечены войной, грозитъ безработица. А когда кончится война, увеличатся ли перевозочныя средства желѣзныхъ дорогъ „по щучьему велѣнію"? Разумѣется, если и увеличатся, то черезъ долгій промежутокъ времени. Должны пройти годы, прежде, чѣмъ возстановится и увеличится подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, достаточный для возросшей потребности въ матеріалахъ и средствахъ производства. Всѣ стороны народно хозяйственной жизни такъ тѣсно связаны, что увеличеніе производства въ какой либо отрасли промышленности требуетъ соотвѣтственнаго увеличенія производства въ другихъ отрасляхъ, увеличенія перевозочныхъ средствъ, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ, увеличенія привоза топлива и т. д.

Если во время войны можетъ образоваться острая безработица, то насколько она обострится при демобилизаціи? Эти явленія не только нужно предвидѣть, но и необходимо немедленно искать средствъ для устраненія или, по крайней мѣрѣ, для ослабленія его послѣдствій. Нужна будетъ колоссальная организація общественныхъ и государственныхъ работъ, чтобы ослабить бѣдствія безработицы. Уже теперь предстоящая безработица, поскольку она будетъ вызвана недостаткомъ топлива и матеріаловъ, настоятельно требуетъ отъ государства и общественнаго самоуправленія широкой организаціи общественныхъ работъ для ослабленія послѣдствій безработицы. Задумывается ли кто-нибудь надъ этимъ? Много говорится и пишется „о развитіи производительныхъ силъ Россіи" въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но ничего не пишется о томъ, что

предстоитъ завтра, въ какомъ положенiи окажется основной элементъ развитiя производительныхъ силъ—наемный трудъ, потому что интересы промышленности и развитiе производительныхъ силъ понимаются такъ, какъ понимаютъ ихъ промышленники.

* *
*

Въ области естествознанiя и его прикладныхъ наукъ, даже въ области политической экономiи, въ ея „классическiй" перiодъ наука получила очень высокiй кредитъ, какъ орудiе общественнаго прогресса.

Этотъ кредитъ въ настоящее время въ области экономической науки и финансовъ безгранично используется и безпечно растрачивается на обслуживанiе узкихъ интересовъ имущихъ классовъ, растрачивается съ такимъ рвенiемъ, что ученые, которые, исходя изъ общегосударственныхъ интересовъ, защищаютъ интересы неимущихъ классовъ, особенно рабочихъ, почти нетерпимы въ „ученой" средѣ и кажутся какой-то аномалiей. Затронуть серьезно матерiальные интересы имущихъ классовъ во имя общегосударственныхъ интересовъ и неприлично, и „неполитично", и „нетактично" *).

О рабочемъ вопросѣ въ связи съ мобилизацiей мы уже упомянули. Не лучше обстоитъ дѣло съ вопросами финансовыми.

Экономисты обнаруживаютъ большое безпокойство отъ обезцѣненiя бумажнаго рубля выпусками бумажныхъ денегъ.

Но, агитируя за покрытiе военныхъ расходовъ путемъ только займовъ, они должны понимать, что этихъ займовъ при современномъ состоянiи народнаго хозяйства недостаточно безъ принудительныхъ мѣръ по отношенiю къ имущимъ классамъ, въ видѣ высокаго поимущественнаго налога и высокаго обложенiя прироста цѣнностей. Умалчивать о необходимости высокаго обложенiя имущихъ классовъ, мотивируя, что такого рода мѣры не могутъ пройти при настоящихъ условiяхъ, наука во всякомъ случаѣ не можетъ, такъ какъ ея обязанность сказать истину.

Но можетъ быть никакого прироста цѣнностей въ настоящее время, во время войны нѣтъ?

Остановимся подробнѣе на этомъ вопросѣ, такъ какъ измѣненiе

---

*) Теперь, когда разразилась революцiя, когда неимущiе классы проявили свою силу, „наука" нѣсколько благосклоннѣе относится къ притязацiямъ этихъ классовъ.

денежной цѣнности имущества имѣетъ огромное значенiе для будущаго народнаго хозяйства, его перспективъ. Начнемъ съ „незаслуженнаго“ прироста цѣнностей.

Исчислить задолженность земельной собственности и городского недвижимаго имущества въ настоящее время невозможно, такъ какъ объ этомъ нѣтъ исчерпывающихъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе и тѣ неполныя данныя, которыя имѣются, показываютъ, что владѣльцы недвижимой собственности уже выиграли на счетъ кредиторовъ не менѣе трехъ миллiардовъ рублей по самому скромному расчету.

Общая задолженность частнаго землевладѣнiя и городской недвижимой собственности въ учрежденiяхъ долгосрочнаго кредита исчислялась въ 1913 году въ суммѣ около пяти миллiардовъ трехсотъ миллiоновъ рублей (изъ нихъ свыше $3^1/_2$ миллiардовъ долга земельныхъ собственниковъ и свыше $1^3/_4$ миллiардовъ городской недвижимой собственности). Частную задолженность недвижимой собственности нужно исчислять суммой не меньше 500—600 милл. руб., а всего задолженность недвижимой собственности нужно считать не менѣе 6 миллiардовъ рублей.

Уже въ настоящее время относительное обезцѣненiе денегъ превышаетъ половину означенной суммы, и владѣльцы недвижимой собственности получили во время войны съ „алтаря отечества“ свыше трехъ миллiардовъ рублей. Казалось бы, указанная нами сумма достаточно велика, чтобы обратить на себя вниманiе нашихъ патентованныхъ финансистовъ, чуть не съ микроскопами разыскивающихъ предметы массовыхъ потребленiй для косвеннаго обложенiя неимущихъ слоевъ населенiя. Но ужъ таковъ дальтонизмъ экономистовъ и финансистовъ, „дѣлающихъ“ экономическую политику: незаслуженный приростъ цѣнности недвижимой собственности на счетъ денежнаго капитала, на счетъ кредиторовъ не замѣчается; три миллiарда, полученныхъ благодаря „экономической конъюнктуры“ собственниками недвижимаго капитала, никѣмъ не предлагаются для использованiя на нужды государства.

И конечно въ пользу такого дальтонизма найдутся весьма „вѣскiя“, „научныя“ соображенiя; трудно учесть приростъ „незаслуженныхъ“ цѣнностей, хотя ростъ цѣнъ на недвижимую собственность общеизвѣстенъ, хотя тщательно учитывается то, что получило населенiе отъ прекращенiя продажи водки, отъ повышенiя денежной заработной платы и т. д.

Исчисленные нами три миллiарда рублей „незаслуженнаго“ при-

роста цѣнностей недвижимаго имущества за истекшій военный період являются только небольшой долей общаго прироста цѣнности недвижимаго капитала, долей, которая получается собственниками за счетъ кредиторовъ.

Но незаложенная часть недвижимаго капитала въ такой же пропорціи возрастаетъ въ цѣнѣ, какъ и заложенная, только за счетъ не кредиторовъ, а за счетъ всего національнаго богатства. Потребитель будетъ выплачивать ренту домовладѣльцамъ и землевладѣльцамъ, переплачивая за квартиры, за сельскохозяйственные продукты и т. д. Это перераспредѣленіе національнаго дохода во всѣхъ „ученыхъ“ планахъ экономической и финансовой политики совершенно не учитывается, такъ какъ произвело бы „неблагопріятное впечатлѣніе“ на цензовые элементы общества.

Нежеланіе переложить налоги на имущіе классы общества финансисты объясняютъ невозможностью взять съ нихъ такія значительныя суммы. Особенность финансовой науки и практики и заключается въ томъ, что изобрѣтаются чрезвычайно осторожные пріемы и методы для уловленія плательщиковъ, не имѣющихъ никакого имущества, и никакъ не придумывается способовъ взять нужныя суммы съ имущихъ плательщиковъ. Эту „особенность“ финансовой науки, превратившейся въ „искусство“...обложенія, мы и имѣемъ въ виду. Характерно также и то, что высокое обложеніе непроизводительнаго потребленія и крупныхъ доходовъ вызываетъ опасенія остановки развитія производительныхъ силъ страны, а обложеніе неимущихъ классовъ такого опасенія не вызываетъ. Ложность этихъ положеній я старался показать въ книгѣ „Теорія развитія нар. хоз.“, гдѣ доказывалъ, что главнѣйшимъ толчкомъ развитію производительныхъ силъ является расширеніе массоваго потребленія. Эти вопросы совершенно не обсуждаются.

Разумѣется, было бы несправедливо сваливать вину за это на отдѣльныхъ лицъ. Экономическая и финансовая науки такъ теперь поставлены, что вліяніе на народное хозяйство распредѣленія производительныхъ силъ, распредѣленіе національнаго дохода не входитъ въ ихъ поле зрѣнія. Эти основные моменты народнаго хозяйства для большинства экономистовъ—непонятная книга за 10-ю печатями, которыя предпочитаютъ лучше не трогать.

Современная война разломала эти печати, практическая жизнь заглянула въ книгу, но наука еще отворачивается отъ нея. Наука, какъ таковая, и не ставитъ вопросовъ о развитіи народнаго хозяй-

ства, о зависимости его отъ расширенія или сокращенія непроизводительнаго труда, непроизводительнаго потребленія, въ связи съ которыми могутъ и должны быть поставлены и финансовые вопросы, вопросы обложенія и расходованія національнаго дохода. Война поставила эти вопросы, жизнь такъ или иначе ихъ рѣшаетъ, а наука пока стоитъ въ сторонѣ. Развѣ, напримѣръ, мѣры противъ роскоши вытекаютъ изъ научнаго анализа значенія непроизводительнаго потребленія? Развѣ вопросы финансоваго обложенія исходятъ изъ анализа вліянія на распредѣленіе и на развитіе производительныхъ силъ роста земельной ренты, роста потребленія предметовъ роскоши, значенія колоніальной политики и т. д. и т. д.? Развѣ „экономическое возрожденіе" возможно при томъ же характерѣ потребленія національнаго дохода, какой былъ и раньше?

* * *

Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ не финансовая политика различныхъ круговъ русскаго общества,—этому вопросу посвящены другія статьи „Экономическаго Обозрѣнія",—а вопросъ объ экономическихъ и соціально-политическихъ послѣдствіяхъ этой политики и о значеніи происходящихъ экономическихъ явленій для будущаго русскаго народнаго хозяйства.

Повышеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, которое продолжается до настоящаго времени и будетъ продолжаться, должно было бы повести при нормальныхъ условіяхъ къ расширенію частновладѣльческихъ запашекъ и къ увеличенію интенсивности хозяйства на ряду съ огромнымъ повышеніемъ земельной ренты, а въ городахъ—къ быстрому повышенію квартирныхъ цѣнъ.

Въ настоящее время, во время войны результаты обезцѣненія денегъ нѣсколько иные.

Благодаря тому, что домовладѣльцы въ городахъ не являются руководящей группой въ политической жизни страны, повышенію квартирной платы ставятся препятствія. Благодаря этому ростъ доходовъ домовладѣльцевъ, ростъ городской земельной ренты и цѣнности недвижимой городской собственности искусственно задерживаются, хотя и проявляются въ значительныхъ размѣрахъ. Повышеніе квартирной платы особенно проявится и будетъ чувствительно тогда, когда начнется демобилизація и рабочій кризисъ. Нужно предвидѣть не только затрудненія въ поискахъ

работы для демобилизованнаго населенія, но и недостатокъ жилищъ.

Городскія самоуправленія, находящіяся въ рукахъ домовладѣльцевъ, разумѣется, менѣе всего озабочены предстоящимъ квартирнымъ кризисомъ и менѣе всего пригодны для его предотвращенія. Вѣдь повышеніе цѣнности домовъ само по себѣ не увеличитъ количества квартиръ...

Въ развитіе экономическихъ отношеній въ деревнѣ война вноситъ также значительныя измѣненія противъ тѣхъ отношеній, которыя должны были бы сложиться въ мирное время.

Производство сельскохозяйственныхъ орудій, производство и перевозка удобренія не могутъ значительно увеличиться вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, благодаря которымъ вообще нельзя разсчитывать на быстрое развитіе обрабатывающей промышленности по недостатку орудій и средствъ производства, перевозочныхъ средствъ и т. д., т. е. улучшенія сельскохозяйственной техники сколько-нибудь значительнаго ожидать въ ближайшее время нельзя.

Мы отмѣтимъ, что въ ближайшіе годы нельзя ожидать раціонализаціи хозяйства по недостатку перевозочныхъ средствъ и средствъ производства.

Въ связи съ войной у насъ очень много говорятъ и пишутъ объ экономическомъ возрожденіи Россіи послѣ войны.

Особенно много надеждъ полагается на освобожденіе отъ „нѣмецкаго засилья", не того засилья, которое могло бы быть результатомъ военнаго разгрома страны, насильственныхъ торговыхъ договоровъ и т. д.; надежды полагаются на прекращеніе экономическихъ отношеній съ Германіей.

Въ Англіи и Франціи проектамъ экономической войны съ Германіей послѣ заключенія мира дается надлежащій отпоръ со стороны демократическихъ слоевъ населенія. Тамъ прекрасно понимаютъ, что экономическая война послѣ заключенія мира можетъ быть очень выгодной отдѣльнымъ группамъ предпринимателей, но она не только не поведетъ къ экономическому возрожденію, а, напротивъ, задержитъ экономическое развитіе европейскихъ странъ.

Въ Англіи конгрессъ англійской рабочей партіи, на которомъ было представлено болѣе 2 милліоновъ членовъ, по примѣру французскихъ соціалистовъ, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ проектовъ экономической войны съ Германіей и противъ протекціонистскихъ пожеланій парижской конференціи союзниковъ.

У насъ въ Россіи чуть ли не единственнымъ орудіемъ для ожидаемаго возрожденія Россіи выставляется экономическая война съ Германіей, „освобожденіе отъ нѣмецкаго засилья“.

Объ этомъ пишутъ, на это полагаютъ надежды отчасти потому, что больше не на что надѣяться; безъ перераспредѣленія національнаго дохода въ сторону болѣе производительнаго потребленія,—о чемъ я писалъ въ предыдущей книжкѣ „Экономическаго Обозрѣнія“—, ничего новаго, положительнаго война вообще не можетъ дать никакому государству. Между тѣмъ о сокращеніи непроизводительнаго потребленія, даже о попыткахъ использовать въ общественныхъ интересахъ приростъ земельной частновладѣльческой ренты, высокія прибыли, приростъ цѣнностей, о попыткахъ сократить огромные расходы на вооруженіе послѣ войны и т. д. не хотятъ говорить всѣ тѣ, кто говоритъ и пишетъ объ экономическомъ возрожденіи страны.

Прибавится ли послѣ войны въ Россіи что-нибудь, обезпечивающее ей возможность сдѣлать быстрые шаги по пути экономическаго развитія, кромѣ мало для него полезныхъ предсказаній о блестящихъ экономическихъ перспективахъ?

Война привнесла сокращеніе національнаго богатства и огромные государственные долги. Вотъ то новое, что дала война всѣмъ воюющимъ странамъ въ области объективныхъ экономическихъ фактовъ, а не субъективныхъ пожеланій того или другого экономиста.

Съ такимъ плюсомъ приходится разсматривать экономическія перспективы.

Въ области земледѣлія, какъ мы видѣли, эти перспективы неблестящи.

Въ области обрабатывающей промышленности положеніе не лучше.

Въ настоящее время недостатокъ предметовъ обрабатывающей промышленности въ извѣстной степени объясняется тѣмъ, что производительныя силы страны направлены на удовлетвореніе военныхъ потребностей. Но дѣло не только въ этомъ. Какіе бы планы развитія промышленности ни рисовались на бумагѣ, дѣйствительное ея развитіе будетъ зависѣть отъ наличности средствъ производства, которыми будетъ располагать страна.

Напримѣръ, въ планѣ желѣзнодорожнаго строительства, выработанномъ комиссіей тайн. сов. Богданова, проектируется значительная сѣть желѣзныхъ дорогъ (около 6 тыс. верстъ въ годъ), требующая интенсивнаго строительства. Для постройки этихъ дорогъ нужно

огромное количество рельсъ, паровозовъ, вагоновъ, построекъ и т. д. Нужно, слѣдовательно, быстрое и сильное развитіе желѣзодѣлательной промышленности, машиностроенія и т. д. А для этого нужно предварительно имѣть машины, доменныя печи и т. д. Всѣ отрасли промышленности металлургіи тѣсно связаны между собой, и толчокъ для ихъ развитія, а слѣдовательно и для усиленной постройки дорогъ можетъ быть данъ только значительнымъ ввозомъ необходимыхъ машинъ изъ-за границы, такъ какъ русское производство не въ состояніи обслуживать даже текущія нужды промышленности.

Но безпрепятственному ввозу машинъ будутъ мѣшать высокія покровительственныя пошлины, на которыхъ настаиваютъ промышленники для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, якобы „въ интересахъ" развитія русской промышленности. Таможенныя пошлины, повидимому, не предполагается понизить. А при такихъ условіяхъ оборудованіе фабрикъ и заводовъ будетъ обходиться очень дорого. Если это главное препятствіе развитію промышленности останется и послѣ войны, то послѣ тѣхъ разрушеній, которыя она внесла, что можетъ дать толчокъ развитію производительныхъ силъ, какія для этого есть данныя, кромѣ безплодныхъ писаній по этому поводу?

Правда, о „развитіи производительныхъ силъ Россіи" пишется очень много, издается даже журналъ подъ соотвѣтствующимъ заглавіемъ, но читатель напрасно сталъ бы искать кромѣ благихъ пожеланій *), если ихъ можно назвать таковыми, еще и объективныхъ условій, необходимыхъ для развитія производительныхъ силъ.

Если до настоящаго времени Россія являлась экономически отсталой страной со слабымъ развитіемъ ея производительныхъ силъ, если ея желѣзнодорожная сѣть была рѣдкой и недостаточной, если ея техника была отсталой, то главнымъ образомъ потому, что ея національный доходъ растрачивался, потреблялся непроизводительно. Военные расходы, дорогой и плохо дѣйствующій бюрократическій механизмъ поглощали значительную часть національнаго дохода, земельная рента крупныхъ земельныхъ собственниковъ, рента съ городской недвижимой собственности цѣликомъ шла на личное непро-

---

*) Эти пожеланія формулируются обычно такимъ образомъ: „Нужна всемѣрная, внутренняя, напряженная и энергичная работа въ области наиболѣе полнаго развитія всѣхъ нашихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ и производственныхъ факторовъ". Въ концѣ-концовъ все сводится къ указанію и перечисленію природныхъ богатствъ, имѣющихся въ Россіи, какъ будто до войны ихъ не было!

изводительное потребленіе и только самый ничтожный процентъ шелъ на государственныя и общественныя потребности, соотвѣтствующія развитію производительныхъ силъ. Очевидно, что безъ коренной реформы финансовой и экономической политики, безъ перераспредѣленія національнаго дохода въ сторону болѣе производительнаго его потребленія,—на что мы указывали въ предыдущей статьѣ (см. ст. „Развитіе производительныхъ силъ и продовольственный кризисъ какъ проблемы распредѣленія національнаго дохода“. „Экономич. Обозр.“, № 2),—экономическія перспективы не могутъ быть блестящими. Между тѣмъ вниманіе землевладѣльцевъ и промышленниковъ—что вполнѣ понятно,—на эту сторону будущихъ экономическихъ отношеній не обращается. А вслѣдъ за этими группами, заинтересованными въ существуюющемъ распредѣленіи національнаго дохода, идетъ и экономическая наука, которая такъ много вниманія посвящаетъ будущему развитію народнаго хозяйства. Поэтому когда читаешь о планахъ обширнаго желѣзнодорожнаго строительства, о развитіи промышленности при „великодержавной политикѣ“, базирующейся на военномъ флотѣ и большой арміи, о расширеніи территоріи при огромныхъ платежахъ по займамъ, то не знаешь, чему приписать это богатое экономическое „творчество“, сознательному или безсознательному самообману.

* *
*

На ряду съ перераспредѣленіемъ національнаго дохода въ сторону сокращенія его непроизводительнаго потребленія другимъ толчкомъ для развитія производительныхъ силъ страны,—какъ ни покажется парадоксальнымъ такое утвержденіе — является преобладаніе ввоза надъ вывозомъ, „неблагопріятный торговый балансъ“ въ теченіе ряда лѣтъ.

Обычно, при разсужденіяхъ о будущемъ развитіи народнаго хозяйства, принимая во вниманіе задолженность страны другимъ государствамъ, предполагается увеличеніе вывоза. Превышеніемъ вывоза надъ ввозомъ и предполагается покрывать проценты по иностраннымъ займамъ.

Не требуется, однако, долго останавливаться на томъ, что при наличномъ состояніи производительныхъ силъ увеличеніе главнаго предмета для вывоза — хлѣба можетъ происходить лишь при голодовкѣ русскаго населенія. Ибо и до войны вывозъ хлѣбовъ происходилъ за счетъ сокращенія народнаго потребленія.

Другой предметъ вывоза, на который разсчитываютъ,—лѣсъ можетъ представлять значительную цѣнность лишь при условіи, если онъ сталъ бы вывозиться въ сколько-нибудь обработанномъ видѣ. Но для этого необходимъ ввозъ огромнаго количества древообрабатывающихъ машинъ, которыя поставляетъ во всѣ страны, главнымъ образомъ, Швеція, и паровыхъ двигателей.

Расхищеніе лѣсовъ и вывозъ ихъ въ необработанномъ видѣ, разумѣется, возможны, — этого и слѣдуетъ ожидать, но такой вывозъ дастъ странѣ меньше, чѣмъ вывозъ неперемолотаго хлѣба, какъ бы лѣса ни расхищались.

Разсчитывать на развитіе производительныхъ силъ путемъ эксплуатаціи и вывоза необработаннаго сырья уже нельзя. До войны это дѣлалось по мѣрѣ возможности, дѣлалось потому, что капитала, орудій для обработки сырья не было. Война, конечно, его не дастъ. Онъ долженъ быть ввезенъ. Такъ какъ безъ ввоза орудій и средствъ производства невозможно значительное расширеніе обрабатывающей промышленности, то и для увеличенія продукціи сельскаго хозяйства путемъ улучшенія техники и значительнаго повышенія урожайности въ ближайшіе годы никакихъ данныхъ нѣтъ. Только путемъ ввоза сельскохозяйственныхъ орудій и увеличенія перевозочныхъ средствъ, которое можетъ быть достигнуто въ ближайшіе годы тоже только путемъ ввоза, возможно дать толчокъ увеличенію производства, перевозки и сельскохозяйственной продукціи. Такимъ образомъ и здѣсь для увеличенія сельскохозяйственной продукціи является необходимымъ предварительное увеличеніе ввоза изъ-за границы.

Но ввозъ иностраннаго капитала и выразится въ видѣ преобладанія ввоза надъ вывозомъ. Чтобы производительныя силы страны получили толчокъ для своего дальнѣйшаго развитія, помимо сокращенія непроизводительнаго потребленія, нуженъ ввозъ орудій и средствъ производства. Только при этомъ условіи „природныя богатства“, о которыхъ такъ много пишутъ, превратятся въ реальныя цѣнности. Постройка желѣзныхъ дорогъ, обработка сырья и проч. возможны при наплывѣ иностраннаго капитала въ видѣ машинъ, желѣза, рельсъ, угля и т. д., т.-е. при условіяхъ, которыя отечественные промышленники называютъ иностраннымъ „засильемъ“ *).

*) Ясно, что для народнаго хозяйства безразлично, изъ какой страны будетъ ввезенъ производительный капиталъ, лишь бы это было выгодно. Вѣроятнѣе всего, что онъ двинется изъ Соединенныхъ Штатовъ.

Между тѣмъ ввозу орудій и средствъ производства, какъ мы замѣтили, будутъ оказывать всевозможныя препятствія группы промышленниковъ, заинтересованныхъ въ монополизаціи производства для повышенія своей прибыли.

Таможенная „защита отечественной промышленности" понимается предпринимателями такимъ образомъ, чтобы таможенныя пошлины не облегчали конкуренцію съ иностранной обработкой продуктовъ, а давали бы монополію предпринимателямъ, не облегчали бы оборудованія производства, а повышали бы прибыль предпринимателей, изготовляющихъ эти орудія производства. Поэтому наибольшее препятствіе развитію производительныхъ силъ можно ожидать какъ разъ отъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя больше всего говорятъ и пишутъ о развитіи производительныхъ силъ. Эти общественныя группы заинтересованы отчасти какъ въ сохраненіи непроизводительныхъ затратъ и современнаго распредѣленія національнаго дохода, такъ и въ сохраненіи той таможенной политики, которая являлась до сихъ поръ препятствіемъ ввозу иностраннаго капитала (мы въ данномъ случаѣ не говорили о внутреннихъ политическихъ условіяхъ, которыя также мѣшали экономическому развитію и начинаютъ теперь тяготить господствующіе классы *).

Но даже стремясь нѣсколько измѣнить условія внутренней жизни, промышленные круги и вмѣстѣ за ними экономисты не думаютъ и не упоминаютъ о сокращеніи непроизводительнаго потребленія національнаго дохода, которое являлось главнымъ препятствіемъ развитію производительныхъ силъ страны.

* * *

Банкротство экономической науки, какъ науки о народномъ хозяйствѣ въ цѣломъ, а не объ отдѣльныхъ сторонахъ и явленіяхъ экономической жизни, обнаружилось не только теперь, во время войны, когда практика экономической жизни идетъ далеко впереди науки, когда практика показываетъ, какъ экономическая жизнь не укладывается въ экономическія построенія, исходящія изъ представленія частнаго предпринимателя о народномъ хозяйствѣ. А именно съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя современные

---

*) См. „Теорія развитія народн. хозяйства". Тамъ я доказывалъ, что распредѣленіе производительныхъ силъ въ сторону расширенія производства предметовъ массоваго потребленія и развитіе внутренняго рынка является

экономисты разсматривали всѣ явленія народно-хозяйственной жизни. На это банкротство болѣе десяти лѣтъ тому назадъ указывалъ на съѣздѣ союза соціальной политики Вернеръ Зомбартъ. Оно началось тогда, когда пріобрѣла господство школа, которая изученіе народнаго хозяйства подмѣнила изученіемъ отдѣльныхъ поверхностныхъ явленій экономической жизни.

Мнѣ приходилось уже указывать *), что развитіе хозяйства выражается въ распредѣленіи и перераспредѣленіи производительныхъ силъ народнаго хозяйства, что изученіе этихъ процессовъ во всемъ народномъ хозяйствѣ можетъ помочь пониманію народно-хозяйственной жизни.

Западно-европейская наука въ этомъ отношеніи такъ же грѣшила, какъ и русскіе экономисты. Но на Западѣ настоящее время, правда, не наука, а экономическая необходимость, вслѣдствіе сокращенія производительныхъ силъ въ воюющихъ странахъ, заставила сокращать непроизводительное (невоенное) потребленіе, сократить количество паразитарныхъ элементовъ общества, использовать трудъ инвалидовъ и т. д. Все это дѣлается эмпирическимъ путемъ, не потому, что наука сошла съ частно-хозяйственной точки зрѣнія и встала на точку зрѣнія народно-хозяйственную, а потому, что къ этому вынудила необходимость. Поэтому тѣ случайныя мѣры, которыя предпринимаются для сокращенія непроизводительнаго потребленія, для сокращенія непроизводительнаго съ народно-хозяйственной точки зрѣнія труда для расширенія производительнаго труда на счетъ паразитарныхъ элементовъ, а также на счетъ использованія труда инвалидовъ, непригодныхъ съ частнохозяйственной точки зрѣнія для производства, какъ не дающихъ прибыли, всѣ эти мѣры не подсказаны теоретической мыслью о системѣ наиболѣе раціональнаго распредѣленія національнаго труда и національнаго дохода, а вырабатываются чисто эмпирически, необходимостью, вызванною войной. Практика оказалась впереди теоріи, даетъ уроки экономической наукѣ, въ какомъ направленіи можетъ быть данъ толчокъ развитію производительныхъ силъ общества, когда въ силу сохраненія это общество оказалось вынужденнымъ поддерживать при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ свои производительныя силы.

главнымъ факторомъ развитія производительныхъ силъ народнаго хозяйства. Но направленіе вниманія на эту сторону народно-хозяйственной жизни скомпрометировало бы науку въ глазахъ правящихъ классовъ. Можно ли это допустить?!

Возьмемъ одну изъ перечисленныхъ выше мѣръ, — сокращеніе производства и потребленія предметовъ роскоши. До войны экономическая наука и не заикалась о томъ, что производство и потребленіе этихъ предметовъ сокращаютъ производительныя силы общества. „Открытіе“ сдѣлано тогда, когда пришлось особенно бережно относиться къ производительнымъ силамъ страны.

Другая мѣра,—использованіе труда инвалидовъ. Съ точки зрѣнія политико-эконома трудъ инвалидовъ непроизводителенъ, такъ какъ онъ не можетъ дать прибыли предпринимателю вслѣдствіе меньшей производительности труда. Между тѣмъ примѣненіе ихъ труда для народнаго хозяйства дастъ огромную цѣнность, если малопроизводительный трудъ будетъ использованъ въ предпріятіяхъ, организованныхъ мѣстными или общегосударственными общественными учрежденіями.

У насъ въ Россіи, вслѣдствіе ея экономической отсталости, особенно важно всякое производительное использованіе труда и всякое сокращеніе непроизводительнаго потребленія.

Между тѣмъ эти задачи использованія малопроизводительнаго и непроизводительнаго труда находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ задачами „тейлоризаціи“ труда, къ использованію только наиболѣе производительнаго труда, какъ оно ставится экономическими, стоящими на точкѣ зрѣнія предпринимателей. Система Тейлора, поскольку она использовалась бы въ интересахъ развитія производительныхъ силъ, а не въ интересахъ частныхъ предпринимателей, сыграла бы такую роль въ развитіи производительныхъ силъ, какъ и система использованія малопроизводительнаго труда инвалидовъ или труда паразитарныхъ элементовъ общества. Но развѣ наука пыталась встать выше частно-предпринимательской точки зрѣнія и устранить противорѣчіе между принципомъ „тейлоризаціи“ и принципомъ использованія малопроизводительнаго труда? Развѣ даже ставитъ она эти проблемы? Какъ она можетъ ихъ ставить, когда за ними виднѣется красный призракъ, когда эти проблемы ставятъ вопросъ о серьезной борьбѣ противъ безработицы, организаціи общественныхъ работъ и т. д.?

Ставятся ли аналогичныя задачи экономистами и финансистами въ сферѣ распредѣленія и перераспредѣленія производительныхъ силъ и дохода въ цѣляхъ ихъ увеличенія? Нѣтъ, не ставятся.

Этому можно найти оправданіе только въ томъ, что и на Западѣ экономическая наука отстала отъ жизни и ничего не даетъ для ея строительства.

Развѣ мѣропріятія Ллойдъ-Джоржа, направленныя къ перераспредѣленію національнаго дохода и къ сокращенію непроизводительнаго потребленія, основывались на указаніяхъ экономической науки, на научномъ анализѣ значенія распредѣленія національнаго дохода и непроизводительнаго потребленія? Развѣ проектируемая Ллойдъ-Джоржемъ фиксація минимума заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, запрещеніе произвольно повышать арендную плату, право принудительныхъ мѣръ по отношенію къ землевладѣльцамъ, не обрабатывающимъ или недостаточно обрабатывающимъ свою землю, основывается на требованіяхъ науки? Всѣ эти мѣры вынуждаются требованіями жизни, а не науки, которая сторонилась такихъ „опасныхъ“ вопросовъ, затрагивающихъ „основы“ распредѣленія національнаго дохода.

Тѣ проблемы, которыя ставились классической политической экономіей, а у насъ въ Россіи Н. Г. Чернышевскимъ, наука уже не ставитъ.

Она разбилась на рядъ отдѣльныхъ „наукъ“, на изученіе отдѣльныхъ сторонъ экономической жизни и на этомъ пути, какъ рядъ прикладныхъ наукъ, сдѣлала большіе успѣхи. Но политическая экономія, наука о народномъ хозяйствѣ ушла изъ поля зрѣнія экономистовъ.

Обслуживаніе интересовъ господствующихъ классовъ въ теченіе десятилѣтій, и испугъ передъ соціализмомъ, покушающимся на эти интересы, мститъ за себя...

Теперь, когда міровая катастрофа разразилась, когда человѣчеству пришлось расплачиваться за то, что подготовлялось цѣлыми десятилѣтіями современнаго экономическаго строя, погоней его за внѣшними рынками при сокращеніи внутреннихъ, всѣ видятъ, что экономическая наука, занятая обслуживаніемъ существующаго экономическаго строя, не только ничего не предвидѣла, не только никого не предостерегала, а толкала на этотъ путь. Теперь ясно для всѣхъ, что катастрофа явилась результатомъ раньше сложившихся экономическихъ отношеній, одобрявшихся экономической наукой. Еще трагичнѣе для науки, можетъ быть, то, что война по крайней мѣрѣ теперь, открыла глаза многимъ обывателямъ, но ничему не научила экономистовъ. Тѣ тенденціи экономическаго развитія и экономической политики международнаго соперничества, которыя привели къ катаклизму, для большинства экономистовъ продолжаютъ представляться единственно правильнымъ путемъ, по которому нужно

направлять народно-хозяйственную жизнь. И если въ будущемъ устранятся причины, вызывающія международную экономическую, а въ результатѣ ея и военную борьбу, то, во всякомъ случаѣ, въ этомъ не будетъ повинна современная экономическая наука...

Самое ужасное преступленіе, какое когда-либо видѣлъ міръ, подготовлялось десятилѣтіями экономической политикой европейскихъ странъ, которой служила экономическая наука. Она не только поддерживала эту политику (и не только въ Германіи), она и теперь остается на той же почвѣ, она и теперь въ будущее народнаго хозяйства смотритъ глазами тѣхъ, кто подготовилъ кровавую международную бойню. Даже этотъ урокъ не пробилъ научнаго самодовольства!

Разумѣется, наивно было бы ожидать, что экономическая наука только подъ ударами такого испытанія, какъ современная война, исправитъ все, что ею упущено. Но въ настоящее время, подъ давленіемъ запросовъ жизни, вызванныхъ войной, подъ угрозой экономическаго регресса и огромныхъ соціальныхъ бѣдствій, экономисты кое-что могли бы сдѣлать, исходя изъ общественныхъ интересовъ и опредѣленно поставивши ихъ выше частно-предпринимательскихъ.

Прежде всего экономисты могли оказать огромную услугу обществу, если бы помогли ему выяснить значеніе болѣе производительнаго распредѣленія и потребленія національнаго дохода, болѣе производительнаго использованія національныхъ производительныхъ рабочихъ силъ (устраненія или ослабленія безработицы, сокращенія ихъ непроизводительной затраты), если бы освѣтили всѣ затронутые выше вопросы, для того, чтобы устранить наиболѣе тяжелыя послѣдствія войны.

Если читатель вдумается хотя бы въ тѣ послѣдствія, которыя могутъ явиться результатомъ безработицы, о которой такъ мало думаютъ, то онъ проститъ мнѣ тотъ элементъ субъективизма и негодованія, который невольно врывается въ объективное изложеніе экономическихъ перспективъ.

ДЕМОКРАТІЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

До русской революціи соціалисты въ вопросахъ экономической и финансовой политики находили чрезвычайно легкій выходъ: такъ-такъ рабочій классъ во всѣхъ европейскихъ странахъ не являлся такой силой, которая могла бы диктовать другимъ классамъ свои условія, такъ какъ онъ могъ только послѣ большихъ усилій ослаблять свою эксплуатацію и не въ силахъ былъ взять въ свои руки регулированіе хозяйственной жизни, то все его вниманіе и сосредоточивалось на самозащитѣ отъ эксплуатаціи государствомъ и предпринимателями. Поэтому программа экономической борьбы и финансовой политики имѣла и соотвѣтствующій характеръ. Рабочій классъ видѣлъ передъ собой классъ предпринимателей, отъ котораго нужно было такъ или иначе взять часть прибылей, въ формѣ ли повышенія заработной платы или путемъ налогового обложенія не было основаній опасаться, что путемъ повышенія заработной платы или налогомъ на прибыль безъ опасеній ослабить производство или даже сократить расширенное воспроизводство, потому что добиться такого повышенія заработной платы или налоговъ, чтобы ими поглощалась вся прибыль, было невозможно.

Во время русской революціи произошло рѣзкое измѣненіе въ соотношеніи общественныхъ силъ. Соціалисты имѣютъ огромное вліяніе на власть, они даже могутъ взять ее въ свои руки, если захотятъ, рабочіе могутъ на фабрикахъ диктовать свои условія и часто фабрики работаютъ въ убытокъ. При такихъ условіяхъ, естественно, долженъ быть поставленъ вопросъ, является ли удовлетворительной та программа финансовой и экономической политики, которая была

продиктована слабостью рабочаго класса, и къ какимъ послѣдствіямъ она приведетъ, если ее послѣдовательно проводить?

Возьмемъ вопросъ о сокращеніи рабочаго дня. Въ обычныхъ условіяхъ, чѣмъ больше сокращается рабочій день, тѣмъ лучше, потому что рабочій классъ чрезмѣрно эксплуатировался. Теперь не только введенъ 8-часовой рабочій день, но мѣстами введенъ шестичасовой и возможно введеніе четырехчасового. Слѣдуетъ ли добиваться такого максимальнаго сокращенія рабочаго дня или при данныхъ условіяхъ это было бы гибельно для народнаго хозяйства, а слѣдовательно и для рабочаго класса?

Тотъ же самый вопросъ можно поставить относительно финансовой политики: слѣдуеть ли путемъ финансовыхъ мѣропріятій, не сокращая личнаго потребленія путемъ косвенныхъ и прямыхъ налоговъ на предметы не необходимые для существованія, облагать капиталъ до такихъ размѣровъ, что станетъ невозможно его накопленіе, или обратно, для сохраненія производительныхъ силъ страны нужно прежде всего сокращать всѣ виды непроизводительнаго потребленія и сохранять только потребленіе, удовлетворяющее наиболѣе настоятельныя потребности?

Благодаря указанной мною особенности предшествовавшаго періода экономической борьбы, такіе вопросы демократіей и соціалистами не ставились, потому что въ этомъ не было надобности. Теперь ихъ нужно поставить, потому что и экономическая и финансовая политика зависитъ отъ отвѣта на нихъ демократіи и соціалистовъ. Отъ этого отвѣта зависятъ судьбы страны.

Сокращеніе средствъ производства, которое происходитъ въ настоящее время, угрожаетъ будущему всей страны и одинаково губитъ и капиталистовъ и рабочихъ. Поэтому, демократіи приходится серьезно задумываться надъ тѣмъ, чтобы доля національнаго дохода въ видѣ средствъ производства, которыя находятся въ рукахъ капиталистовъ, не уменьшалась, а увеличивалась, главнымъ образомъ за счетъ ихъ и другихъ классовъ непроизводительнаго личнаго потребленія. При такихъ условіяхъ проблема экономической и финансовой политики принимаетъ совершенно другой характеръ. До сихъ поръ во время революціи вниманіе и капиталистовъ и рабочихъ было занято тѣмъ, чтобы взять наибольшую долю національнаго дохода другъ отъ друга. Экономическая борьба носила характеръ борьбы изъ-за мѣста за столомъ пассажировъ тонущаго корабля, забывшихъ въ пылу борьбы объ общей предстоящей судьбѣ,—общей гибели.

Если для сохраненія производительныхъ силъ страны необходимо сокращеніе непроизводительнаго потребленія и за его счетъ расширеніе потребленія производительнаго, то и принципы финансовой и экономической политики должны быть построены на этомъ основаніи.

Наибольшее давленіе при господствѣ капиталистическаго строя на характеръ потребленія можетъ оказать налоговая система.

Допустимъ, имѣются два капиталиста, получающихъ прибыли по 100 тысячъ. Одинъ изъ нихъ тратитъ весь свой доходъ на личное потребленіе, а другой всѣ 100 тысячъ затрачиваетъ на производительное потребленіе, т. е. на увеличеніе средствъ и орудій производства. Въ интересахъ развитія хозяйства государство путемъ налоговъ должно взять максимумъ у перваго капиталиста, лучше всего — всю долю прибыли, кромѣ незначительной доли, необходимой для личнаго существованія. Напротивъ, во второмъ случаѣ сокращеніе производительнаго потребленія поведетъ къ сокращенію производительныхъ силъ страны. Такимъ образомъ, финансовая политика можетъ сдѣлаться факторомъ регулирующимъ производительную или непроизводительную затрату національнаго труда; демократіи нужно имѣть это прежде всего въ виду.

Исходя изъ этого, налоговая система должна быть построена на принципѣ, чтобы въ первую очередь, поскольку это возможно, налоговой прессъ безпощадно давилъ на непроизводительное потребленіе, на потребленіе превышающее обычный средній уровень потребностей, на предметы роскоши, и только во вторую очередь ложился бы и на другіе предметы обложенія. Такая финансовая политика тотчасъ же отразится и на распредѣленіи производительныхъ силъ въ странѣ. Непроизводительная затрата труда сократится и трудъ направится на производительныя функціи.

Обложеніе непроизводительнаго потребленія настолько необычно, финансовая „наука" такъ мало заботилась о построеніи финансоваго хозяйства на научныхъ началахъ, исходя изъ развитія производительныхъ силъ, что непривычному къ этому обывателю и даже „ученому" финансисту такая постановка вопроса, особенно въ конкретной формѣ, покажется необычной и нелѣпой. Финансовая наука не изощрялась въ изобрѣтеніи способовъ обложенія непроизводительнаго потребленія.

Въ наибольшемъ количествѣ происходитъ непроизводительное потребленіе личныхъ услугъ. Милліоны рабочихъ рукъ заняты обслуживаніемъ отдѣльныхъ лицъ и ихъ семействъ и такого рода

пользованіе не облагается никакимъ налогомъ. Между тѣмъ, прогрессивно повышающееся обложеніе пользующихся личными услугами, хотя не дало бы особенно значительныхъ финансовыхъ результатовъ, но оно имѣло бы огромное экономическое значеніе, такъ какъ значительная доля труда, прилагаемаго на безплодныя личныя услуги, направилось бы на болѣе производительное употребленіе. Обложеніе лицъ, имѣющихъ одну прислугу и въ пять разъ большее обложеніе лицъ, имѣющихъ двухъ прислугъ на семейство, или сократило бы значительно кадры этого вида непроизводительнаго труда, или дало бы обществу значительный доходъ.

Далѣе, существуетъ опредѣленная норма необходимаго для здоровья количества воздуха въ комнатахъ. Значительное превышеніе этой нормы является непроизводительнымъ потребленіемъ не воздуха, конечно, а жилища. Выраженная ли въ количествѣ кубическихъ саженъ воздуха на душу жильцовъ, или въ площади помѣщенія, или даже въ наиболѣе не совершенной формѣ, а въ количествѣ комнатъ на одного жильца, минимальная норма потребленія жилища, не подлежащаго обложенію, можетъ быть легко установлена. Безпощадное прогрессивное обложеніе жилищъ, превышающихъ эту норму, сыграетъ огромную роль. При налогѣ на размѣры жилища, когда произойдетъ демобилизація, когда за отсутствіемъ жилища масса населенія окажется буквально на улицѣ, такого рода обложеніе заставитъ „потѣсниться" и тѣхъ, кто безъ такой мѣры, конечно, никогда не пуститъ жильцовъ и не пожертвуетъ своими удобствами, хотя бы другіе умирали отъ холода на улицѣ.

Я привелъ для примѣра два вида налоговъ, крайне непріятныхъ самостоятельнымъ обывателямъ, которыхъ прежде всего имѣетъ въ виду финансовая наука, тѣмъ болѣе, что финансовые результаты отъ такого рода мѣръ не могутъ быть особенно значительны. По привычкѣ не считаться съ экономическими результатами финансовой политики, кривая усмѣшка, съ которой встрѣтитъ такого рода налоги обыватель и финансистъ, будетъ вполнѣ понятна. Но, какъ я замѣтилъ, установленіе принципа финансовой политики должно поставить во главу угла не столько непосредственные финансовые результаты, сколько экономическіе—сокращеніе непроизводительнаго потребленія и расширеніе за его счетъ потребленія производительнаго, ибо только этимъ опредѣляется темпъ развитія экономической жизни страны. Сейчасъ нельзя уничтожить непроизводительные военные расходы,—ихъ требуютъ оборона и спасеніе страны; нужно

если не уничтожить, то сократить другіе виды непроизводительнаго потребленія, и это вполнѣ возможно.

Обложеніе всѣхъ видовъ непроизводительнаго потребленія легче всего организовать органамъ мѣстнаго самоуправленія, особенно въ большихъ городахъ. Переложить всю или главную тяжесть бюджета самоуправленія на непроизводительное потребленіе дало бы не только экономическіе, но и благопріятные финансовые результаты.

Предстоящему съѣзду союза городовъ слѣдуетъ заняться этимъ вопросомъ и поставить его въ обще-россійскомъ масштабѣ.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ НАСЛѢДСТВО

Революція смѣнила самодержавіе царя самодержавіемъ демократіи.

Для писателей, которые выше всего ставятъ интересы страны, интересы народа, эта смѣна личнаго самодержавія самодержавіемъ народа, между прочимъ, даетъ одно чрезвычайно цѣнное право, право говорить правду.

Разумѣется и новый самодержецъ—народъ, обладаетъ всѣми недостатками, свойственными людямъ; разумѣется, и у него, явились „придворные льстецы", которые лестью и ложью стараются одурманить новаго господина и внушить ему ложное представленіе о томъ, что онъ имѣетъ и что можетъ; разумѣется лесть и „возвышающій обманъ" часто нравятся народу больше, чѣмъ горькая истина, но право и возможность говорить истину остается, пока народъ дѣйствительно является самодержцемъ, пока власть не захвачена какой-нибудь группой, стѣсняющей права другихъ.

Тѣмъ не менѣе теперь, во время революціи, когда демократія, получивши волю и власть послѣ многолѣтняго рабства, упоена побѣдой, очень трудно осуществить право говорить правду; въ особенности, трудно сказать народу, унаслѣдовавшему въ полное распоряженіе огромное наслѣдство, что онъ является наслѣдникомъ разореннаго хозяйства, что вмѣсто обилія и довольства, на которое онъ вправѣ разсчитывать, ему придется еще продолжительное время ограничивать свои потребности, можетъ быть больше, чѣмъ при самодержавіи, и что только при этомъ условіи возможно упорядоченіе разореннаго народнаго хозяйства.

Иллюзія, что революціонный народъ является наслѣдникомъ огромныхъ богатствъ, создавалась всѣмъ укладомъ старой жизни.

Рядомъ съ нищетой милліоновъ людей существовала безудержная роскошь и мотовство немногихъ, существовало такое расхищеніе народнаго достоянія, что казалось, что богатства страны неисчерпаемы, что стоитъ только народу свергнуть старую власть и ограничить прибыли капиталистовъ и благосостояніе массы населенія сразу рѣзко повысится.

Эта исторія создалась тѣмъ, что высокія военныя прибыли, казалось, служатъ признакомъ обогащенія во время войны не только отдѣльныхъ личностей на счетъ другихъ капиталистовъ, а признакомъ обогащенія всей буржуазіи, всего класса капиталистовъ. Теперь стало общимъ мѣстомъ положеніе, что война вообще выгодна буржуазіи, а не отдѣльнымъ лицамъ изъ класса капиталистовъ, что во время войны буржуазія обогащается.

Въ данномъ случаѣ происходитъ чрезвычайно рѣдко проявляющееся въ жизни положеніе, когда жизнь мститъ за ложь и фальсификацію науки тому классу, который ее фальсифицировалъ.

Современная экономическая „наука“ совершенно забросила изученіе народнаго хозяйства въ цѣломъ, изученіе производства и потребленія реальныхъ цѣнностей. Денежное отчисленіе товаровъ, денежныя отношенія, какъ сущность экономическихъ отношеній, обмѣнъ и образуемая въ его процессѣ прибыль представляются сущностью и главнымъ содержаніемъ народнаго хозяйства. Полученная въ обмѣнъ денежная прибыль представляется реальной цѣнностью, потому что цѣнности постольку представляются реальными, поскольку онѣ выражаются въ деньгахъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія экономической „науки“, усвоенной и демократіей, во время войны вся буржуазія въ цѣломъ обогащалась, потому что въ рукахъ буржуазныхъ классовъ, благодаря высокимъ прибылямъ, сумма денежныхъ знаковъ увеличилась въ нѣсколько разъ. Но что осталось въ народномъ хозяйствѣ и въ частности въ рукахъ буржуазіи не въ видѣ денежныхъ знаковъ, а въ видѣ реальныхъ цѣнностей, въ видѣ товаровъ, сырья, орудій производства и т. д.? Какой классъ или группа населенія дѣйствительно обогатилась благодаря войнѣ и какіе слои населенія потеряли отъ войны и сколько? Наконецъ, откуда получалась господствующими классами главная доля прибыли?

Мнѣ уже не разъ приходилось указывать на то, что въ имущественномъ отношеніи отъ войны больше всего пострадали владѣльцы денежныхъ капиталовъ. За время войны покупательная сила рубля

въ странѣ упала не менѣе чѣмъ на три четверти, т.-е. владѣльцы денежныхъ капиталовъ, владѣльцы рентныхъ бумагъ, кредиторы и т. д., за время войны потеряли до трехъ четвертей своего имущества.

Но вѣдь это часть буржуазіи. Очевидно нельзя утверждать, что вся буржуазія получаетъ выгоду отъ веденія войны.

Но не только владѣльцы денежнаго капитала потеряли большую часть своего имущества. Война поглощаетъ такое огромное количество цѣнностей, что не можетъ покрыть свои расходы только на счетъ владѣльцевъ денежнаго капитала.

Теперь, правда, слишкомъ поздно, всѣ начинаютъ понимать, что промышленность разрушается, что матеріалы и средства производства сокращаются, что грозятъ промышленный кризисъ и безработица отъ недостатка средствъ и орудій производства.

Что же это значитъ? Вѣдь рабочіе никогда не были владѣльцами средствъ и орудій производства. И то и другое составляло капиталъ буржуазіи. Очевидно сокращеніе средствъ и орудій производства является сокращеніемъ капитала въ рукахъ промышленной и торговой буржуазіи. Т.-е. огромную часть реальнаго капитала буржуазія потеряла за время войны. Рабочій классъ и мелкая городская буржуазія, какъ неимущіе классы, терпѣли отъ войны постольку, поскольку они сокращали потребленіе. Кромѣ этого, неимущимъ классамъ нечего было терять. Но сокращеніе потребленія городскихъ классовъ составляетъ ничтожную долю общихъ расходовъ на войну.

Расходы на войну поглощали тѣ накопленныя богатства, которыя были въ видѣ товаровъ въ магазинахъ и складахъ, въ видѣ машинъ, которыя изнашивались и не замѣнялись новыми, въ видѣ сырья, топлива и т. д.

Эти имущества были взяты отъ буржуазіи, разумѣется, по повышенной цѣнѣ. Вмѣсто нихъ буржуазія получила бумажныя деньги, много денегъ. Но особенностью этихъ денегъ является то, что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ больше они обезцѣниваются. Поэтому продолженіе войны и дальнѣйшее обезцѣниваніе денегъ прежде всего убыточны для буржуазіи, превратившей свои товары въ деньги. А такъ какъ количество товаровъ сокращается, то сокращается и количество реальныхъ цѣнностей въ рукахъ буржуазіи.

Итакъ, буржуазія въ цѣломъ отъ войны несетъ огромныя потери. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что во время войны процвѣтаютъ необычайное хищничество и нажива; несомнѣнно также, что военныя прибыли различныхъ поставщиковъ арміи огромны. Повидимому эти

факты находятся въ полномъ противорѣчіи съ нашими выводами. Это видимое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что во время войны происходитъ колоссальное перераспредѣленіе національнаго дохода. Милліардныя потери владѣльцевъ денежныхъ капиталовъ не просто отбираются на нужды войны и цѣликомъ потребляются, а отчуждаются путемъ сложнаго процесса, въ которомъ изъ милліардныхъ затратъ значительная доля удерживается въ рукахъ различныхъ поставщиковъ въ видѣ огромныхъ прибылей. Допустимъ, что война поглощаетъ въ годъ цѣнностей на 10 милліардовъ рублей, которые получены отъ 2-хъ милліоновъ рабочихъ, крупныхъ, мелкихъ и среднихъ собственниковъ, въ среднемъ по 2 тыс. рублей отъ каждаго. Но въ процессѣ производства и обращенія изъ этихъ 10 милліардовъ 1 милліардъ остается у одной тысячи капиталистовъ въ видѣ прибыли, т.-е. по одному милліону у каждаго. Въ результатѣ года войны вся буржуазія и рабочій классъ потеряли 10 милліардовъ, а тысяча капиталистовъ нажили по одному милліону. Если бы не было войны всѣ 10 милліардовъ остались бы въ рукахъ буржуазіи, такъ какъ рабочій классъ эксплуатируется и въ мирное время и производитъ гораздо больше.

Поэтому при общемъ обѣднѣніи страны, при обѣднѣніи огромной части буржуазіи, отдѣльныя ея группы колоссально наживаются, а военная индустрія развивается на счетъ индустріи, удовлетворявшей обычныя потребности населенія страны.

Я уже замѣтилъ, что жизнь жестоко мститъ за фальсификацію экономической науки, которая свелась къ анализу товарно-денежнаго обращенія. Безъ учета всего національнаго богатства, при анализѣ только денежно-мѣновыхъ отношеній между отдѣльными хозяйствами, когда каждый предприниматель получаетъ денежную прибыль, прибыль очень высокую, состояніе всего народнаго хозяйства совершенно ускользаетъ отъ анализа, не замѣчается на первый взглядъ парадоксальное явленіе, что хотя буржуазіей получается денежная прибыль, но въ общемъ народно-хозяйственномъ процессѣ буржуазія бѣднѣетъ при обогащеніи только небольшихъ группъ этой буржуазіи.

Обычное утвержденіе, что для буржуазіи вообще выгодна война, является просто результатомъ фальсифицированной науки, изучающей только отношенія отдѣльныхъ хозяйствъ въ процессѣ товарнаго обращенія. Благодаря разоренію народнаго хозяйства происходитъ еще другое явленіе, которое вытекаетъ изъ предыдущаго и кото-

рое можетъ съ перваго взгляда показаться нелѣпымъ парадоксомъ, а именно:

Обѣднѣніе, разореніе буржуазіи являются причиной усилившейся роскоши, расширенія личнаго. непроизводительнаго потребленія.

Благодаря сокращенію товаровъ и, въ особенности, средствъ производства, деньги, вырученныя буржуазіей за товары, затрачиваются снова не въ производство, такъ какъ количество средствъ производства сократилось, а на личное потребленіе. Накопляющіяся вмѣсто средствъ производства деньги не могутъ снова цѣликомъ превратиться въ средства производства и затрачиваются на роскошь.

Если нельзя деньги затрачивать въ производство, на уголь, желѣзо и т. п., на нихъ покупаютъ брилліанты, т.-е. обѣднѣніе буржуазіи средствами производства сопровождается усиленіемъ роскоши личнаго потребленія, которое при общемъ разореніи страны производитъ впечатлѣніе пира во время чумы. Этотъ парадоксъ является результатомъ капиталистическаго строя въ періодъ паденія производительныхъ силъ. При самодержавномъ режимѣ расширенное личное потребленіе составляло монополію капиталистической буржуазіи, которая много потребляла при сокращеніи потребленія широкой массы населенія кромѣ войскъ. Революція внесла нѣкоторое измѣненіе въ процессъ распредѣленія національнаго дохода и въ процессъ потребленія.

Быстрое повышеніе заработной платы и жалованья послѣ революціи, разумѣется, не увеличило количества предметовъ потребленія, но усилило спросъ на нихъ, такъ какъ количество денежныхъ знаковъ увеличилось не только въ рукахъ буржуазіи, но и въ рукахъ широкихъ слоевъ демократіи. Количество продуктовъ обрабатывающей промышленности продолжало сокращаться съ большой быстротой не только потому, что послѣ революціи потребленіе болѣе широкихъ слоевъ нѣсколько расширилось, но и потому, что производство относительно сократилось, благодаря паденію производительности труда и благодаря дальнѣйшему сокращенію запасовъ товаровъ, имѣвшихся до войны. Какія бы цѣны ни устанавливались на товары, абсолютный ихъ недостатокъ неизбѣжно будетъ вызывать недовольство всѣхъ слоевъ населенія существующимъ экономическимъ положеніемъ. При этомъ, какъ всегда, при наличности противоположныхъ интересовъ, одинъ классъ общества будетъ обвинять въ недостаткѣ товаровъ другой классъ. Не только отдѣльные классы, но отдѣльныя небольшія группы населенія начинаютъ смотрѣть на народное хозяйство какъ на пи-

рогъ, изъ котораго каждая группа стремится отрѣзать наибольшій кусокъ. А такъ какъ пирогъ уменьшается, то борьба изъ-за этихъ кусковъ все болѣе и болѣе обостряется.

Увеличеніе количества денежныхъ знаковъ въ рукахъ буржуазіи создаетъ и у насъ и у другихъ классовъ иллюзію, что она обогощается во время войны, и если среди демократіи существуетъ неправильное представленіе о состояніи народнаго хозяйства, то въ этомъ повинна главнымъ образомъ экономическая наука: она являлась разсадникомъ такихъ взглядовъ, игнорируя процессы распредѣленія и перераспредѣленія производительныхъ силъ страны и національнаго дохода.

Семь лѣтъ тому назадъ, когда въ книгѣ „Теорія развитія народнаго хозяйства", посвященной анализу распредѣленія и перераспредѣленія производительныхъ силъ, я указывалъ на изученіе этихъ процессовъ, какъ на основу экономической науки, ученые экономисты смотрѣли на такую попытку анализа народнаго хозяйства, какъ на ненужную для экономической науки работу, потому что она не касается обмѣна, который, повидимому, является главнымъ источникомъ народнаго богатства и главнымъ объектомъ „научнаго" анализа.

Теперь, когда несмотря на высокія денежныя прибыли капиталистовъ происходитъ разрушеніе промышленности и уничтоженіе въ ихъ рукахъ капитала (реальнаго, а не денежнаго), можетъ быть появится и у экономистовъ желаніе глубже взглянуть на существующія экономическія отношенія.

„Придворные льстецы" самодержавнаго народа, „соціалисты" сегодняшняго дня, понимающіе „классовую борьбу" не какъ орудіе соціальнаго прогресса, а какъ натравливаніе одного класса на другой во чтобы то ни стало, разумѣется, не преминутъ обвинить меня въ защитѣ интересовъ буржуазіи, такъ какъ я осмѣливаюсь говорить и о потеряхъ отъ войны буржуазіи.

Но необходимо бороться не только съ академической, а и съ демагогической ложью...

* * *

Если принять во вниманіе распредѣленіе національнаго дохода въ капиталистическихъ странахъ въ мирное время, эти огромные военные расходы въ Россіи и не могли привести къ другимъ результатамъ.

Въ мирное время при безправіи крестьянъ и рабочихъ, рабочій классъ имѣлъ такой низкій уровень заработной платы, что выжать изъ него что-нибудь сверхъ того, что получалось, было крайне трудно.

Масса крестьянъ и рабочихъ получала такую низкую оплату труда, что всегда была на границѣ вырожденія. Поэтому когда война потребовала милліардныхъ расходовъ, когда начался выпускъ бумажныхъ денегъ, демократія явилась плательщикомъ за военные расходы лишь въ качествѣ покупателей, потребителей. Имущественно отъ обезцѣненія денегъ сначала пострадали владѣльцы денежныхъ капиталовъ. Владѣльцы товаровъ были въ восторгѣ, что товары можно было продавать по повышенной цѣнѣ. Но въ дѣйствительности расходы на войну стали постепенно падать и на владѣльцевъ товаровъ, такъ какъ вырученныя деньги обезцѣнивались. Такимъ образомъ, и широкіе слои буржуазіи принуждены были платиться за бѣдствія войны.

Лишь двѣ группы населенія выигрывали отъ войны, какъ бы долго она ни затянулась и какъ она ни разоряла страну. Эти двѣ группы,—владѣльцы недвижимой собственности,—землевладѣльцы и домовладѣльцы.

Недвижимая собственность, въ особенности земля, отличается для ея собственниковъ однимъ драгоцѣннымъ качествомъ,—она не можетъ быть потреблена, израсходована на войну, зданія еще подвергаются медленному разрушенію и нуждаются въ ремонтѣ, между тѣмъ какъ земля ничуть не теряетъ цѣнность при общемъ разрушеніи страны. Напротивъ, благодаря обезцѣненію денегъ и благодаря успѣшному потребленію продуктовъ сельскаго хозяйства цѣны на эти продукты повышаются, повышается земельная рента, доходность и цѣнность земли. Такъ же вліяетъ обѣднѣніе страны и на цѣнность другихъ видовъ недвижимаго имущества. Такимъ образомъ, въ Россіи и другихъ странахъ война даетъ прямую и непосредственную выгоду не торговой и промышленной буржуазіи, а землевладѣльцамъ и домовладѣльцамъ. Поэтому въ Германіи юнкерство и является наиболѣе воинствующимъ сословіемъ.

Кромѣ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ отъ войны выигрываютъ представители металлургической промышленности, которая, поставляя орудіе и снаряды, развивается на счетъ другихъ отраслей народнаго производства.

Если бы не было революціи, если бы сохранилось самодержавіе

и господство землевладѣльцевъ послѣ заключенія мира, то землевладѣльцы получили бы огромную выгоду отъ войны.

Землевладѣльцы, заложившіе свои земли въ кредитныхъ учрежденіяхъ до войны, выиграли бы нѣсколько милліардовъ только за счетъ своихъ кредиторовъ, такъ какъ эти долги они стали бы оплачивать обезцѣненными деньгами. Повышеніе цѣнъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ поведетъ къ колоссальному повышенію земельной ренты и цѣнъ на землю. При общемъ обѣдненіи страны изъ всей суммы національнаго дохода землевладѣльцы получали бы огромную долю и разоренная страна сдѣлалась бы данницей наиболѣе паразитарнаго класса.

Но революція поставила проблему распредѣленія національнаго дохода въ совершенно другую плоскость. Если главное завоеваніе революціи въ области экономическихъ отношеній будетъ сдѣлано, если произойдетъ отчужденіе земли у крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, то главная доля революціоннаго наслѣдства и тѣхъ выгодъ, которыя получили бы при самодержавіи землевладѣльцы, достанется крестьянству.

Это наслѣдство, если оно останется милліонамъ крестьянъ, дастъ небольшую прибавку къ ихъ бюджету и повыситъ впослѣдствіи ихъ благосостояніе. Но теперь, во время войны и въ ближайшее время по заключеніи мира ощутительныхъ результатовъ отъ завоеваній революціи крестьяне не замѣтятъ при общемъ разореніи страны, при разрушеніи промышленности крестьяне не могутъ получить значительнаго количества предметовъ обрабатывающей промышленности въ обмѣнъ за свои продукты. А попытки регулировать цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ при высокой цѣнѣ и при недостаткѣ предметовъ обрабатывающей промышленности будутъ разсматриваться ими, какъ покушеніе города на эксплуатацію деревни.

Такимъ образомъ, разоренное, благодаря войнѣ, революціонное наслѣдство можетъ повести къ борьбѣ между наслѣдниками, между городскимъ и сельскимъ населеніями, если ими не осознано будетъ состояніе народнаго хозяйства, если народъ не пойметъ, что онъ является наслѣдникомъ разореннаго хозяйства, что потребности государства не могутъ быть покрыты только сокращеніемъ потребленія буржуазіи и подоходнымъ налогомъ.

Мнѣ уже не разъ приходилось указывать, что введеніе поимущественнаго налога является наиболѣе необходимой и неизбѣжной мѣрой для покрытія государственныхъ расходовъ. Предыдущій ана-

лизъ показываетъ, что владѣльцы денежныхъ капиталовъ уже понесли огромныя потери, что на счетъ этихъ потерь обогатились домовладѣльцы и землевладѣльцы. Поэтому перенесеніе тяжести военныхъ расходовъ на владѣльцевъ недвижимой собственности является наиболѣе справедливой мѣрой.

Наибольшую цѣнность въ Россіи имѣетъ земельная собственность. Если бы крупная и средняя земельная частная собственность осталась неприкосновенной, то обложеніе крупнаго и средняго землевладѣнія высокимъ поимущественнымъ налогомъ давало бы значительныя средства государству. Но теперь, когда предстоитъ ограниченіе земель, когда даже урожай у значительной части землевладѣльцевъ взятъ крестьянами, а перезалогъ земель для уплаты налоговъ невозможенъ, поимущественный налогъ могутъ дать почти исключительно города, и на этотъ доходъ въ значительныхъ размѣрахъ государство не можетъ разсчитывать.

Таковы нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства, наслѣдникомъ котораго является революціонный народъ.

НѢКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

За послѣдніе годы и въ особенности во время революціи, съ русскими соціалистами случилась очень странная и печальная исторія. Раньше въ азбукѣ соціализма было положеніе, что экономика страны лежитъ въ основѣ политической жизни и, разумѣется, политическихъ переворотовъ. Теперь не трудно замѣтить, что самые ярые (на словахъ) соціалисты меньше всего заботятся о томъ, чтобы въ своихъ политическихъ построеніяхъ исходить изъ анализа экономическаго положенія страны и чтобы заниматься такимъ анализомъ. Это считается дѣломъ, касающимся присяжныхъ экономистовъ, которые могутъ дѣлать какіе угодно выводы, не касающіеся присяжныхъ политиковъ, занятыхъ политическими комбинаціями и менѣе всего склонныхъ считаться съ экономической структурой страны.

Меня лично, въ теченіе всей революціи, забавляли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пугали эти присяжные „политики", политическая мудрость которыхъ опредѣлялась гибкостью языка и которые съ нескрываемымъ самодовольствомъ и пренебреженіемъ относились къ экономическому анализу и прогнозу. И чѣмъ болѣе такой „соціалистъ-политикъ" былъ оторванъ отъ суровой экономической дѣйствительности, тѣмъ больше было въ немъ самоувѣренности, тѣмъ выше былъ полетъ его фантазіи, тѣмъ безудержнѣе его строительство соціальныхъ и политическихъ воздушныхъ замковъ, тѣмъ менѣе склонности считаться съ экономической дѣйствительностью. Не удивительно, что большая часть эмигрантовъ, долго оторванныхъ отъ русской дѣйствительности, обнаруживаютъ наибольшую плодотворность въ построеніи этихъ замковъ и наибольшее пренебреженіе къ дѣйствительности.

При такихъ условіяхъ особенно необходимо останавливать вни-

маніе на экономическомъ положеніи страны, стараться разсѣять вредные миражи и подвести нѣкоторые итоги.

* * *

Три года войны и полгода революціи дали намъ въ хозяйственномъ отношеніи огромный минусъ: хозяйство находится наканунѣ полнаго развала, грозящаго похоронить въ развалинахъ всѣ завоеванія революціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ тяжелый періодъ хозяйственной жизни далъ намъ огромный опытъ, огромный матеріалъ для пониманія хозяйственной жизни, матеріалъ, который нужно было умѣло использовать.

Опытъ войны и революціи прежде всего показалъ, какое огромное значеніе имѣетъ характеръ потребленіи національнаго дохода и къ какимъ результатамъ приводитъ его непроизводительная растрата.

Чтобы оріентироваться въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ потребленіи за время войны, мы вкратцѣ разсмотримъ процессы потребленія въ народномъ хозяйствѣ въ мирное время.

При условіяхъ капиталистическаго производства въ Россіи, потребленіе предметовъ, выбрасываемыхъ на рынокъ, рѣзко раздѣляетъ и противопоставляетъ другъ другу городъ, гдѣ сосредоточено производство предметовъ индустріи, деревнѣ, занятой сельскохозяйственнымъ производствомъ.

Изъ всѣхъ производимыхъ національнымъ хозяйствомъ продуктовъ одна часть потребляется индустріальнымъ и непроизводительнымъ населеніемъ,—назовемъ его городскимъ,—другая часть потребляется земледѣльческимъ, сельскимъ населеніемъ, которое по отношенію къ городу для его издѣлій было рынкомъ, „колоніей".

Разсматривая долю національнаго дохода, выраженную въ потребленіи городского и сельскаго производительнаго населенія, мы должны констатировать, что въ мирное время городская, индустріальная часть потребляетъ на душу населенія больше, чѣмъ сельская. Это объясняется законами заработной платы, которые сводятся къ тому, что въ сельскомъ хозяйствѣ создается минимумъ заработной платы, что изъ деревни „избыточное" населеніе передвигается въ городъ, гдѣ заработная плата выше.

Но кромѣ производительныхъ классовъ, занятыхъ посредственно или непосредственно въ производствѣ, въ городѣ имѣется огромный процентъ непроизводительнаго населенія, неимѣющаго никакого отношенія къ производству. Огромное количество лицъ, обслуживающихъ

личныя потребности господствующихъ классовъ (прислуга и проч.), такъ же какъ и представители этихъ классовъ, потребляютъ и продукты сельскаго хозяйства и предметы обрабатывающей промышленности. Недостатокъ стараго строя и заключался въ томъ, что при слабыхъ производительныхъ силахъ страны, часть непроизводительнаго населенія, не занятаго непосредственно или посредственно въ производствѣ, была слишкомъ велика и, сравнительно, малая часть была занята производительнымъ трудомъ. Интеллектуальныя силы, особенно получившія высшее образованіе, въ ничтожной долѣ шли на производительный трудъ техниковъ, инженеровъ и т. д. Наибольшая часть шла въ правительственный административный аппаратъ.

Благодаря этому производительныя силы страны развивались слабо. Если принять во вниманіе огромную для мирнаго времени армію, то будетъ вполнѣ понятна экономическая отсталость Россіи.

Какъ замѣчено, сельское населеніе, наиболѣе многочисленное, получало, относительно, малую долю національнаго дохода, отчуждая значительную часть продуктовъ сельскаго хозяйства. Вынужденное въ видѣ налоговъ, въ видѣ арендной платы отчуждать большое количество продуктовъ и взамѣнъ его ничего не получать, сельское населеніе потребляло и мало продуктовъ собственнаго производства и мало издѣлій изъ города.

При низкомъ уровнѣ производительности труда, но при огромномъ населеніи въ странѣ даже небольщое количество продуктовъ, отчуждаемое отъ каждаго земледѣльческаго хозяйства, давало возможность существовать большому числу непроизводительнаго населенія.

Сравнивая заработокъ квалифицированнаго рабочаго съ доходомъ средняго самостоятельнаго крестьянина, мы найдемъ, что если бы послѣдній не платилъ никакихъ налоговъ, если бы онъ не платилъ никакой арендной платы, то все-таки его доходъ былъ бы ниже, чѣмъ заработокъ квалифицированнаго рабочаго. Но кромѣ заработной платы рабочаго, городское населеніе получаетъ въ лицѣ предпринимателя прибыль отъ предпріятія, которая потребляется, отчасти, непосредственно капиталистомъ, отчасти лицами обслуживающими его потребности и, наконецъ, лицами, служащими въ государственныхъ учрежденіяхъ, поскольку капиталистъ платитъ налоги. Другая часть прибыли потребляется тѣми рабочими, которые создаютъ основной капиталъ и средства производства для расширеннаго производства.

Итакъ, благодаря тому, что продукты индустріи обмѣнивались на продукты земледѣлія въ такой пропорціи, что за единицу инду-

стріальнаго труда получалось больше единицъ земледѣльческаго труда, а также благодаря налогамъ, происходилъ процессъ накопленія въ индустріи и процессъ развитія производительныхъ силъ страны несмотря на огромную долю непроизводительнаго потребленія и государствомъ и имущими классами.

Таково было положеніе до войны.

Во время войны произошло рѣзкое измѣненіе распредѣленія и потребленія національнаго дохода.

Непроизводительное потребленіе въ видѣ военныхъ потребностей настолько усилилось, что стало поглощать основной капиталъ страны. Это поглощеніе благодаря методамъ финансированія войны приняло чрезвычайно своеобразныя формы.

Чтобы избѣжать платежа налоговъ правительство при старомъ порядкѣ стало выпускать бумажныя деньги. Такой методъ покрытія военныхъ расходовъ неизбѣжно повелъ къ обезцѣненію денегъ и денежнаго капитала. Отрицательныя стороны такого финансированія войны всѣ чувствуютъ и видятъ. Но едва ли многіе видятъ нѣкоторыя положительныя стороны въ томъ финансовомъ хозяйствѣ, которое принесло очевидныя для всѣхъ и самыя гибельныя послѣдствія.

Обезцѣненіе денежнаго капитала повело къ уменьшенію дохода денежныхъ рантье, извлекавшихъ этотъ доходъ изъ народнаго хозяйства. Номинальное увеличеніе суммы задолженности можетъ даже не сопровождаться увеличеніемъ уплаты реальныхъ цѣнностей кредиторамъ внутри государства, если на увеличивающуюся сумму долга соотвѣтственно обезцѣниваются бумажныя деньги.

Если, напримѣръ, при долгѣ въ 30 милліардовъ сдѣланъ новый заемъ въ 3 милліарда и если вмѣстѣ съ тѣмъ въ промежутокъ между займами деньги обезцѣнились на 10%, то реальныхъ цѣнностей въ видѣ процентовъ кредиторы въ общей суммѣ получатъ не больше, чѣмъ до заключенія займа: на 10% увеличится заемъ; но на десять же процентовъ уменьшится вслѣдствіе обезцѣненія денегъ и количество реальныхъ цѣнностей, которыя должны получать рантье. Казалось бы съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства этотъ способъ покрытія военныхъ расходовъ является самымъ выгоднымъ, такъ какъ онъ относительно уменьшаетъ долю непроизводительнаго потребленія въ видѣ денежныхъ рентныхъ доходовъ. Если бы дѣйствительно война велась бумажными деньгами, а не реальными цѣнностями, то это было бы правильно. Но война поглощаетъ реальныя цѣнности въ видѣ товаровъ, взамѣнъ которыхъ владѣльцы по-

лучаютъ деньги и потомъ реализуютъ въ займы, т.-е. превращаются въ денежныхъ рантье. Поэтому сумма непроизводительнаго потребленія, несмотря на сокращеніе количества товаровъ, благодаря этому не сокращается, хотя она можетъ и не увеличиваться при обезцѣненіи денегъ.

Мнѣ приходилось также указывать и на то, что несмотря на высокія военныя прибыли, которыя получаются отдѣльными группами капиталистовъ, буржуазія въ цѣломъ бѣднѣетъ, что она имѣетъ все менѣе и менѣе реальныхъ цѣнностей въ видѣ товаровъ и средствъ производства. Отдѣльные капиталисты могутъ богатѣть, Ивановъ можетъ купить 10 домовъ или 10 фабрикъ у Сидорова, Федорова и т. д., но у класса буржуазіи въ цѣломъ количество домовъ, фабрикъ и товаровъ не увеличивается. Между тѣмъ развитіе производительныхъ силъ страны возможно при капитализмѣ только при условіи, что буржуазія обогащается реальными „производительными" цѣнностями: орудіями и средствами производства, фабриками, машинами, топливомъ, сырьемъ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ для развитія производительныхъ силъ страны необходимо сокращеніе непроизводительнаго потребленія, главнымъ образомъ господствующихъ классовъ, т. е. той же буржуазіи, а также крестьянъ и рабочихъ.

Какъ мы замѣтили, это непроизводительное потребленіе и являлось главнымъ препятствіемъ экономическому развитію Россіи. А такъ какъ непроизводительное потребленіе дѣлается, главнымъ образомъ, за счетъ прибыли, то получается противорѣчіе: съ одной стороны нужна прибыль для расширеннаго воспроизводства, съ другой стороны прибыль должна сократиться для устраненія непроизводительнаго потребленія.

Задача правильнаго государственнаго и финансоваго хозяйства и сводится къ тому, чтобы воздѣйствовать на характеръ потребленія національнаго дохода въ указанномъ мною направленіи, т.-е. давить на непроизводительное потребленіе, сокращать его, не сокращая „производительнаго" потребленія.

Не трудно доказать, что въ интересахъ развитія производительныхъ силъ, а въ конечномъ случаѣ и для рабочей демократіи необходима именно такая политика. Допустимъ, что имѣются два лица. Одно лицо—капиталистъ, имѣющій фабрику, дающую 20 тыс. руб. дохода, изъ которыхъ онъ затрачиваетъ на личныя потребности 10 тыс. руб. и на расширеніе производства, т.-е. въ производство, также 10 тыс. руб. Другое лицо, адвокатъ или инженеръ, своимъ

личнымъ трудомъ зарабатываетъ 20 тыс. руб., но всѣ цѣликомъ ихъ проживаетъ, затрачиваетъ на свои личныя потребности.

Съ общепринятой точки зрѣнія первый, получая „нетрудовой“ доходъ, являясь эксплуататоромъ, подлежалъ бы высшей нормѣ обложенія, чѣмъ второй, зарабатывающій 20 тыс. руб. личнымъ трудомъ.

Между тѣмъ, съ точки зрѣнія народно-хозяйственной, у перваго лица, у фабриканта непроизводительно затрачиваются только 10 тыс., а 10 тыс. идутъ на необходимое для страны расширеніе производства, у второго лица, получающаго „трудовой“ доходъ, всѣ 20 тыс. руб. затрачиваются непроизводительно, въ ущербъ для народнаго хозяйства, проживаются ли эти деньги за границей, или внутри страны.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія развитія народнаго хозяйства подлежитъ сокращенію, а слѣдовательно, и финансовому обложенію непроизводительное потребленіе.

Такъ какъ финансовая „наука“ не является наукой въ томъ смыслѣ, чтобы разсматривать финансовое хозяйство, методы и объекты обложенія, исходя изъ интересовъ развитія хозяйства, а является искусствомъ взиманія налоговъ для поддержанія государственнаго хозяйства, считаясь главнымъ образомъ съ интересами господствующихъ классовъ, то искусство обложенія не изощрялось въ направленіи сокращенія непроизводительнаго потребленія, а изыскивало болѣе или менѣе остроумные способы для обложенія малоимущихъ слоевъ населенія. Поэтому и демократія, настаивая на обложеніи имущихъ классовъ, не разсматривала вопросы обложенія съ этой стороны. Между тѣмъ, съ указанной точки зрѣнія даже прогрессивный подоходный налогъ не является совершеннымъ. При современныхъ условіяхъ, если бы онъ и могъ дать максимальныя суммы отъ налогового обложенія, то все-таки, въ интересахъ демократіи и развитія производительныхъ силъ, въ первую очередь должны быть поставлены налоги на непроизводительное потребленіе, на роскошь и на всѣ виды рентныхъ доходовъ.

III

Я сдѣлалъ нѣкоторое отступленіе отъ анализа распредѣленія національнаго дохода во время войны, чтобы пояснить, какое значеніе имѣетъ непроизводительное потребленіе.

Итакъ, война увеличила не только непроизводительное потребленіе государства путемъ увеличенія его непроизводительныхъ расхо-

довъ, но, относительно, увеличила непроизводительное потребленіе буржуазіи, которая свой доходъ въ видѣ рентнаго дохода не затрачивала и не можетъ затратить на расширенное воспроизводство.

Если раньше, до войны, капиталисты получали 5 проц. изъ всей суммы національнаго производства, считая въ томъ числѣ и долю, получаемую изъ мелкаго крестьянскаго производства, или 15 проц. прибыли на свой капиталъ, то эта прибыль въ нѣкоторой части накоплялась въ видѣ новыхъ машинъ, увеличивавшагося количества сырья и готовыхъ товаровъ и, наконецъ въ видѣ предметовъ потребленія класса капиталистовъ и обслуживающихъ его слоевъ населенія.

Война поглощала не только накопляющійся капиталъ въ видѣ сырья, машинъ и проч. но и старый основной капиталъ; буржуазія сохраняла лишь личное потребленіе, между тѣмъ какъ производство средствъ и орудій производства сокращалось, т.-е. сохранилось лишь личное потребленіе 10 тыс. рублей дохода того капиталиста, котораго мы приводили, какъ примѣръ при сравненіи „трудового" и „нетрудового" дохода. Производительное потребленіе прибыли у класса капиталистовъ исчезло, хотя отдѣльные капиталисты могли сильно расширять производство на счетъ сокращенія производства у другихъ предпринимателей.

Что прибавила къ этому революція?

Революція, конечно, не прибавила капиталистамъ реальнаго капитала, который могъ бы быть затраченъ въ производство, потому что она не увеличила производства реальныхъ цѣнностей. Напротивъ, произошло дальнѣйшее сокращеніе средствъ производства и товаровъ при колоссальномъ увеличеніи бумажныхъ денегъ.

Все огромное значеніе сокращенія основного капитала страны соціалисты, къ сожалѣнію, не учли.

Въ обычное, невоенное время останавливаться на анализѣ производительнаго и непроизводительнаго потребленія классомъ капиталистовъ, такъ же какъ и другими классами, не было такой настоятельной необходимости. Въ обычное время рабочіе, ведя экономическую борьбу съ классомъ капиталистовъ, какъ болѣе сильнымъ, могли не безпокоиться о томъ, что послѣдніе не будутъ имѣть достаточно прибыли, чтобы не только поддерживать производство въ старыхъ размѣрахъ, но даже вести расширенное производство. Рабочій классъ не особенно заботился о сокращеніи непроизводительнаго потребленія капиталистовъ, такъ какъ процессъ накопленія происходилъ достаточно интенсивно. Теперь положеніе другое. Въ виду сокращенія

средствъ производства, одинаково угрожающаго какъ классу капиталистовъ, такъ и классу рабочихъ, приходится серьезно задумываться надъ тѣмъ, чтобы доля національнаго дохода въ видѣ средствъ производства увеличивалась за счетъ непосредственнаго непроизводительнаго потребленія. А для этого необходимо был сокращеніе такого вида потребленія у всѣхъ классовъ общества. Было бы наиболѣе цѣлесообразно, чтобы средства производства росли въ рукахъ общества и государства, но въ настоящее время и въ общественныхъ предпріятіяхъ (напр, трамваи) и въ государственныхъ (желѣзныя дороги, почта, телеграфъ) расходы превышаютъ доходы, т.-е. процесса накопленія не могло происходить.

Несправедливо винить въ этомъ какой-либо классъ общества. Всѣ общественные классы стремятся максимально удовлетворить свои потребности; въ экономикѣ нѣтъ альтруистовъ, а есть экономическій расчетъ, но этотъ же расчетъ долженъ былъ заставить внести элементъ принужденія въ процессъ распредѣленія національнаго дохода и его потребленія, исходя изъ интересовъ будущаго. Въ первую очередь должно было сократиться непроизводительное потребленіе имущихъ классовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были усилиться производительныя затраты труда и сокращаться непроизводительныя его затраты. Между тѣмъ, объ этомъ никто не заботится. Поэтому производительность труда рабочихъ, благодаря сокращенію средствъ производства у буржуазіи (какъ класса), за время войны постепенно падала.

Рабочій классъ и классъ капиталистовъ связаны неразрывной цѣпью, какъ каторжникъ съ его тачкой. Уменьшеніе реальнаго капитала въ рукахъ класса капиталистовъ, уменьшеніе машинъ, желѣза, угля и т. д. сопровождается уменьшеніемъ производительности труда, т. е. дальнѣйшимъ сокращеніемъ средствъ производства. А такъ какъ личное потребленіе и рабочихъ, и капиталистовъ, и крестьянъ не сокращается, то сокращеніе производства вело къ новому, еще болѣе острому уменьшенію средствъ производства.

Революція не облегчила положенія: она расширила личное потребленіе нѣкоторыхъ категорій рабочаго класса, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, повела къ еще болѣе рѣзкому паденію производительности его труда.

Безправное положеніе рабочихъ до революціи вызвало со стороны рабочаго класса естественную реакцію, стремленіе расправить свои плечи, увеличить свой заработокъ и сократить рабочее время, не учитывая послѣдствій этого, вполнѣ естественнаго стремленія. Не только рабочіе той или другой фабрики, но и тѣ, кто могъ наблю-

дать все народное хозяйство въ цѣломъ, не замѣчали, что при существующихъ условіяхъ, когда происходитъ сокращеніе капитала въ рукахъ буржуазіи, это сокращеніе въ концѣ концовъ ударитъ не только по буржуазіи, но и по рабочему классу.

Когда происходятъ споры о томъ, кто виноватъ въ паденіи производства и паденіи производительности труда, когда раздаются взаимныя обвиненія: со стороны рабочихъ обвиненіе промышленниковъ въ саботажѣ производства, а со стороны промышленниковъ обвиненіе рабочихъ и ихъ организацій въ разрушительной дѣятельности, то эти споры напоминаютъ споры пассажировъ тонущаго корабля изъ-за мѣста за общимъ столомъ въ минуту общей гибели.

Распредѣленіе національнаго дохода во время революціи еще въ болѣе сильной степени ведетъ къ сокращенію средствъ производства и къ еще большему относительному расширенію личнаго потребленія за счетъ основного капитала страны. Расширеніе и даже сохраненіе нормы потребленія рабочихъ при сокращеніи производительности ихъ труда, такъ же какъ сохраненіе нормы потребленія другихъ городскихъ классовъ происходитъ за счетъ усиленнаго сокращенія основного капитала страны и, слѣдовательно поведетъ къ еще болѣе быстрому сокращенію и предметовъ потребленія. Кризисъ экономическій, а не только финансовый является неизбѣжнымъ, потому что страна не можетъ продолжительное время потреблять больше, чѣмъ она производитъ. При такихъ условіяхъ, чѣмъ больше „завоеванія“ рабочихъ,—чѣмъ короче рабочій день, чѣмъ выше заработная плата—тѣмъ глубже будетъ кризисъ, тѣмъ больше будетъ безработица, потому что уменьшеніе основного капитала, уменьшеніе средствъ производства въ рукахъ предпринимателей поведетъ къ соотвѣтственному сокращенію и самого производства.

Нужно прямо и открыто сказать, что если бы теперь былъ возможенъ соціалистическій строй, то для сохраненія (даже не для расширенія) производства пришлось бы сократить потребленіе городскихъ классовъ больше, чѣмъ въ настоящее время, и усилить интенсивность труда.

Къ сожалѣнію, за время революціи со стороны тѣхъ, кто считаетъ себя друзьями рабочаго класса, почти не было предостереженій и указаній на то, что нужно въ интересахъ рабочихъ же не общее уничтоженіе прибыли, путемъ личнаго потребленія ея рабочими, а сокращеніе до минимума потребленія этой прибыли капиталистами и общее сокращеніе всякихъ непроизводительныхъ расхо-

довъ. Категоріи производительнаго и непроизводительнаго потребленія совершенно не выяснены и не осознаны соціалистами, а буржуазные экономисты въ этомъ не заинтересованы, и рабочему классу подготовляется пораженіе именно тогда, когда, повидимому, онъ дѣлаетъ наибольшія завоеванія. Объ этомъ не подозрѣваетъ ни онъ, ни его истинные и ложные друзья...

Пути и методы сокращенія непроизводительнаго потребленія дохода капиталистами почти не разработаны экономической и финансовой наукой, но они есть и ихъ необходимо обсудить особо. Во всякомъ случаѣ, мысль рабочихъ ихъ вождями направлялась не въ эту сторону. По легкомыслію, а можетъ быть и по невѣжеству во время революціи „сознательные" соціалисты въ большинствѣ случаевъ толкали всѣхъ на путь сокращенія основного капитала расширеніемъ личнаго потребленія и сокрашеніемъ затрачиваемаго производительнаго физическаго и нервнаго, интеллектуальнаго труда.

Но это еще не все. Въ началѣ статьи я указалъ на то распредѣленіе національнаго дохода, которое существовало между городомъ и деревней до войны. Деревня отчасти волей (въ обмѣнъ за продукты обрабатывающей промышленности), отчасти неволей (въ видѣ налоговъ) отдавала городу значительную часть своихъ продуктовъ.

При паденіи производительныхъ силъ страны и при относительномъ (по отношенію къ суммѣ производства) увеличеніи потребленія рабочихъ во время революціи, для деревни въ обмѣнъ на ея продукты остается меньшая доля предметовъ индустріи. Съ другой стороны, „невольное" отчужденіе продуктовъ изъ деревни въ видѣ налоговъ сократилось, и напротивъ, увеличился денежный доходъ деревни въ видѣ солдатскихъ пайковъ и въ видѣ болѣе высокихъ цѣнъ за сельскохозяйственные продукты. Эти условія должны вызвать большій спросъ со стороны деревни на предметы обрабатывающей промышленности въ обмѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Между тѣмъ, при изложенныхъ выше обстоятельствахъ удовлетвореніе этого спроса становится невозможнымъ. Удовлетвореніе деревни до сихъ поръ было возможно или за счетъ сокращенія личнаго потребленія города или, главнымъ образомъ, за счетъ сокращенія основного капитала индустріи. Послѣднее выражалось въ томъ, что, напримѣръ, желѣзо не могло затрачиваться на желѣзныя дороги, на новыя машины и т. д., а должно было итти въ деревню на удовлетвореніе ея потребностей въ желѣзѣ. Это, даже частичное удовлетвореніе потребностей деревни вело, какъ я замѣтилъ, къ

дальнѣйшему сокращенію обрабатывающей промышленности и къ остановкѣ снабженія и города и деревни.

Дальнѣйшее сокращеніе снабженія деревни поведетъ къ сокращенію сбыта хлѣба на рынокъ, потому что обмѣнивать его не на что. А такое положеніе дѣла неизбѣжно поведетъ къ голоду города и арміи.

Конечно, не стоитъ опровергать демагогическихъ обѣщаній „Правды“, что отъ „буржуевъ“ можно отобрать товары и двинуть въ деревню въ обмѣнъ на хлѣбъ. Всякому ясно, что „изъ буржуя“ не выжмешь необходимыхъ товаровъ, если даже его убить, если эти товары не производятся въ достаточномъ количествѣ. А, какъ извѣстно, товары производятся не руками „буржуевъ“. Итакъ городу, и буржуазіи и рабочимъ, грозитъ голодъ. Сейчасъ трудно учесть моментъ, когда городское населеніе окажется совершенно безъ хлѣба, — я думаю, что процессъ агоніи города протянется не меньше года,—до будущаго урожая...

Наконецъ, революція не устранила основного недостатка самодержавія,—огромной доли непроизводительнаго потребленія государствомъ и тѣмъ самымъ поставила въ опасность свои завоеванія.

Производительныя силы страны падаютъ, а непроизводительное потребленіе при революціи не только не падаетъ, но относительно расширяется и въ области государственнаго хозяйства. Прежде всего дорогой административный аппаратъ самодержавія вмѣстѣ съ революціей не удешевился, а даже сталъ дороже. Отъ того, что вмѣсто Распутина разъѣзжаетъ въ автомобиляхъ Троцкій, а вмѣсто Плеве сидитъ во дворцѣ Ленинъ, дѣло не мѣняется.

Всевозможные мѣстные комитеты, отвлекая огромное количество лучшихъ силъ изъ среды рабочихъ и интеллигенціи на административную работу, ложатся огромною тяжестью на народное хозяйство. Комитеты являются, можетъ быть, хорошей политической школой для значительной части населенія, но школой слишкомъ дорогой, такъ какъ завоеванія революціи могутъ быть укрѣплены лишь хорошей экономикой. Между тѣмъ, хотя и обучавшіеся въ политической школѣ, но голодные и безработные люди на почвѣ голода впослѣдствіи забудутъ всякіе уроки и будутъ дѣйствовать такъ, какъ имъ подсказываетъ инстинктъ самосохраненія.

Въ данномъ случаѣ я не вхожу въ оцѣнку политической цѣлесообразности, въ силу которой многія непроизводительныя затраты необходимы и цѣлесообразны. Я имѣю въ виду лишь экономическую сторону происходящихъ явленій.

Итакъ, деревня сократитъ снабженіе города хлѣбомъ и въ то же время на почвѣ сокращенія средствъ производства у капиталистовъ, вслѣдствіе обѣдненія страны этими средствами, неизбѣжно будетъ безработица при огромной потребности въ продуктахъ. Это грозитъ голодными погромами.

Вотъ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ создавшагося экономическаго положенія.

Я не ставлю своей задачей давать политическіе рецепты, а стремлюсь дать правдивый анализъ того, что совершается и должно совершиться. Каждый политическій дѣятель можетъ изъ этого дѣлать свои выводы.

Положеніе угрожающее. И прежде всего, при такомъ положеніи, нужно опредѣлить, какую позицію займутъ различные классы въ тѣ болѣе тяжелые моменты, которые предстоятъ передъ страной.

Какую позицію займетъ главная масса крестьянства, поставщиковъ хлѣба на рынокъ? Въ настоящее время все вниманіе крестьянъ направлено на помѣщичьи земли. Уже теперь происходитъ перераспредѣленіе дохода въ сельскомъ хозяйствѣ въ томъ направленіи, что имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ и, въ особенности, ихъ доходы исчезаютъ. Скоро, вѣроятно, они совсѣмъ исчезнутъ, и какъ съ товаровладѣльцами городъ будетъ имѣть дѣло исключительно съ крестьянами. Здѣсь на почвѣ товарообмѣна городское населеніе и, въ частности, рабочіе столкнутся съ крестьянами-поставщиками сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Уже и теперь среди крестьянства встрѣчается недружелюбное отношеніе къ рабочимъ.

Говорятъ, это вызывается реакціонной злокозненной агитаціей.

Конечно, агитація имѣетъ мѣсто, если она имѣетъ подъ собой какую-либо почву,—это мы знаемъ еще отъ періода самодержавія. И вотъ та почва, которая подготовляется всѣми указанными мною явленіями, не только поставитъ крестьянъ въ опредѣленное отношеніе къ городу, но она поставитъ ихъ въ рѣзко отрицательное отношеніе къ завоеваніямъ рабочихъ. Разумѣется, это будетъ не скоро и не сразу. Но неизбѣжно, ради удешевленія продуктовъ индустріи и уменьшенія въ ней издержекъ производства, крестьяне, какъ потребители, не будутъ на сторонѣ рабочихъ.

Поскольку же крестьяне на этой почвѣ будутъ сталкиваться съ индустріальнымъ населеніемъ, въ вопросахъ таможенной политики они будутъ бороться и противъ промышленниковъ и противъ рабочихъ

Крестьянство, какъ политически болѣе отсталый элементъ, послѣ удовлетворенія своей нужды въ землѣ, не найдя ни въ какомъ рѣшеніи земельнаго вопроса удовлетворительнаго разрѣшенія своей матеріальной нужды и необезпеченности, въ области политики можетъ пойти противъ городской буржуазіи и рабочихъ. Окончательные результаты всѣхъ революцій говорятъ за то, что и при болѣе благопріятныхъ экономическихъ отношеніяхъ, при менѣе острыхъ противорѣчіяхъ между городомъ и деревней, отсталость деревни приводитъ къ печальнымъ результатамъ.

Если бы одно крестьянство сталкивалось съ городомъ, политическій строй опредѣлялся бы все-таки городскимъ населеніемъ.

Но на почвѣ голода и на почвѣ безработицы, которыя будутъ особенно острыми въ періодъ демобилизаціи, когда явятся съ фронта ищущіе работы отпущенные солдаты, послѣ того, какъ они лишатся казеннаго содержанія, борьба голодныхъ и безработныхъ расколетъ городъ на два враждебныхъ лагеря, и, конечно, голодные и безработные будутъ разбиты, такъ какъ тѣ, кто имѣетъ работу, при обостренной борьбѣ за заработокъ, во всякомъ случаѣ не будутъ на сторонѣ анархическаго движенія безработныхъ. Трагедія рабочаго класса и будетъ заключаться въ томъ, что никто и никакимъ путемъ не будетъ въ состояніи дать всѣмъ работу, такъ какъ средства производства сократились, а безработному нужно будетъ прежде всего хлѣба и работы. Экономика сильнѣе политики, и чѣмъ меньше въ политикѣ классы считаются съ экономикой, тѣмъ больше они, въ конечномъ счетѣ, проигрываютъ.

Резюмируя все сказанное о народномъ хозяйствѣ во время войны и революціи приходится признать, что ни буржуазія ни рабочая и крестьянская демократія не могли встать выше своихъ классовыхъ временныхъ, преходящихъ интересовъ во имя интересовъ всей страны въ цѣломъ, во имя сохраненія и развитія производительныхъ силъ страны, отъ котораго, въ конечномъ счетѣ, выиграли бы всѣ классы населенія. Ибо отъ разоренія, отъ паденія производительныхъ силъ страны пострадаютъ и буржуазія, и рабочіе, и крестьяне. При бо́льшемъ экономическомъ равенствѣ, равенствѣ нищеты Россіи придется отстаивать свою экономическую самостоятельность передъ вооруженнымъ культурой и колоссальными средствами европейскимъ капиталомъ. Перспектива — не радужная для всѣхъ, кто любитъ свою страну и болитъ за нее.

Содержаніе

Предисловіе 5

ЧАСТЬ I-я

Причины и цѣли войны

Война и торговые договоры 9

Экономическія причины міровой войны

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Экономическое развитіе Германіи и Россіи 11

ГЛАВА ВТОРАЯ

Таможенная политика 28

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Значеніе колоній и колоніальная политика 39
Приложеніе. Цѣнность ввоза и вывоза главнѣйшихъ товаровъ на міровомъ рынкѣ 56

Война и демократія

О „движеніи“ и „конечной цѣли“ 59
Война и демократія 78
Самозащита 86
Объ имперіализмѣ 96
Неизбѣженъ ли имперіализмъ 129
Политическая или соціальная революція 141
Развитіе производительныхъ силъ 156
Продовольственный вопросъ 176
Экономическія перспективы и экономическая наука 185
Демократія и финансовая политика 204
Революціонное наслѣдство 210
Нѣкоторые итоги и перспективы 219

Цѣна 8 руб.

